

ВОРОНЕЖСКИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

№ 6 (23). 2020

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

доктор юридических наук
М. О. Баев

доктор юридических наук
Е. Каспшак
(г. Ольштын, Польша)

доктор юридических наук
В. А. Мещеряков

кандидат
юридических наук
Т. Э. Кукарникова
(ответственный
секретарь)

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор):
Свидетельство о регистрации
средства массовой
информации ПИ
№ ФС77-60396
от 29 декабря 2014 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие..... 5

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Анисимова В. В. Частный обвинитель и его процессуальный статус в состязательном уголовном процессе России 6

Баева К. М. Злоупотребление правом в свете возможно-желаемого изменения уголовно-процессуального законодательства 14

Белкин А. Р. Судебный допрос: строгая регламентация..... 20

Мещеряков В. А., Цурлуй О. Ю. Особенности изъятия компьютерной информации с цифровых носителей в ходе предварительного расследования..... 27

Савицкая И. Г. К вопросу о целях и содержании допроса эксперта в суде 36

Саньков В. И. Актуальные вопросы установления и возмещения ущерба, причиненного преступлениями 42

Хмелева А. В. Преступления прошлых лет: организация работы в системе Следственного комитета Российской Федерации 49

КРИМИНАЛИСТИКА

Баев М. О. Проблемы риска в защитной деятельности в уголовном судопроизводстве 56

Боков С. Н. Использование знаний в области психиатрии в розыске без вести пропавших несовершеннолетних и профилактике факторов их безвестного исчезновения..... 63

Галяшина Е. И. Криминогенные речевые действия, посягающие на безопасность интернет-коммуникации: криминалистический и лингвистический аспекты 68

Адрес редакции:
394006 Воронеж,
пл. Ленина, 10а, к. 611

Ведущий редактор
издательской группы
А. Ю. Игнатова

Подписано в печать
30.12.2020.
Формат 70×100/16.
Усл. п. л. 11,4.
Уч.-изд. л. 11,9.
Тираж 300. Заказ 301

Издательский дом ВГУ
394018 Воронеж,
пл. Ленина, 10

Отпечатано в типографии
Издательского дома ВГУ
394018 Воронеж,
ул. Пушкинская, 3

© Воронежский
государственный
университет, 2020
© Оформление,
оригинал-макет.
Издательский дом ВГУ, 2020

Головчанский А. В. Цифровая видеозапись как источник криминалистически значимой информации.....	76
Комаров И. М. Базовые основы теоретических построений в криминалистике.....	81
Комбарова Е. Л. Тактика суда: проблемы определения сущности криминалистической категории.....	87
Краснова Л. Б. Криминалистические особенности использования информационно-телекоммуникационных сетей для бесконтактного сбыта наркотических средств	96
Кукарникова Т. Э. Применение моделирования при производстве следственных действий	100
Олиндер Н. В. О соотношении понятий «юридическая» и «криминалистическая» характеристика преступлений, совершенных с использованием электронных платежных систем	106
Пырьева Е. И., Потанина И. В. Вопросы, связанные с криминалистической характеристикой убийств, совершенных несовершеннолетними с особой жестокостью	113
Стояновский М. В. Возможные ошибки в механизме предъявления для опознания.....	116
Суворова Л. А., Суворова В. В. Общая характеристика преступлений, совершенных с использованием социальной инженерии	123
Чиненов Е. В., Шукин В. И., Симоненко Е. И. Проблемы криминалистического исследования документов в процессе раскрытия и расследования экономических преступлений в сфере железнодорожного транспорта	132
Требования к материалам, направляемым в редакционную коллегию журнала для опубликования	138

VORONEZH CRIMINALISTIC READINGS

№ 6 (23). 2020

FEDERAL SCIENTIFIC
AND PRACTICAL JOURNAL

EDITORIAL BOARD:

doctor of legal sciences
M. O. Baev

doctor of legal sciences
E. Kaspshak
(Olsztyn, Poland)

doctor of legal sciences
V. A. Meshcheryakov

candidate of legal sciences
T. E. Kukarnikova
(executive secretary)

CONTENTS

Introduction.....5

CRIMINAL PROCESS

Anisimova V. V. The private counsel for the prosecution and his status in adversary proceeding in the Russian Federation 6

Baeva K. M. Abuse of law in the light of the possible-desired amendment of the criminal procedure law 14

Belkin A. R. Judicial interrogation: strict regulations..... 20

Meshcheryakov V. A., Tsurluy O. Yu. Features of the removal of computer information from digital media during the preliminary investigation..... 27

Savitskaya I. G. Expert testimony as evidence in criminal proceedings 36

San'kov V. I. Actual questions of establishment and compensation of damage, caused by crimes..... 42

Khmeleva A. V. Crimes of past years: organization of work in the investigation committee system Russian Federation..... 49

CRIMINALISTICS

Baev M. O. Problems of risk in protective activities in criminal proceedings..... 56

Bokov S. N. Use of knowledge in the field of psychiatry in the search for missing minors and prevention of factors of their unknown disappearance 63

Galyashina E. I. Criminal speech actions infringing on the security of Internet communication: forensic and linguistic aspects 68

Golovchanskiy A. V. Digital video recording as a source of criminalistically value information..... 76

Editorial address:
394018 Russia, Voronezh,
Lenin Sq., 10a, r. 611

Komarov I. M. The basic foundation of theoretical constructs in criminalistics.....	81
Kombarova E. L. Tactics court: the problem of determining the nature of the crime category.....	87
Krasnova L. B. Forensic features of the use telecommunication networks for the contactless sale of drugs.....	96
Kukarnikova T. E. The use of modeling in the production of investigative actions.....	100
Olinder N. V. About correlation of concepts legal and criminalistic characteristic of the crimes committed with use of electronic payment systems.....	106
Pyrieva E. I., Potanina I. V. Issues connected with criminalistic characteristic of murders committed by minors with special cruelty.....	113
Stoyanovsky M. V. Possible mistakes in mechanism of submission for identification.....	116
Suvorova L. A., Suvorova V. V. Overview of social engineering crimes.....	123
Chinenov E. V., Shchukin V. I., Simonenko E. I. Problems of criminal study of documents in the process of disclosure and investigation of economic crimes in the sphere of railway transport.....	132
The requirements to the materials directed to an editorial board of the journal for publication.....	138

*Столетию со дня рождения,
светлой памяти доктора юридических наук,
профессора кафедры уголовного права и криминалистики
Василия Федоровича Зудина
(1920–1999)
посвящается*

ПРЕДИСЛОВИЕ

В юбилейный год семидесятилетия Победы, работая в условиях, приближенных к боевым, очередной выпуск «Воронежских криминалистических чтений» мы посвящаем памяти учителя, участника и инвалида Великой Отечественной войны, героически прошедшего ее от начала и до конца, доктора юридических наук, профессора Василия Федоровича Зудина.

С 1962 г. и до самого последнего дня его жизнь была связана с юридическим факультетом Воронежского государственного университета. Курс советской криминалистики в изложении Василия Федоровича, семинарские и практические занятия еще одного ветерана войны Алексея Степановича Одиноких стали отправной точкой в профессиональном самоопределении сотен выпускников, чьими успехами юрфак справедливо гордится и сегодня.

Именно поэтому в данном выпуске нашего научно-практического журнала представлены исследования не только видных теоретиков криминалистики и уголовного процесса (Е. И. Галяшиной, А. Р. Белкина, И. М. Комарова, В. А. Мещерякова и др.), но и известных практических криминалистов (В. И. Санькова, А. В. Хмелевой и др.).

Обозначив часть ученых теоретиками, немедленно осознал условность подобного подхода, поскольку за плечами у каждого из них многолетняя криминалистическая практика, да и сегодня абсолютное большинство активно практикуют максимально эффективные процессуально-криминалистические исследования. Представленные же практики, бесспорно, обладают высочайшей научно-теоретической основой, что приводит к пониманию того, что именно подобная системность в исследовании уголовно-процессуальной и криминалистической проблематики – залог успеха, мотивационное начало всей деятельности.

Василий Федорович умел мотивировать. Неслучайно его любимым анекдотом был следующий: «Толстого мужика приговорили к казни на электрическом стуле, а он в него не влезает. Посадили на диету – поправился на 10 кг. Стали давать только хлеб и воду – еще 10 кг прибавил. Оставили одну воду – еще плюс 10 кг. Не выдержали:

– Да что же ты, гад, никак не худеешь???

А тот отвечает:

– Понимаете, абсолютно нет мотивации!»

Поэтому всем, даже в наших необычных карантинных условиях, хочется пожелать сил, терпения и, самое главное, жизненной мотивации!

И всех нас с юбилеем Великой Победы!!

*Доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой криминалистики
М. О. Баев*

УДК 343.12

В. В. Анисимова

Воронежский государственный университет

ЧАСТНЫЙ ОБВИНИТЕЛЬ И ЕГО ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС В СОСТЯЗАТЕЛЬНОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

А н н о т а ц и я: анализируются и разграничиваются понятия «частный обвинитель», «потерпевший по уголовному делу» и «пострадавший от преступления»; предлагается дополнить УПК отдельной статьей, посвященной процессуальному статусу пострадавшего; обосновывается правомерность и методологическая корректность указания в УПК перечня прав и обязанностей, присущих непосредственно частному обвинителю, в том числе и право на оказание бесплатной юридической помощи.

К л ю ч е в ы е с л о в а: частный обвинитель, потерпевший, пострадавший, права и обязанности частного обвинителя.

THE PRIVATE COUNSEL FOR THE PROSECUTION AND HIS STATUS IN ADVERSARY PROCEEDING IN THE RUSSIAN FEDERATION

A b s t r a c t: the article analyzes and differentiates the notions of «private counsel», «complainant» and «criminal offence victim»; it's suggested to complete the Criminal Code with a separate article, devoted to adversary status of a complainant and prove the eligibility and methodological accuracy of the list of rights and responsibilities, sovereign to a private counsel for the prosecution, including the right for free legal assistance.

Key words: private counsel, complainant, criminal offence victim, rights and responsibilities of a private counsel.

Поступила в редакцию 21 января 2020 г.

Институт частного обвинения является одним из старейших институтов российского процессуального законодательства, основанным на диспозитивности, волеизъявлении, желании частного лица привлечь к уголовной ответственности обидчика, совершившего уголовно наказуемое деяние. Заявление лица по делу частного обвинения, исходя из исторического пути развития института, расце-

нивается как «уголовный иск» по незначительным делам о частной, т. е. личной, обиде¹.

О процессуальном статусе частного обвинителя в последние годы было написано немало². В связи с этим считаем уместным акцентировать внимание только лишь на некоторых принципиально важных положениях законодательства, регламентирующих процессуальный статус частного обвинителя, с целью выявления проблемных моментов, а также оп-

© Анисимова В. В., 2020

тимизации уголовного судопроизводства по делам частного обвинения.

Согласно ч. 1 ст. 43 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК) частным обвинителем является лицо, подавшее заявление в суд по уголовному делу частного обвинения в порядке, установленном ст. 318 УПК, и поддерживающее обвинение в суде; в п. 59 ст. 5 УПК дается иное определение: частный обвинитель – потерпевший или его законный представитель и представитель по уголовным делам частного обвинения.

Однако в ч. 2 ст. 20 УПК указано следующее: «Уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 115 частью первой, 116.1 и 128.1 частью первой Уголовного кодекса РФ, считаются уголовными делами частного обвинения, возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего, его законного представителя». Далее в ч. 1 ст. 318 УПК конкретизируется, что уголовные дела о преступлениях, указанных в ч. 2 ст. 20 УПК, возбуждаются в отношении конкретного лица путем подачи потерпевшим или его законным представителем заявления в суд.

Сопоставляя вышеуказанные положения законодательства, наблюдается несоответствие, а именно несоответствие в лицах, которые имеют право подать заявление по делам частного обвинения, а затем и являться частным обвинителем. В ч. 2 ст. 20 и ч. 1 ст. 318 УПК, в отличие от п. 59 ст. 5 УПК, не указан в качестве такого лица представитель.

Стоит отметить, что указание законодателем на потерпевшего как субъекта частного обвинения, на наш взгляд, некорректно. Процессуальным основанием признания лица потерпевшим является соответствующее постановление или определение суда (ч. 1 ст. 42 УПК), которое в данном случае не выносится.

Лицо может быть признано потерпевшим как по его заявлению, так и по ини-

циативе органа, в производстве которого находится уголовное дело. В тех случаях, когда по поступившему в суд уголовному делу будет установлено, что лицо, которому преступлением причинен вред, не признано потерпевшим по делу, суд признает такое лицо потерпевшим³.

В то же время ст. 22 УПК предусматривает не обязанность, а право потерпевшего, его законного представителя и (или) представителя на участие в уголовном преследовании обвиняемого.

Предусмотрев *право*, а не *обязанность*, на участие в уголовном преследовании, законодатель не закрепляет согласие самого пострадавшего как одно из оснований признания его потерпевшим (в данном случае мы говорим, конечно же, об уголовных делах публичного обвинения).

Пострадавшее от преступления лицо не должно облекаться процессуальным статусом потерпевшего без его на то желания, так как оно может попросту не желать воспользоваться своим процессуальным правом и участвовать в уголовном преследовании.

И потому, на наш взгляд, необходимо законодательно разграничить понятия «пострадавший от преступления» (как лицо, которому преступлением причинен тот или иной вред) и «потерпевший по уголовному делу» (как процессуальная фигура, которая может возникать и существовать в уголовном судопроизводстве лишь на основе волеизъявления на то пострадавшего от преступления)⁴.

В связи с вышесказанным необходимо различать три принципиально разных понятия: пострадавший от преступления, потерпевший (по делам частно-публичного и публичного обвинения, в отношении которого вынесено соответствующее постановление) и частный обвинитель (по делам частного обвинения с момента принятия судом заявления к своему производству).

Говоря о лице, правомочном подавать заявление в суд с целью возбуждения уголовного дела частного обвинения, целесообразно говорить не о потерпевшем, а о пострадавшем от преступления лице. Тем самым п. 59 ст. 5, ч. 2, 3 ст. 20, ст. 22, ч. 1 ст. 318 УПК и другие необходимо изменить, заменив процессуальную фигуру «потерпевшего» «пострадавшим».

Также необходимо дополнить УПК отдельной статьей, посвященной статусу пострадавшего, в которой целесообразно предусмотреть само определение пострадавшего и права, которыми он обладает. «Пострадавшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации». В числе основных прав пострадавшего от преступления по уголовным делам, относящимся к категории дел публичного обвинения, предлагается закрепить его право на признание его потерпевшим по уголовному делу на основании его заявления, поданного в любой момент с возбуждения уголовного дела до окончания судебного следствия. По делам частного-публичного обвинения такое право предусмотрено быть, естественно, не может, так как пострадавшее от преступления лицо, подавая заявление о совершении в отношении него преступления, автоматически дает свое согласие на признание его потерпевшим.

Стоит изменить и ч. 1 ст. 42 УПК, представив ее в следующей редакции:

«1. Потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации, признанное в этом качестве в установ-

ленном законом порядке по делам частного-публичного обвинения и с письменного согласия пострадавшего по делам публичного обвинения».

Под частным обвинителем необходимо понимать только пострадавшее от преступления лицо или его законного представителя, исключая представителя.

В связи с вышесказанным, как представляется, п. 59 ст. 5 УПК необходимо изменить и под частным обвинителем понимать пострадавшее от преступления лицо или его законного представителя по уголовным делам частного обвинения, признанное судом в порядке, установленном ч. 7 ст. 318 УПК. Данное определение будет соответствовать вышерассмотренным положениям ч. 1 ст. 43 УПК, ч. 2 ст. 20 УПК, ч. 1 ст. 318 УПК, а также положению, согласно которому судебное следствие по уголовным делам частного обвинения начинается с изложения заявления частным обвинителем или его представителем (ч. 5 ст. 321 УПК); устранит некую тавтологию, прослеживающуюся в ст. 45 УПК, в которой содержится следующая фраза: «Представителями потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя могут быть адвокаты...».

Анализируя статус частного обвинителя в уголовном процессе, мы с уверенностью относим его к участникам со стороны обвинения. В данном случае нет сомнений в его обвинительной функции. Он вправе выдвигать и поддерживать обвинение. От него зависит все производство по уголовному делу: от возбуждения уголовного дела до его прекращения.

Частный обвинитель наделен правами, которыми наделен и государственный обвинитель (ч. 4–6 ст. 246 УПК). Однако данные положения законодательства вызывают у нас сомнения.

Так, в ч. 4 ст. 246 УПК указано, что государственное обвинение могут под-

держивать несколько прокуроров, в случае невозможности дальнейшего участия прокурора возможна его замена. По делам частного обвинения данные процедуры законом не урегулированы, что создаст определенные трудности в их реализации на практике.

Согласно ч. 5 ст. 246 УПК государственный обвинитель представляет доказательства и участвует в их исследовании, излагает суду свое мнение по существу обвинения, а также по другим вопросам, возникающим в ходе судебного разбирательства, высказывает суду предложения о применении уголовного закона и назначении подсудимому наказания. Сомнение вызывает положение о представлении частным обвинителем доказательств (данное право закреплено и в ч. 5 ст. 321 УПК). Может ли частный обвинитель собирать доказательства, чтобы впоследствии представить их суду? Согласно нашим убеждениям, не может.

Доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном УПК, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела (ч. 1 ст. 74 УПК).

Собирание доказательств осуществляется в ходе уголовного судопроизводства дознавателем, следователем, прокурором и судом путем производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных УПК.

В числе субъектов, имеющих право осуществлять доказывание по уголовному делу, а в нашем случае мы говорим о собирании доказательств с целью представления их суду, частного обвинителя не указано. Частный обвинитель не имеет

права производить следственные и иные процессуальные действия в целях получения процессуально оформленных доказательств. Другим способом получить доказательства невозможно.

Тем самым, говоря о правах частного обвинителя в процессе доказывания по уголовному делу, необходимо наделить его правом, аналогично праву подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и др., собирать и представлять письменные документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств. Тем самым предлагаем изменить ч. 2 ст. 86 УПК и добавить в число субъектов, наделенных таким правом, частного обвинителя.

Стоит проанализировать и положение ч. 6 ст. 246 УПК: «Прокурор предъявляет или поддерживает предъявленный по уголовному делу гражданский иск, если этого требует охрана прав граждан, общественных интересов, интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, государственных и муниципальных унитарных предприятий». Но разве может частный обвинитель предъявлять и поддерживать гражданский иск в целях охраны, защиты прав других граждан, общественных интересов, интересов Российской Федерации и т. д.? Разумеется, нет.

Таким образом, необходимо изменить законодательство в части прав и обязанностей частного обвинителя. Целесообразно в ст. 43 УПК указать конкретный перечень прав и обязанностей, присущих непосредственно частному обвинителю. Думается, в числе прав частного обвинителя необходимо закрепить такое важное право, как право воспользоваться услугами адвоката бесплатно.

Конституция РФ в ст. 2 провозгласила человека, его права и свободы высшей ценностью, при этом, как указывается да-

лее в этой же статье, признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства.

Первым назначением уголовного судопроизводства, предусмотренным законодателем в п. 1 ч. 2 ст. 6 УПК, является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений.

В свою очередь, государство берет на себя ответственность по охране публичных и частных интересов, а также по восстановлению нарушенных прав и социальной справедливости, вверяя уголовное преследование соответствующим государственным органам и должностным лицам. В ч. 1 ст. 21 УПК предусмотрено, что уголовное преследование от имени государства по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения осуществляют прокурор, а также следователь и дознаватель.

Обнаружение признаков преступления «приводит в движение» правоохранительную систему, которая состоит из охранительных правовых норм (нормативная подсистема) и органов уголовной юстиции (органы дознания, дознаватель, следователь, прокурор и суд), осуществляющих в установленных законом пределах разрешения уголовно-правовых конфликтов⁵.

Однако, как представляется, законодатель, предусмотрев дела частного обвинения и возложив все бремя доказывания виновности лица, совершившего преступление, на лицо, пострадавшее от данного преступления, тем самым обеспечил доступ к правосудию, но не обеспечил в полной мере защиту и помощь в восстановлении нарушенных прав и законных интересов. Речь не идет, безусловно, о случаях, предусмотренных ч. 4 ст. 20 УПК, когда преступление совершено в отношении лица, которое в силу зависимости или беспомощного состояния либо по

иным причинам не может защищать свои права и законные интересы.

Частный обвинитель вместо профессиональных участников, представителей государства осуществляет функцию обвинения. Отсутствие знаний в области юриспруденции, нехватка времени, наряду с выполнением своих социальных ролей в повседневной жизни, заставляет лиц, пострадавших от преступлений, отнесенных законодателем к категории частного обвинения, умалчивать о данных преступлениях, способствуя увеличению количества латентных преступлений.

Безусловно, «законодатель обоснованно включил в число субъектов уголовного преследования по делам частного обвинения потерпевшего и его представителей. По указанной категории дел нецелесообразно, а практически и невозможно возложение обязанности осуществлять уголовное преследование в полном объеме на работников правоохранительных органов. Это обуславливается как многочисленностью указанных дел, так и тем, что они в большинстве случаев являются следствием сугубо индивидуальных, личных конфликтов между отдельными гражданами, не приведших к тому же к тяжким последствиям»⁶.

Однако государство, как представляется, должно в равной мере оказывать помощь в защите пострадавших от преступлений как публичного, частно-публичного, так и частного обвинения. По делам частного обвинения государство, отказавшись от предварительного расследования, должно гарантировать оказание бесплатной юридической помощи всем пострадавшим от преступлений по делам частного обвинения.

Как представляется, право пострадавшего от преступления лица по делам частного обвинения воспользоваться услугами адвоката бесплатно, по назначению, установит равновесие между закон-

ными интересами частного обвинителя и подсудимого. В настоящий момент отсутствие такого права нарушает принцип состязательности сторон, а именно равенство в возможностях защищать свои права.

Верно по данному вопросу отмечает О. Я. Гарнаевский, что «когда на одной стороне выступает профессиональный адвокат, а на другой – лицо, слабо разбирающееся в законах, то следует отметить, что принцип состязательности, закрепленный в ст. 15 УПК РФ, и такое общее условие судебного разбирательства, как равенство прав сторон, не работают в полном объеме»⁷.

За счет введения данного права, думается, произойдет оптимизация уголовного судопроизводства в следующем:

1) в соблюдении права пострадавшего от преступления лица на защиту его нарушенных прав и законных интересов на стадии возбуждения уголовного дела. Законодатель, предусмотрев дела частного обвинения, обеспечил лицу, пострадавшему от преступления, доступ к правосудию. Но, к сожалению, в настоящий момент закрепленный в законодательстве механизм не дает возможность в полной мере воспользоваться данной гарантией. На практике пострадавшее от преступления лицо зачастую не может даже грамотно составить заявление для подачи его в суд. В соответствии с Определением Конституционного Суда РФ от 23 июля 2005 г. № 268-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса мирового судьи судебного участка № 1 города Смоленска о проверке конституционности п. 3 ч. 1 ст. 145, ст. 318 и 319 УПК РФ» заявление потерпевшего по уголовным делам частного обвинения не только признается исключительным поводом к возбуждению уголовного дела частного обвинения, но и выступает в качестве обвинительного акта, в рамках которого осуществляется

уголовное преследование, вручается подсудимому для подготовки своей защиты в судебном заседании. Выполнение заявлением потерпевшего такой роли возможно лишь при условии, что в нем содержится не только описание фактической стороны преступления, но и указание на норму уголовного закона, предусматривающую это деяние как преступление⁸. К тому же в УПК нет даже четкого перечня, какие именно данные необходимо (достаточно) указать в заявлении о лице, привлекаемом к уголовной ответственности, не говоря уже о возможности пострадавшего квалифицировать преступление. Предполагается, что адвокат как раз и будет оказывать пострадавшему правовую помощь уже на стадии подачи заявления путем консультации по его правильному составлению.

При подаче заявления суд, как правило, ограничивается только предупреждением пострадавшего об уголовной ответственности по ст. 306 Уголовного кодекса РФ. Адвокат, в свою очередь, должен разъяснить пострадавшему от преступления лицу, что при установлении судом недобросовестного обвинения, злоупотребления правом с него могут быть взысканы все процессуальные издержки. Так, в п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 42 «О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам» указано, что «при оправдании подсудимого по уголовному делу частного обвинения суд вправе взыскать процессуальные издержки полностью или частично с лица, по жалобе которого было начато производство по этому делу»⁹;

2) доказывании по уголовному делу. «Отсутствие стадии предварительного расследования, которая предполагает консервацию доказательств до суда и для суда, а также квалифицированное предъявление обвинения влечет неустрашимые

в ходе судебного следствия проблемы и неблагоприятные для потерпевшего последствия в виде оправдательного приговора или прекращения уголовного дела по реабилитирующим основаниям. Об указанных фактах свидетельствует статистика, согласно которой основная доля оправдательных приговоров приходится именно на дела частного обвинения, принятые судом к производству на основании заявления потерпевшего, т. е. не прошедшие стадию дознания»¹⁰. Для того чтобы приговор суда был законным, обоснованным и справедливым, необходимо, чтобы в процессе судебного производства были исследованы и доказаны все обстоятельства, указанные в ч. 1 ст. 73 УПК. Предмет доказывания для всех видов уголовного преследования един, уголовные дела частного обвинения не являются исключением. Однако поддержание обвинения по делам частного обвинения, как уже отмечалось, лежит на непрофессиональных плечах частного обвинителя. Частный обвинитель должен четко сформулировать свою позицию, изложить свое мнение по существу обвинения, а также о применении уголовного закона и назначении подсудимому наказания. Человеку, не являющемуся юристом, сделать это крайне сложно. Частный обвинитель не всегда знает, какие именно материалы ему необходимо предоставить в суд по поддержанию своей позиции, а также по опровержению позиции защиты. Адвокат, в свою очередь, будет консультировать частного обвинителя, какие материалы, документы необходимо предоставить суду, оказывая помощь в их собирании, а о каких доказательствах необходимо ходатайствовать перед судом в порядке ч. 2 ст. 319 УПК. Тем самым будет сокращаться и активность суда, в результате чего принцип состязательности сторон будет реализовываться в полном объеме;

3) усовершенствовании процедуры примирения сторон. Одновременно с оказанием помощи следует соблюдать баланс невмешательства государства в дела частные и расценивать заявленный уголовный иск как способ защиты нарушенного права, давая сторонам право на примирение без уголовно-правовых последствий¹¹. Нередко сторонам самостоятельно сложно прийти к компромиссу, найти приемлемое для всех сторон решение. Думается, что активная роль адвоката в данной процедуре на практике будет способствовать ее эффективности.

В связи с вышесказанным предлагается ст. 43 УПК дополнить ч. 3 и представить ее в следующем виде:

«Пострадавшее от преступления лицо по уголовным делам частного обвинения имеет право бесплатно воспользоваться услугами адвоката по назначению для оказания пострадавшему юридической помощи, а также осуществления в установленном настоящим Кодексом порядке защиты их прав и законных интересов при производстве по уголовному делу.

Данное право обеспечивается судом по ходатайству пострадавшего от преступления лица или его законного представителя. Данное ходатайство может быть заявлено указанными лицами с момента подачи заявления в суд до удаления суда в совещательную комнату.

Расходы на оплату труда адвоката компенсируются в порядке, предусмотренном п. 5 ст. 50 настоящего Кодекса».

Думается, предложенные изменения положительно скажутся на эффективности судебного разбирательства по данной категории дел, а право пострадавшего от преступления лица на судебную защиту его нарушенных прав и законных интересов из фикции превратится в действенный механизм, гарантированный законодательством.

¹ См.: *Корякин А. Л.* История развития и становления института частного обвинения в уголовном процессе России, проблемы частного обвинения и пути решения // Вестник Омского университета. Сер.: Право. 2013. № 3 (36). С. 225.

² См., напр.: *Харченко И. Р.* К вопросу о процессуальном статусе субъектов частного обвинения // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2015. № 4 (30); *Тарнавский О. А.* Особенности процессуального статуса частного обвинения в российском уголовном судопроизводстве // Вестник ЮУрГУ. 2011. № 19.

³ См.: О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17. URL: <http://base.garant.ru/12177012/>

⁴ См.: *Баев О. Я.* Пострадавший от преступления, потерпевший и их представитель в уголовном судопроизводстве : процессуальный статус и проблемы его совершенствования // Правовая наука и реформа юридического образования. Вып. 17. Воронеж, 2004. С. 19.

⁵ См.: *Шумилин С. Ф.* Полномочия следователя : механизм и проблемы реализации. М., 2006. С. 16.

⁶ *Тишкова Е. И.* Следователь как субъект уголовного преследования : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2003. С. 20.

⁷ *Тарнавский О. А.* Указ. соч. С. 59.

⁸ См.: Об отказе в принятии к рассмотрению запроса мирового судьи судебного участка № 1 города Смоленска о проверке конституционности п. 3 ч. 1 ст. 145, ст. 318 и 319 УПК РФ : определение Конституционного Суда РФ от 23 июля 2005 г. № 268-О. URL: <https://zakonbase.ru/content/base/97473>

⁹ О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 42. URL: <http://base.garant.ru/70548676/>

¹⁰ *Корякин А. Л.* Проблемы судебного следствия по делам частного обвинения // Вестник Омского университета. Сер.: Право. 2014. № 3 (40). С. 205–206.

¹¹ См.: Там же. С. 233.

Воронежский государственный университет

Анисимова В. В., аспирант кафедры
криминалистики

E-mail: anisimovavaleri@mail.ru
Тел.: 8-919-180-01-44

Voronezh State University

Anisimova V. V., Post-graduate Student
of the Criminalistics Department

E-mail: anisimovavaleri@mail.ru
Тел.: 8-919-180-01-44

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ В СВЕТЕ ВОЗМОЖНО-ЖЕЛАЕМОГО ИЗМЕНЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация: рассматривается вопрос о необходимости внесения изменений в действующий УПК РФ, анализируется правовая природа данного феномена, предлагается определение понятия «злоупотребление правом», формулируется самостоятельный принцип уголовного процесса о недопустимости злоупотребления правом.

Ключевые слова: злоупотребление правом, уголовное судопроизводство, недопустимость злоупотребления правом.

ABUSE OF LAW IN THE LIGHT OF THE POSSIBLE-DESIRED AMENDMENT OF THE CRIMINAL PROCEDURE LAW

Abstract: the article considers the need to amend the current Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, analyzes the legal nature of this phenomenon, proposes a definition of the concept of «abuse of law», formulates an independent principle of the criminal process on the inadmissibility of abuse of law.

Key words: abuse of rights, criminal process, inadmissibility of abuse of law.

Поступила в редакцию 14 апреля 2020 г.

Уголовно-процессуальный закон активно определяет все формы уголовно-процессуальной деятельности. В этой связи аксиоматичным является утверждение о том, что от его совершенства, соответствия жизненным реалиям во многом зависит эффективность достижения целей уголовного судопроизводства.

Вопрос о внесении изменений в действующий уголовно-процессуальный закон, связанных с легальным закреплением понятия «злоупотребление правом», в настоящее время является особенно актуальным, поскольку данный феномен давно известен судебной практике и часто встречается в тексте решений судов различных уровней.

Так, например, Конституционный Суд РФ в Постановлении от 17 декабря 2015 г.

№ 33-П¹ использовал такие понятия, как «злоупотребление правом со стороны адвоката», «злонамеренное использование права со стороны лица, которому оказывается юридическая помощь», «злоупотребление правом на юридическую помощь и защиту от подозрения и обвинения».

Однако в действующем УПК РФ дефиниции, определяющей такое поведение участников уголовного процесса, не содержится.

В общем виде недопустимость злоупотребления правом установлена в ч. 3 ст. 17 Конституции РФ², согласно которой осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц.

Международно-правовые акты, обеспечивающие защиту прав человека в уголовном судопроизводстве от незаконного и необоснованного воздействия,

раскрывают понятие «злоупотребление правом» через дефиницию термина «жертвы злоупотребления властью» в Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью (принята 29 ноября 1985 г. Резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН)³. Это деяния, причинившие вред различной природы – телесные повреждения, существенное ущемление основных прав человека, моральный, психический, материальный ущерб, но «еще не представляющие собой нарушения международно-признанных норм, касающихся прав человека».

Из исследования отечественного и зарубежного опыта законодательного предупреждения злоупотребления правом становится ясно, что до настоящего времени вопрос о злоупотреблении правом в уголовном судопроизводстве остается слабо проработанным. Различные подходы к пониманию терминологии заставляют нас обратиться к исследованию данного понятия, поскольку, как справедливо отметил Ф. М. Ягофаров, «закон, как нам представляется, не научный журнал, и на его страницах не должны присутствовать различные толкования одного и того же понятия. Если нормативный акт наводнен противоположными идеями, то это не может не отразиться на его качестве»⁴.

Проблема применения в речи понятий «злоупотребление» и «злоупотребление правом» основана на различных смысловых значениях, которые проявляются в зависимости от сферы взаимодействия субъектов в международно-правовых, уголовно-правовых, уголовно-процессуальных и гражданско-правовых отношениях.

В толковом словаре В. Даля указано: злоупотреблять – «употреблять во зло, на худое дело, ко вреду, во вред себе или другому, извращать, обращать хорошее средство на худое дело»⁵, т. е. исполь-

зовать «хорошее средство» – право – на «худое дело», не по назначению, с причинением вреда.

В других толковых словарях злоупотребление напрямую связывают с проступком или преступлением. Так, в словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой злоупотребление определяется как «проступок, состоящий в незаконном, преступном использовании своих прав, возможностей»⁶.

Похожее определение встречаем и в словаре Д. Н. Ушакова: «проступок, преступление, состоящее в сознательном, незаконном и корыстном использовании своих возможностей и прав во вред другим»⁷.

Таким образом, в русском языке слово «злоупотребление» (безотносительно юридической конструкции – злоупотреблять можно терпением, доверием, щедростью и другими положительными качествами человека) раскрывается изначально как аморальное и даже противоправное поведение («проступок», «преступление»).

Под «правом» принято понимать «систему общеобязательных, формально определенных правил поведения общего характера (норм права), которые в установленном порядке санкционируются или формулируются государством и обеспечиваются возможностью применения государственного принуждения»⁸.

Таким образом, злоупотребление правом семантически означает противоправное, аморальное, вредное использование предоставленных субъекту прав, выраженных в виде закрепленных законодательно норм.

Развитие юридической науки, обусловленное необходимостью объяснить и оформить социальные феномены правозащитной деятельности, порождает вполне закономерные процессы интеграции отраслей знания, таких, как уголовный процесс, уголовное право юридическая пси-

хология, а также некоторых других наук, в частности, общей теории права, гражданского права и гражданского процесса.

Роль интеграции научных знаний проявляется не только в том, что она способствует формированию новых научных дисциплин на стыках известных отраслей знания⁹. Так, по мнению Т. В. Аверьяновой, основными формами интеграции научного знания являются перенос идей и представлений из одной области знаний в другую; использование понятийно-концептуального аппарата, методов и иных познавательных средств других областей науки; формирование комплексных проблем и направлений исследований; сближение, усиление взаимосвязи и взаимодействия наук, различающихся своими предметными областями; сближение наук различных типов – фундаментальных и прикладных, эмпирических и теоретических, высокоформализованных и описательных и т. д.; универсализация средств языка науки; усиление интегративной роли философии¹⁰.

Некоторые процессуальные аспекты уголовного и гражданского судопроизводства, например, состязательность сторон, их равноправие перед судом, распространение действия принципа диспозитивности в уголовном процессе, могут ввести в заблуждение относительно допустимости использования некоторых терминов и возможности создания универсальной формы социального поведения процессуальных субъектов.

Исходя из утверждения о единстве процесса как родового понятия, ученые-процессуалисты утверждают, что наука судебного права может оперировать общей терминологией, но обращают внимание на специфичность правовой регламентации, обусловленную предметом правового регулирования и процессуальным статусом субъектов уголовно-процессуальных отношений¹¹.

Правовые последствия некорректного применения форм интеграции научного знания могут проявиться не только в теории, но и в правотворческой и правоприменительной практике. Так, А. А. Малиновский отмечает, что «при искаженном понимании сущности злоупотребления субъективным правом законодатель может ошибочно включить в действующее законодательство конкретную санкцию, посчитав определенный способ осуществления права правонарушением, либо, наоборот, необоснованно отказать от любых мер юридической ответственности в отношении лица, вредоносно осуществляющего свое субъективное право. В первом случае юридически гарантированная свобода субъекта неоправданно сужается. Во втором случае для управомоченного лица сохраняется возможность правомерно, а следовательно, безнаказанно, злоупотреблять своим правом»¹².

При характеристике злоупотребления правом, определении его сущности в теории часто используют термин «недобросовестность». Поэтому для определения сущности злоупотребления правом следует также выяснить правовую природу добросовестности, прежде всего, добросовестного поведения как антипода недобросовестности. В гражданском праве определение добросовестности имеет законодательное закрепление. Так, п. 1 ст. 302 ГК РФ закрепляет положение о том, что если имущество возмездно приобретено у лица, которое не имело право его отчуждать, о чем приобретатель не знал и не мог знать (добросовестный приобретатель), то собственник вправе истребовать это имущество от приобретателя в случае, когда оно было утеряно собственником или лицом, которому имущество было передано собственником во владение, либо похищено у того или другого, либо выпало из их владения иным

путем помимо их воли. Как видно, добросовестность приобретателя связывается законом с незнанием им факта, имеющего юридическое значение, знание которого сделало бы его приобретение неправомерным. В общем виде применительно к любой отрасли права презумпцию добросовестности можно охарактеризовать как состояние, при котором поведение любого субъекта правоотношений считается добросовестным, пока в установленном законом порядке не будет доказано иное.

Добросовестность включает в себя два аспекта: юридический (основывается на предположении о том, что лицо, совершившее действие, не знало и не могло знать о его недопустимости с точки зрения закона, если в установленном законом порядке не доказано иное), и морально-этический аспект, который предполагает действия «на совесть», т. е. при которых используются все законные средства и методы, необходимые и достаточные для скорейшего достижения желаемого результата¹³. Недобросовестность является антиподом добросовестности, которая предполагает, что недобросовестным будет тот субъект, который, совершая действие, знал и мог знать о его недопустимости, о нарушении нормы закона. Понятия «недобросовестность» и «злоупотребление» – это понятия смежные, но нетождественные. Наличие у профессионального или непрофессионального участника процесса права предполагает возможность его недобросовестного использования посредством злоупотребления предоставленным субъективным правом.

Верховный Суд РФ в Постановлении от 30 июня 2015 г. № 29¹⁴ разъяснил следующее: «Суд может не признать право обвиняемого на защиту нарушенным в тех случаях, когда отказ в удовлетворении ходатайства либо иное ограничение в реализации отдельных правомочий обвиняемого или его защитника обусловлены

явно недобросовестным использованием ими этих правомочий в ущерб интересам других участников процесса, поскольку в силу требований ч. 3 ст. 17 Конституции РФ осуществление прав и свобод человека не должно нарушать права и свободы других лиц».

В уголовно-процессуальном законе не содержится нормы, аналогичной ст. 10 ГК РФ, где под злоупотреблением правом понимается состоящее в использовании своего субъективного права, данного в силу закона или договора с целью причинить вред другому лицу либо иной целью¹⁵.

Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве, безусловно, базируется на общетеоретических понятиях, но содержит особенности, характерные только для данной отрасли. Поэтому нельзя согласиться с Е. В. Рябцевой, которая утверждает, что «несмотря на то, что злоупотребление правом относится к тем явлениям, которые характерны не только для уголовно-процессуального права, но и для других отраслей права, нет необходимости выделять концепцию злоупотребления в области уголовного процесс из общей концепции злоупотребления»¹⁶. Таким образом, полагаем невозможным полностью скопировать ст. 10 ГК РФ и закрепить в уголовно-процессуальном законе.

Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве является особой формой противоправного поведения участника уголовного судопроизводства, при которой виновное осуществление субъективного права причиняет вред или создает условия для причинения вреда другим субъектам права, а также противоречит общим принципам и назначению уголовного производства.

Конституционный Суд РФ относит требование «недопустимости злоупотребления правом» к числу общеправовых

и считает «добросовестное пользование процессуальными правами важнейшим условием реализации конституционных принципов судопроизводства, осуществляемого на основе состязательности и равноправия сторон»¹⁷.

На наш взгляд, везде, где существует возможность свободного распоряжения своими правами, также существует возможность и опасность злоупотребления ими. Правоприменительная практика все чаще сталкивается с проблемой злоупотребления правом участниками уголовного судопроизводства, однако, как верно замечает О. Я. Баев, феномен злоупотребления правами участниками производства по уголовному делу как самостоятельное правовое понятие в уголовно-процессуальном законодательстве не опосредован¹⁸, поэтому нам представляется необходимым введение в УПК РФ официальной дефиниции «злоупотребление правом» в связи с необходимостью упорядочить и формализовать процесс.

Мы полагаем необходимым дополнение ст. 5 УПК РФ, которая закрепляет основные понятия, используемые в Кодексе, и определили бы «злоупотребление процессуальным правом» следующим образом: это умышленное поведение (дей-

ствие/бездействие) участника уголовного процесса, которое не выходит за рамки процессуальных полномочий, предусмотренных его процессуальным статусом, но не соответствует прямому назначению права, а также целям, задачам и назначению уголовного судопроизводства, в результате чего им умышленно причиняется вред (либо создается реальная угроза причинения такого вреда и препятствия для реализации назначения уголовного судопроизводства) или иные негативные последствия охраняемым правам и законным интересам других участников.

Кроме того, анализ действующего уголовно-процессуального закона показывает, что в нем не содержится прямого запрета на злоупотребление правом, как в других отраслях отечественного законодательства. Учитывая его связь с принципами законности, охраной прав и свобод человека, состязательностью, запрет злоупотребления правом является положением, имеющим основополагающее значение для уголовного судопроизводства.

Представляется, что конструкция общего запрета на злоупотребление правом участниками уголовного процесса должна быть сформулирована в виде самостоятельного принципа уголовного процесса.

¹ По делу о проверке конституционности пункта 7 части второй статьи 29, части четвертой статьи 165 и части первой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А. В. Баляна, М. С. Дзюбы и других : постановление Конституционного Суда РФ от 17 декабря 2015 г. № 33-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.04.2020).

² Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

³ Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью : принята 29 ноября 1985 г. Резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.03.2015).

- ⁴ Ягофаров Ф. М. Механизм реализации функции обвинения при рассмотрении дела судом первой инстанции : дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2003. С. 21.
- ⁵ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1989. Т. 1. С. 685.
- ⁶ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. М., 1999. С. 486.
- ⁷ Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940. Т. 1. С. 214.
- ⁸ Байтин М. И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов, 2001. С. 81–82.
- ⁹ См.: Баева Н. А. Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве // Общество, право, правосудие : сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции. 2010. С. 201.
- ¹⁰ См.: Аверьянова Т. В. Интеграция и дифференциация научных знаний как источники и основы новых методов судебной экспертизы. М., 1994. С. 9.
- ¹¹ См.: Хатуаева В. В. Реализация диспозитивного начала при регламентации упрощенных форм уголовного судопроизводства. Воронеж, 2005. С. 23.
- ¹² Малиновский А. А. Злоупотребление субъективным правом как юридический феномен : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 4.
- ¹³ См.: Рябцева Е. В. Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве. М., 2014. С. 39.
- ¹⁴ О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.04.2020).
- ¹⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 05.05.2014 (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2014)) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.05.2014).
- ¹⁶ Рябцева Е. В. Указ. соч. С. 22–23.
- ¹⁷ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Костина Александра Федоровича на нарушение его конституционных прав статьей 213.1 ГПК РСФСР : определение Конституционного Суда РФ от 14 декабря 2000 г. № 269-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2001. № 2. С. 10.
- ¹⁸ См.: Баев О. Я. «Злоупотребление правом» как уголовно-процессуальная категория // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Право. 2013. № 1. С. 337.

Воронежский государственный университет

Баева К. М., преподаватель кафедры
уголовного процесса

E-mail: baeva.ksenia@mail.ru
Тел.: 8-919-246-97-21

Voronezh State University

Baeva K. M., Lecturer of the Criminal Process
Department

E-mail: baeva.ksenia@mail.ru
Tel.: 8-919-246-97-21

А. Р. Белкин

Российский технологический университет

СУДЕБНЫЙ ДОПРОС: СТРОГАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ

Аннотация: предлагается строгая классификация видов судебного допроса, строго определяются понятия перекрестного, повторного и дополнительного допроса, в качестве итогового предложения формулируется новая статья № 274² УПК РФ «Судебный допрос».

Ключевые слова: судебный допрос, перекрестный допрос, шахматный допрос, повторный допрос.

JUDICIAL INTERROGATION: STRICT REGULATIONS

Abstract: the article proposes a strict classification of judicial interrogation types, the concepts of cross, repeated and additional interrogation being strictly defined. As a final proposal, a new article No. 274² «Judicial interrogation» is to be added to Russian Code of Criminal Procedure.

Key words: judicial interrogation, cross-examination, chess interrogation, re-interrogation.

Поступила в редакцию 8 июня 2020 г.

У джентльменов задавать вопросы не принято.

Сэмюэль Джонсон

Анализируя подход законодателя к регламентации судебного допроса, нельзя не почувствовать сожаление от того, что отечественный уголовный процесс не дифференцирует его виды, хотя это могло бы построить гораздо более гибкий комплекс норм. В первую очередь речь должна идти о перекрестном допросе, который в УПК даже не упоминается, хотя неявно, разумеется, присутствует. В действующем УПК РФ понятие и порядок перекрестного допроса не определены, хотя ставились вопросы о его применении даже в досудебном производстве¹.

Термин «перекрестный допрос» официально используется в англо-американской правовой системе, а в правовой

системе РФ применяется лишь неофициально. По законодательству Англии и США производство допросов свидетелей проводится исходя из принципа состязательности и в четкой последовательности: прямой – перекрестный – повторный. При этом прямой допрос осуществляется стороной, вызвавшей свидетеля в суд для дачи показаний, а при повторном допросе сторона, пригласившая свидетеля в суд, как правило, «поправляет положение после перекрестного допроса».

Перекрестный допрос в России никак нельзя считать новшеством, ибо в дореволюционный период такой термин применялся. Основываясь на Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., такие известные ученые, как К. К. Арсеньев и Л. Е. Владимиров, трактовали это поня-

© Белкин А. Р., 2020

тие как «допрос, проводимый противоположной стороной»². Аналогичных позиций придерживались также В. К. Случевский, И. Я. Фойницкий и М. В. Духовской³.

Однако впоследствии в нашем уголовном процессе, как отмечает проф. В. М. Бозров⁴, термин «перекрестный» не прижился – причиной тому он полагает влияние идей К. Маркса, который негативно относился к уголовному процессу буржуазной Англии и подвергал резкой критике перекрестный допрос в английских судах: «адвокат бесстыдными, спутывающими вопросами старается сбить свидетеля с толку и извратить его слова»⁵.

Советский процессуалист-классик М. С. Строгович определял перекрестный допрос как «допрос обеими сторонами – обвинением и защитой – одного и того же лица по поводу одних и тех же обстоятельств»⁶, причем подчеркивал, что суд в нем не участвует.

Наиболее взвешенным и сбалансированным является мнение ученых, полагающих, что под перекрестным допросом следует понимать допрос одного лица по одному и тому же обстоятельству дела, проводимый судом, обвинителем и защитником, а также другими участниками процесса⁷. Как указывает Н. В. Осодоева, такое понимание подтверждается результатами интервьюирования 100 % опрошенных респондентов-судей⁸, причем возможность производства перекрестного допроса участников уголовного судопроизводства в ходе судебного следствия не оспаривается процессуалистами и практическими работниками. За восстановление в правах перекрестного допроса выступает и В. В. Печерский: «Судебная практика реанимировала одно давно забытое понятие – перекрестный допрос»⁹.

Упомянув перекрестный допрос, нельзя обойти вниманием вопрос о соот-

ношении прямого допроса и перекрестного (хотя и прямой допрос в УПК РФ также не упомянут¹⁰). Большинство авторов, в соответствии с англо-американской традицией, полагают, что прямой допрос есть допрос «своими» участниками, а перекрестный начинается после того. Такой точки зрения придерживается профессор Ю. В. Францифоров: «...когда обвинитель представляет свое дело, он задает прямые вопросы свидетелям обвинения, в то время как защитник задает свидетелям обвинения вопросы в форме перекрестного допроса. На втором этапе обвинитель задает свидетелям защиты вопросы в форме перекрестного допроса, а защитник – прямые вопросы с целью подтверждения стороной своей версии происшедшего события, тогда как вопросы при перекрестном допросе ориентированы на опровержение фактов «противника»¹¹.

Примерно так же понимает связь прямого и перекрестного допроса проф. А. С. Александров: «Перекрестному допросу подвергается свидетель, а равно иной участник процесса, чьи показания были представлены противной стороной на прямом допросе в качестве доказательства, для критического исследования источника и содержания сведений, а также для получения новых данных... Если прямой допрос направлен на формирование оснований для аргументов стороны, то перекрестный допрос выступает контрдоводом, средством опровержения доказательства противника»¹².

Однако такой подход плохо согласуется с приведенным выше пониманием перекрестного допроса как допроса, в котором участвуют обе стороны (а возможно, и суд). Кроме того, возникает резонный вопрос: а как быть, если подсудимых несколько? Вот первого из них допрашивает его защитник, но дальше, по Кодексу, его будут допрашивать другие под-

судимые и их защитники – это все еще прямой допрос или уже перекрестный? Несложно видеть, что оба эти ответа неудовлетворительны.

Сторонники другой точки зрения полагают, что поначалу происходит прямой допрос, в котором одному допрашиваемому вопросы задают участники с обеих сторон (а возможно, и суд), а уж после того начинается допрос перекрестный. Так, профессор О. Я. Баев полагает, что «при перекрестном допросе – после допроса прямого – вопросы допрашиваемому лицу с соответствующих процессуальных позиций попеременно задают представители стороны обвинения и защиты»¹³ (т. е. «свои» задают вопросы и прямые, и перекрестные).

Н. В. Осодоева идет еще дальше и уточняет: «...перекрестный допрос должен проводиться после прямого допроса. Например, по УПК РФ изначально допрашивают свидетелей, потерпевших участники со стороны обвинения, затем – со стороны защиты, а после чего – суд. Только после этого стороны и суд могут перейти к перекрестному допросу... перекрестный допрос подсудимых, свидетелей, потерпевших, экспертов, специалистов должен производиться по тем же обстоятельствам, по которым они допрашивались на прямом допросе»¹⁴. Таким образом, по Н. В. Осодоевой (не по УПК РФ!), сначала в ходе прямого допроса в допросе участвуют все (и «свои», и «чужие», и суд), а потом – пожалте бритесь! – будет и перекрестный допрос, в котором опять-таки участвуют все.

Да, но эта свежая идея точно не соответствует УПК РФ (хоть на него автор и сослалась): перекрестный допрос при этом фактически оказывается *повторным*, по порядку ничем не отличающимся от прямого, причем этот повторный допрос оказывается сразу же после пер-

вичного, а участвуют в нем обе стороны! Ничего подобного в УПК, к счастью, нет.

Итак, лучше всего соответствует и УПК, и идее «перекрестности» (которая, как мы уже видели, может пониматься по-разному) предложение просто узаконить термин «перекрестный допрос» в том духе, как предлагает текущая редакция УПК: поочередный допрос сначала «своими», потом «чужими» и, наконец, судом. Первую фазу такого допроса, т. е. допрос участника первым (главным для него) допрашивающим со своей стороны, можно, если угодно, назвать прямым допросом; однако мы не видим необходимости закреплять этот термин в Кодексе.

С учетом изложенного рискнем дополнить ст. 5 УПК новым пунктом 8³ в следующей редакции:

Статья 5. Основные понятия, используемые в настоящем Кодексе

<...>

8³) *допрос перекрестный* – вид судебного допроса, при котором одно и то же лицо допрашивается об одних и тех же событиях и (или) обстоятельствах поочередно обеими сторонами и судом;

<...>

Отметим при этом, что введенное таким образом понятие вовсе не является тривиальным, ибо отнюдь не любой судебный допрос оказывается перекрестным. Так, очевидным контрпримером может послужить дополнительный допрос.

Под *дополнительным* допросом естественно понимать ситуацию, когда уже после первичного (перекрестного) допроса сразу или через некоторое время одна из сторон, желая уточнить некоторые детали данных показаний, ходатайствует о возможности вновь допросить уже допрошенное лицо. Очевидно, что такой дополнительный допрос может быть проведен и по инициативе самого суда.

Представляется целесообразным определить и легализовать в Кодексе еще один вид судебного допроса, иногда встречающийся в судебной практике, – шахматный допрос.

Термин «шахматный допрос» впервые упоминается в методическом письме Прокуратуры СССР по вопросу об участии прокурора в судебном следствии¹⁵. Сам шахматный метод допроса был впервые научно разработан М. С. Строговичем¹⁶, содержание шахматного допроса позднее раскрыл А. Л. Цыпкин¹⁷.

Профессор О. Я. Баев полагает, что шахматный допрос заключается в том, что попеременно допрашиваются несколько лиц (подсудимый, потерпевший, свидетели) по одним и тем же выясняемым обстоятельствам для выявления и попытки устранения существенных противоречий в этих показаниях, подчеркивает определенное сходство такого допроса с очной ставкой (возможность проведения которой УПК РФ в суде не предусматривает)¹⁸ и приводит характерный пример: «В ходе допроса свидетель со стороны защиты К. показал, что вместе с ранее допрошенным судом С. грузил, отвозил и разгружал алюминиевые оконные рамы. При этом К., хотя с того момента минуло более трех лет, называл конкретный день и время, когда это происходило, и подробно описывал внешний вид и состояние рам, упоминая даже, что ему и С. пришлось повозиться с резиновыми вставками в рамах, которые постоянно выпадали. Показания К. в целом совпадали с показаниями С.; но он не смог ответить на вопрос, были ли в рамах стекла или нет, хотя С. ранее на тот же вопрос ответил положительно и однозначно. Тот же вопрос был вновь задан С., и он признал, что рамы грузил, возил и разгружал он один, но попросил К. поддержать его в суде».

Такую позицию разделяет и профессор М. О. Баев, упоминающий о «поочередном и безотлагательном получении показаний от разных допрашиваемых в суде лиц (потерпевшего, свидетелей, подсудимого) по одним и тем же обстоятельствам для выявления и попытки устранения существенных противоречий в этих показаниях»¹⁹. В целом, по мнению многих других ученых, шахматный допрос заключается в том, что при допросе того или иного лица допрашивающий одновременно имеет возможность задавать вопросы по поводу выясняемых обстоятельств одному либо нескольким уже допрошенным лицам с целью незамедлительно получить подтверждение или опровержение показаниям допрашиваемого по какому-либо факту²⁰.

Н. В. Осодоева подчеркивает, что производство шахматного допроса «дает возможность успешно устранить противоречия, установить достоверность доказательств, нейтрализовать попытки заинтересованных лиц ввести суд в заблуждение» и указывает, что из 250 опрошенных судей-респондентов 80 % понимают под шахматным допросом именно одновременный допрос нескольких лиц²¹.

Добавим также, что, по нашему мнению, суд должен иметь право не только участвовать в перекрестном допросе и инициировать дополнительный допрос, но и «вклиниваться» в любой допрос, задавая отдельные уточняющие вопросы или просто предлагая уточнить даваемые показания. Такое право даст суду возможность получать уточнения в реальном масштабе времени и лучше понимать суть показаний и их детали. Как отмечает В. В. Печерский, хотя судья в соответствии с УПК задает вопросы свидетелю после допроса его обеими сторонами, но на практике «довольно часто

судьи задают уточняющие вопросы прямо по ходу допроса одной из сторон. Такие действия могут существенно влиять на тактику обвинения или защиты»²². В то же время, если председательствующий слишком активно вмешивается в допрос подсудимого до окончания его допроса защитником, это может быть расценено судом апелляционной инстанции как «иное нарушение права обвиняемого пользоваться помощью защитника» и стать основанием для отмены судебного решения (п. 4 ч. 2 ст. 389¹⁷ УПК РФ).

Отметим также возможность проведения *повторного* допроса, который имеет смысл проводить в случае, когда есть основания предполагать существенное изменение показаний, и напомним о праве подсудимого и потерпевшего давать показания в любой момент судебного следствия. Если подсудимый ранее отказывался дать показания, то для него это будет первичный допрос, так что его следует провести по общим правилам перекрестного допроса. Если же показания уже были даны, то для подсудимого, как и для потерпевшего, такой допрос в зависимости от ситуации может быть как дополнительным, так и повторным.

Дополним ст. 5 тремя новыми пунктами, определяющими дополнительный, повторный и шахматный допрос, и предложим новую статью, упорядочивающую сказанное выше.

Статья 5. Основные понятия, используемые в настоящем Кодексе

<...>

8²) *допрос дополнительный* – вид судебного допроса, производимый одной из сторон или судом в целях уточнения ранее данных допрашиваемым лицом показаний;

<...>

8⁴) *допрос судебный повторный* – перекрестный допрос уже допрошенного в

суде лица в целях получения новых показаний и уточнения ранее данных им показаний;

8⁵) *допрос шахматный* – вид судебного допроса, при котором в ходе перекрестного или дополнительного допроса допрашивающий задает уточняющие вопросы другим лицам, уже допрошенным ранее и присутствующим в судебном заседании;

<...>

Статья 274². Судебный допрос

1. В судебном заседании может быть проведен допрос подсудимого, потерпевшего, свидетелей, гражданского истца, гражданского ответчика, эксперта, специалиста, понятого и других лиц, не обладающих свидетельским иммунитетом согласно статье 56¹ настоящего Кодекса.

2. Первичный судебный допрос проводится по правилам перекрестного допроса: сначала лицо допрашивается сторонами, затем судом. Очередность допрашивающих участников каждой стороны определяется самой стороной, споры об очередности разрешаются судом.

3. Дополнительный допрос ранее допрошенного лица для уточнения данных им показаний проводится судом по своей инициативе или стороной, ходатайствующей о его проведении. Суд не вправе отклонить ходатайство о проведении дополнительного допроса, если уточнение данных ранее показаний может иметь значение для уголовного дела.

4. По усмотрению суда вместо дополнительного может быть проведен повторный допрос по правилам части второй настоящей статьи. Первой при этом допрашивает сторона, заявившая ходатайство, но очередность может быть изменена по решению суда.

5. В ходе перекрестного или дополнительного допроса допрашивающее лицо

вправе в порядке шахматного допроса адресовать конкретные уточняющие вопросы любому уже допрошенному лицу, присутствующему в судебном заседании, и получать от него ответы с места.

6. В ходе судебного допроса суд вправе в любой момент задавать допрашиваемому лицу уточняющие вопросы по поводу даваемых им показаний, а также предлагать допрашиваемому лицу уточнить сами задаваемые вопросы.

7. Участвующий в допросе переводчик вправе обращаться к участникам допроса с просьбой уточнить смысл вопросов и (или) ответов в целях обеспечения правильности перевода.

Нумерация вновь предлагаемых пунктов и статьи обусловлена тем, что ранее²³ номер 8¹ в ст. 5 УПК РФ был дан пункту «доказательство», а новая ст. 274¹ «Исключение доказательств» была нами предложена в более поздней работе²⁴.

¹ См.: *Соловьев А. Б.* Допустим ли по УПК РФ перекрестный допрос при предварительном расследовании преступлений // *Уголовное право.* 2003. № 2. С. 93.

² См.: *Арсеньев К. К.* Судебное следствие. Сборник практических заметок. СПб., 1871. С. 256–258; *Владимиров Л. Е.* Учение об уголовных доказательствах. Части Общая и Особенная. СПб., 1910. С. 320.

³ См.: *Случевский В. К.* Учебник русского уголовного процесса. Судоустройство – судопроизводство. 3-е изд. СПб., 1896. С. 363; *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. СПб., 1996. Т. 1. С. 282; *Духовской М. В.* Русский уголовный процесс. М., 1910. С. 285.

⁴ См.: *Бозров В. М.* Основы теории уголовно-процессуальных функций. Общая часть : монография. Екатеринбург, 2012. С. 82–83.

⁵ *Маркс К.* Капитал // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. : в 39 т. М., 1954. Т. 23. С. 506.

⁶ *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса. М., 1958. С. 417.

⁷ См., напр.: *Ароцкер Л. Е.* Тактика и этика судебного допроса. М., 1969. С. 20; *Советский уголовный процесс : учебник / под ред. Л. М. Карнеевой, П. А. Лупинской, И. В. Тыричева.* М., 1980. С. 369; *Комментарий к УПК РСФСР / В. Н. Радченко ; под ред. В. Т. Томина.* 2-е изд., перераб. и доп. М., 1999. С. 438; *Панько Н. К.* Деятельность адвоката-защитника по обеспечению состязательности. Воронеж, 2000. С. 92; *Даровских С. М.* Принцип состязательности в уголовном процессе России и механизм его реализации : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2001. С. 147–148; *Мельник В. В.* Искусство защиты в суде присяжных : учебно-практическое пособие. М., 2003. С. 26; *Корчагин А. Ю.* Общие положения судебного допроса // *Российская юстиция.* 2006. № 12. С. 56–57; *Пронин К. В.* Тактика допроса в суде : процессуальные и криминалистические аспекты. М., 2006. С. 14; *Комментарий к УПК РФ / науч. ред. В. Т. Томин, М. П. Поляков.* 3-е изд., перераб. и доп. М., 2010. С. 608.

⁸ См.: *Осодоева Н. В.* О перекрестном допросе в российском уголовном процессе // *Юрислингвистика.* 2014. № 3 (14). С. 5–9.

⁹ *Печерский В. В.* Предмет доказывания и типовые программы допроса в уголовном судопроизводстве РФ : учебно-практическое пособие. М., 2012. С. 31.

¹⁰ В своем комментарии к ст. 275 УПК проф. А. В. Смирнов называет его *главным* (см.: *Смирнов А. В., Калиновский К. Б.* Комментарий к УПК РФ. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 697).

¹¹ См.: *Францифоров Ю. В.* Противоречия уголовного процесса. М., 2006. С. 35–36.

¹² *Александров А. С.* Перекрестный допрос как следственное действие в уголовном суде // *Уголовное судопроизводство : теория и практика / под ред. проф. Н. А. Колоколова.* М., 2011. С. 309–321.

- ¹³ Баев О. Я. Краткий криминалистический комментарий к основам уголовно-процессуального доказывания. М., 2017.
- ¹⁴ Осодоева Н. В. Указ. соч.
- ¹⁵ См.: Социалистическая законность. 1938. № 8.
- ¹⁶ См.: Строгович М. С. Участие прокурора в судебном следствии // Социалистическая законность. 1938. № 8. С. 45–46.
- ¹⁷ См.: Цыпкин А. Л. К вопросу о тактике судебного допроса // Ученые записки Саратовского юридического института. 1940. Вып. 1. С. 102–124.
- ¹⁸ См.: Баев О. Я. Указ. соч.
- ¹⁹ Баев М. О. Особенности тактики судебного допроса // Криминалистическая тактика : современное состояние и перспективы развития : материалы 56-х Криминалистических чтений. Ч. I. М., 2015. С. 58–64.
- ²⁰ См.: Перлов И. Д. Судебное следствие в советском уголовном процессе. М., 1955. С. 152; Ароцкер Л. Е. Указ. соч. С. 25; Участие прокурора в судебном допросе / автор-сост. И. В. Блинова и др. Иркутск, 2004. С. 43–44; Степанова А. А. Тактика судебных допросов // Вестник криминалистики. 2007. Вып. 2 (22). С. 30; Корчагин А. Ю. Указ. соч. С. 57; Мельник В. В. Указ. соч. С. 261; Капустянский В. Д. Судебный допрос как средство доказывания в ходе судебного следствия. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Ермакова Т. А. О применении перекрестного допроса в судебном следствии // Уголовный процесс. 2009. № 10. С. 31; Рагулин А. В. Адвокат в уголовном процессе. Ростов н/Д., 2007. С. 216; Баев М. О. Теория профессиональной защиты : тактико-этические аспекты. М., 2006. С. 202.
- ²¹ См.: Осодоева Н. В. Перекрестный и шахматный допрос в российском уголовном процессе // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 3 (122). С. 112–117.
- ²² Печерский В. В. Указ. соч. С. 47.
- ²³ См.: Белкин А. Р. УПК РФ : отменить нельзя поправить? : в 2 т. Т. 1. Общая часть. М., 2017, § 5.2.
- ²⁴ См.: Белкин А. Р. УПК РФ : конструктивная критика и возможные улучшения. Часть XII. М., 2018. С. 28.

Российский технологический университет

Белкин А. Р., доктор юридических наук,
профессор

E-mail: anatbel@yandex.ru
Тел.: 8-926-427-80-56

Russian University for Technology

Belkin A. R., Doctor of Legal Sciences,
Professor

E-mail: anatbel@yandex.ru
Tel.: 8-926-427-80-56

В. А. Мещеряков

Воронежский государственный университет

О. Ю. Цурлуй

Центральный филиал Российского государственного университета правосудия

ОСОБЕННОСТИ ИЗЪЯТИЯ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ С ЦИФРОВЫХ НОСИТЕЛЕЙ В ХОДЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

А н н о т а ц и я: рассмотрены проблемы получения и фиксации доказательственной информации, хранящейся на цифровых носителях. Авторами обосновано обязательное участие специалиста при осмотре и изъятии сведений в электронной форме в рамках следственных действий. По результатам исследования сформулированы предложения авторов о фиксации электронных документов с однозначным подтверждением их неизменности в ходе проведения следственных и иных процессуальных действий.

К л ю ч е в ы е с л о в а: цифровой носитель информации, виртуальные следы, электронный документ, экспертиза, хэш-код, следственное действие, доказательство, специальные знания.

FEATURES OF THE REMOVAL OF COMPUTER INFORMATION FROM DIGITAL MEDIA DURING THE PRELIMINARY INVESTIGATION

Abstract: the article deals with the problems of obtaining and fixing evidence information stored on digital media. The authors justify the mandatory participation of a specialist in the examination and withdrawal of information in electronic form in the framework of investigative actions. According to the results of the study, the authors' proposals for fixing electronic documents with unambiguous confirmation of its immutability in the course of investigative and other procedural actions are formulated.

Key words: digital information carrier, virtual traces, electronic document, expertise, hash code, investigative action, evidence, special knowledge.

Поступила в редакцию 10 июня 2020 г.

Активное развитие компьютерной техники и информационно-телекоммуникационных технологий оказывает сильнейшее влияние на все стороны в жизнедеятельности современного человека и в первую очередь приводит к ис-

пользованию электронных средств коммуникаций, хранению и использованию информации различного назначения исключительно в электронной форме и, как следствие, вытеснению бумаги как традиционного носителя юридически значимой информации.

Подобные изменения, безусловно, затронули как криминальную сферу, так

© Мещеряков В. А., Цурлуй О. Ю., 2020

и сферу выявления и расследования преступлений. В настоящее время все больший объем сведений, имеющих значение для расследования преступления, приходится разыскивать, изымать и хранить в электронном виде, что имеет свои ярко выраженные особенности.

В соответствии с нормами ст. 74 УПК РФ доказательством по уголовному делу могут стать любые сведения, на основании которых суд, прокурор, следователь или дознаватель могут установить наличие или отсутствие обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

При этом данные сведения могут быть зафиксированы не только в виде протоколов и заключений, предусмотренных ч. 2 названной выше статьи, но и представлены в форме иных документов, выполненных как в письменном, так и в ином виде. На основании ч. 2 ст. 84 УПК РФ материальными носителями таких сведений могут выступать материалы фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи, а также иные носители информации, полученные, истребованные или представленные в порядке, установленном ст. 86 УПК РФ. Исходя из смысла данной статьи, законодатель не делает различий в формах представления фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи. Они могут быть закреплены как в традиционной аналоговой, так и в современной цифровой форме.

Особое место в этом ряду занимают электронные документы.

Согласно п. 11.1 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 49-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» электронный документ – это «документированная информация, представленная в электронном формате, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по инфор-

мационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах»¹.

В соответствии с ГОСТ 2.051-2013 электронный документ получают с помощью программно-технических средств в результате автоматизированного проектирования (разработки) или преобразования документов, выполненных в бумажной форме, в электронную форму². Попутно следует отметить, что специфика электронного документа такова, что содержание бумажного и электронного документов могут в значительной мере отличаться друг от друга. Этот факт обязательно необходимо учитывать при копировании электронных документов.

Местом размещения (хранения и воспроизведения) электронного документа является электронный носитель информации.

Согласно п. 3.1.9 ГОСТ 2.051-2013 электронный носитель – это материальный носитель, используемый для записи, хранения и воспроизведения информации, обрабатываемой с помощью средств вычислительной техники, т. е. устройств, конструктивно предназначенных для постоянного или временного хранения данных в виде, пригодном для их использования в электронных вычислительных машинах, а также передачи по информационно-телекоммуникационным сетям.

Уже здесь, отмечая возможность использования различных носителей компьютерной информации при ее копировании в ходе следственных действий, следует обратить внимание на **первую особенность**, которой уделяется непропорционально мало внимания при производстве следственных действий, но которая имеет исключительно важное криминалистическое значение.

Эта особенность заключается в виртуальном представлении значимых для расследуемого уголовного дела сведе-

ний, зафиксированных на материальном носителе в цифровом виде. При этом основное смысловое значение имеют не зафиксированные свойства материального носителя, а всего лишь структура и последовательность цифровых данных, отражающих параметры формализованной модели, описывающей интересующее следствие явление.

Несмотря на значительное количество публикаций, посвященных данной теме³, остановимся на сути этой особенности более подробно.

Основной задачей предварительного расследования является формирование в установленном действующим уголовно-процессуальным законом порядке доказательств, на основании которых суд будет принимать решение о событии преступления и всех его неотъемлемых атрибутах.

Доказательства формируются надлежащими субъектами на основе следов, выявляемых на материальных объектах окружающей обстановки. При этом следами признается любая информация, возникшая в результате взаимного отражения объектов материального мира, которую мы умеем (в результате знания вида и природы взаимосвязи) связать с фактами, событиями и обстоятельствами, имеющими отношение к расследуемому уголовному делу.

При формировании материальных следов возникновение информации о произошедшем событии или явлении всегда обусловлено взаимосвязью вполне понятной физической природы. Например, удар лезвия топора по деревянной двери вызывает изменение формы крайней доски двери. Форма этого изменения будет соответствовать форме лезвия топора. Это классическая схема отображения, лежащая в основе криминалистического представления о механизме следообразования. В результате форма изме-

нения (след, связанный характеристиками удара топором) массива доски неотделима от своего носителя – доски двери.

Аргументы в пользу возможности отделения формы путем ее копирования (например, изготовления в нашем случае гипсового слепка) не принимаются, поскольку в ходе изготовления копии мы, с одной стороны, ухудшаем качество запечатленной формы (причем тем хуже, чем крупнее будут части вещества, применяемого для изготовления слепка), а с другой стороны, привносим свои дополнительные изменения за счет несовершенства используемых инструментов и навыков человека, изготавливающего копию. В любом случае изготовить копию без потери качества никогда не получится, а изготовление копии с копии вообще может привести к тому, что получившийся результат будет непригоден для решения не только идентификационных, но и диагностических криминалистических задач.

Принципиально иная схема отображения возникает при формировании виртуальных следов (цифровую форму фиксации которых мы получаем с компьютерных носителей). Возьмем случай, когда реальное явление (например, тот же удар топором по доске) фиксируется видеорегистратором. В ходе этой фиксации происходит электронно-цифровое отображение, основанное на использовании формальной модели реального явления, подлежащего регистрации, обладающее рядом весьма значимых для криминалистики свойств.

Во-первых, отображение происходит в искусственной среде формальной (чаще всего математической) модели, которая отражает с заданным качеством одни признаки и свойства моделируемого явления и абсолютно игнорирует другие. В результате фиксируются не все существующие в природе виды взаимодействия объектов окружающего мира,

а лишь только те, которые были предусмотрены создателем этой искусственной среды.

Например, видеореги­стратор, созданный для фиксации изображений в инфракрасном диапазоне электромагнитных волн, будет хорошо видеть теплые объекты и совершенно не регистрировать холодные (совпадающие по температуре с окружающей средой).

Причем качество регистрации изменений в искусственной среде будет обусловлено техническими возможностями (в нашем примере – разрешающей способностью, углом обзора объектива) или настройками регистратора (например, если видеореги­стратор запускается от датчика движения, то в зависимости от настроек этого датчика он может вообще не зафиксировать медленно происходящие изменения, такие как разворачивание цветков растений, изменение положения солнечной тени и т. п.).

Во-вторых, регистрации на материальном носителе подлежит не сама формализованная модель (она, как правило, заложена в конструкцию или программное обеспечение средства регистрации) наблюдаемого явления, а только ее параметры в объеме и качестве, позволяющем в дальнейшем сформировать представление о зафиксированном явлении. В результате зафиксированные в цифровой форме виртуальные следы могут копироваться сколь угодно раз без потери их криминалистического качества.

В-третьих, семантическая сущность (смысловое значение) виртуальных следов, зафиксированных в цифровой форме, закреплена не в материале носителя, как в случае с материальными следами, а в структуре и последовательности и значении цифровых данных. В результате связь следа с событием, имеющим отношение к расследуемому уголовному делу, не определяется свойствами его материального

носителя. Например, изображение с одинаковым качеством может быть зафиксировано как на оптическом диске (где физическим носителем информации выступает наличие/отсутствие дырок в отражающем слое), так и на магнитном диске (где физическим носителем информации выступает магнитный домен) или полупроводниковой NAND-памяти флеш-накопителя. Более того, при определенных условиях без потери криминалистических качеств фиксации следов возможно преобразование форматов этого изображения (например, JPEG в TIFF и т. п.).

Таким образом, при производстве копирования компьютерной информации при соблюдении определенных технологических требований (иногда различных для разных криминалистических задач) без потери криминалистического качества возможно использование материальных носителей различного вида, объема и формата (используемой файловой системы), в том числе и некоторого их количества.

Второй особенностью, на которую следует обратить внимание при копировании компьютерной информации в ходе отдельных следственных действий, является уровень подготовки и технического оснащения специалиста, привлекаемого для производства необходимых технологических действий.

Анализ правоприменительной практики показал, что материальными носителями, наиболее часто встречающимися в ходе расследования уголовных дел, а также направляемыми на исследование в рамках судебной компьютерной экспертизы, являются следующие объекты⁴:

- компьютерные устройства (рабочие станции, персональные компьютеры, ноутбуки, планшеты и т. п.);
- SIM-карты⁵;
- мобильные телефоны, пейджеры, смартфоны, диктофоны⁶;

- флеш-карты, оптические диски⁷;
- контрольно-кассовые машины⁸;
- отдельные компьютерные программы или их системы, а также иные объекты авторских прав и т. п.⁹

Одно разнообразие перечисленных объектов уже отражает широту спектра знаний, которыми должны обладать специалисты для производства копирования компьютерной информации из них. Упоминание о различных состояниях этой техники (исправен/неисправен, включен/выключен) только расширяет круг востребованных знаний, умений и технического оснащения.

Положения действующего уголовно-процессуального законодательства предусматривают следующий перечень следственных действий, выступающих в качестве способов собирания доказательств по уголовному делу, в ходе которых возможно получение (копирование или изъятие) компьютерной информации, хранящейся на электронных носителях:

- осмотр (места происшествия, предметов или документов);
- допрос (в случаях предоставления допрашиваемым лицом документа на электронном носителе и приобщения его к протоколу);
- обыск;
- выемка.

Учитывая специфику формирования и преобразования информации, хранящейся и передаваемой в электронной форме, названные следственные действия производятся в установленном соответствующими уголовно-процессуальными нормами порядке, с обязательным участием специалиста, обладающего соответствующими специальными знаниями, необходимыми для производства требуемых действий программно-техническими средствами, а также навыками их использования и достаточной квалификацией.

Уровень развития современных информационных технологий за последнее время возрос столь значительно, что в рамках этого направления сформировано уже более десятка самостоятельных инженерных специальностей, существенно различающихся как по объему, так и по виду охватываемых знаний и умений. Причем эти различия не столь очевидны для следователя или дознавателя, обладающих классическим высшим юридическим образованием и имеющих специальные познания в области радиоэлектроники, компьютерной техники и информационных технологий. Например, выяснение различий в квалификации инженера по радиоэлектронике и инженера электронной техники, требуемое для оценки готовности такого специалиста к решению криминалистических задач в рамках планируемого следственного действия, становится весьма нетривиальной задачей.

В связи с этим категорически нельзя согласиться с тем, что требование уголовно-процессуального законодательства по привлечению специалиста для изъятия электронных носителей информации является чрезмерным и не соответствует современному уровню технической грамотности всего населения. Высказываемые некоторыми авторами мнения о том, что современные информационные технологии настолько просты в обращении, что практически не требуют специальных умений и знаний по их корректному использованию, нам представляются необоснованными¹⁰.

Положения ч. 3 ст. 164.1 УПК РФ закрепляют право следователя в ходе производства следственного действия осуществить копирование информации, содержащейся на электронном носителе. При этом в протоколе следственного действия должны быть указаны технические средства, примененные при осуществлении

копирования информации, порядок их применения, электронные носители информации, к которым эти средства были применены, и полученные результаты. К протоколу прилагаются электронные носители, содержащие информацию, скопированную с других электронных носителей, обнаруженных в ходе производства следственного действия.

На наш взгляд, самостоятельное копирование следователем информации с электронных носителей допустимо в исключительных случаях, когда полученная информация будет использоваться исключительно в качестве ориентирующей и в последующем не станет объектом экспертного исследования.

Проиллюстрируем сказанное примером. Камерой наружного наблюдения зафиксировано убийство, совершенное у входа в здание. Доступ к камере имели сотрудники охраны учреждения, расположенного в этом здании. В ходе производства расследования следователь самостоятельно, в отсутствие юридического основания и надлежащего процессуального оформления скопировал видеофайл момента убийства с камеры наблюдения на флеш-накопитель и приобщил его к материалам уголовного дела. Ввиду грубейшего нарушения требований уголовно-процессуального законодательства, приобщенная копия видеозаписи, хранящаяся на флеш-накопителе, не может выступать в качестве объекта экспертного носителя.

Отдельного разговора требует уровень технического оснащения специалиста, привлекаемого для решения задач копирования компьютерной информации. Это в первую очередь касается используемых им средств вычислительной техники (переносных компьютеров, ноутбуков, планшетов), вспомогательного коммутационного (различного рода кабели, переходники и адаптеры) и периферийного

оборудования (копираторы, концентраторы и разветвители), а также специального программного обеспечения.

Диапазон такого оборудования крайне широк и представлен как открытыми (Open Source), так и проприетарными разработками. Поскольку нормативно установленных требований по выбору состава и характеристик такого оборудования не существует, то их выбор осуществляется самим специалистом исходя из собственного опыта и удобства использования для решения поставленных задач.

Третьей особенностью копирования компьютерной информации в ходе отдельных следственных действий является необходимость определения условий формирования виртуальных следов, изъятие которых осуществляется.

В ряде случаев для решения определенной категории вопросов, возникающих в ходе расследования уголовного дела, требуется не только сам скопированный набор цифровых данных, но и оборудование, которое осуществляло регистрацию реального процесса, а также исходный физический носитель, на который проводилась соответствующая запись.

В связи с этим в ряде случаев абсолютно неэффективно с позиции расследования уголовного дела использование права, предоставленного уголовно-процессуальным законом следователю или дознавателю самостоятельно копировать информацию с электронных носителей, без их последующего изъятия¹¹. Однако в соответствии с требованиями ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ электронные носители информации изымаются в ходе производства следственных действий с участием специалиста.

Изложенное весьма наглядно подтверждается следующим примером следственно-экспертной практики.

К эксперту-видеотехнику на исследование поступил файл с записью автомобильного видеорегистратора и заключение видеотехнической экспертизы по данному материалу, из которого следовало, что скорость автомобиля в момент съемки значительно превышала разрешенный порог движения по городу – 60 км/ч со всеми вытекающими правовыми последствиями. Примененная методика исследования была типичной для подобных экспертиз. В интересующий момент времени на видеозаписи были найдены два соседних кадра, на которых были запечатлены неподвижные объекты. Для этих объектов определен размер их линейного смещения.

Из надписи на шильдике видеорегистратора установлена скорость записи – 30 fps. В результате скорость движения автомобиля, на котором был размещен видеорегистратор, была определена как размер вычисленного смещения неподвижных объектов на двух соседних кадрах, умноженных на 30 и 3600 (для получения пройденного расстояния в час).

Основанием для производства повторной экспертизы послужило разительное отличие установленной скорости от той, о которой говорил водитель, управлявший автомобилем.

Эксперт-видеотехник запросил на исследование не только файл с видеозаписью, но и сам видеорегистратор, а также SD-карту, на которую эта запись осуществлялась.

Исследовав SD-карту и видеорегистратор неизвестных китайских производителей, эксперт убедился, что в погоне за объемом хранимой информации при малой стоимости карты ее класс скорости записи был крайне низок. В результате несложных подсчетов стало ясно, что картинка установленного в файле видеозаписи разрешения пишется на SD-карту

с плавающей скоростью всегда меньше заявленных 30 fps.

Как следствие, получившаяся оценка скорости движения оказалась завышенной, что полностью изменило квалификацию содеянного.

Последней особенностью на которую необходимо обратить внимание при копировании компьютерной информации в ходе отдельных следственных действий, является требование обеспечения неизменности полученной цифровой копии.

Одним из наиболее простых и достаточно эффективных способов подтверждения неизменности скопированной в ходе производства следственных действий компьютерной информации выступает подсчет и фиксация контрольной суммы (хэш-функции) файла.

В соответствии с п. 3.1.5 ГОСТ Р 34.11-2012 хэш-код (hash-code) – это строка бит, являющаяся выходным результатом вычисления хэш-функции¹². Данная функция позволяет построить однозначное соответствие любого набора цифровых данных (одного или нескольких файлов и даже всего материального носителя цифровой информации) и строки бит установленной длины. При этом вероятность того, что различным наборам данных будет соответствовать одно и то же значение хэш-функции, ничтожно мала, а изменение хотя бы одного бита в исходном наборе данных приводит к кардинальному изменению значения хэш-функции.

Использование данной технологии позволяет всем участникам уголовного преследования убедиться в том, что изъятая в ходе следственного действия информация в дальнейшем была неизменной.

В связи с этим, на наш взгляд, в протоколе следственного действия, в ходе которого производится копирование компьютерной информации (цифровая видео- или аудиозапись, компьютерная

программа, база данных и т. п.), необходимо обязательно отражать значение хэш-функции изымаемых информационных объектов, а также сообщать его лицу, у которого этот информационный объект был скопирован, с обязательной отметкой об этом в протоколе следственного действия.

Таким образом, обязательное участие специалиста в производстве следственных действий по осмотру и изъятию информации, содержащейся на электронных носителях, является положительным законодательным требованием. Обусловлено это еще и с позиции тактики следственного действия, поскольку специалист может заметить то, что скрыто ввиду отсутствия специаль-

ных познаний от следователя. В работе с электронными носителями информации следователю недостаточно общих криминалистических знаний.

В связи с изложенным предлагаем дополнить положения уголовно-процессуального законодательства нормой следующего содержания.

В протоколе следственного действия должны быть указаны аппаратные и программные средства, использованные при осуществлении копирования информации, порядок их применения, используемые электронные носители информации и их характеристики, а также значения хэш-сумм, скопированных в ходе следственного действия информационных объектов.

¹ Об информации, информационных технологиях и защите информации : федер. закон от 27 июля 2006 г. № 49-ФЗ // Рос. газета. 26.07.2006. Федеральный выпуск № 0(4131).

² ГОСТ 2.051-2013 Межгосударственный стандарт. Единая система конструкторской документации. Электронные документы. Общие положения. М., 2013.

³ См.: *Борисов В. В.* Особенности фиксации информационных следов в практике защиты информации // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2009. Т. 94, № 5. С. 165; *Вехов В. Б.* Основы криминалистического учения об исследовании и использовании компьютерной информации и средств ее обработки : монография. Волгоград, 2008. С. 35–37; *Гаврилин Ю. В.* Расследование неправомерного доступа к компьютерной информации : учеб. пособие / под ред. Н. Г. Шурухнова. М., 2001. С. 34–35; *Гаврилин Ю. В., Лыткин Н. Н.* Понятия, свойства и криминалистическое значение компьютерно-технических следов преступления // Вестник криминалистики. 2005. № 4. С. 49; *Касаткин А. В.* Тактика собирания и использования компьютерной информации при расследовании преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. С. 56; *Лушин Е. А.* О термине «электронно-цифровые следы» // Расследование преступлений : проблемы и пути их решения. 2017. № 4 (18). С. 161–163; *Лыткин Н. Н.* Использование компьютерно-технических следов в расследовании преступлений против собственности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 42; *Мещеряков В. А.* Основы методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2001. С. 14; *Милашев В. А.* Проблемы тактики поиска, фиксации и изъятия следов при неправомерном доступе к компьютерной информации в сетях ЭВМ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 18; *Островский О. А.* Алгоритм выявления временных характеристик исследуемого факта преступления на основе анализа компьютерных следов // Проблемы формирования правового социального государства в современной России : материалы XIII Всероссийской национальной научно-практической конференции. Новосибирский государственный аграрный университет. 2017. С. 196; *Поляков В. В.,*

Шебалин А. В. К вопросу об использовании понятий «виртуальные следы» и «электронно-цифровые следы» в криминалистике // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2013. № 11-1. С. 123 ; Тулупьева Т. В. и др. Возможности и опыт применения компьютерных инструментов в анализе цифровых следов студентов – пользователей социальной сети // Компьютерные инструменты в образовании. 2015. № 5. С. 8.

⁴ См.: Зазулин А. Обзор судебной практики по участию специалиста и производству судебных экспертиз при исследовании цифровой информации. URL: https://zakon.ru/blog/2018/05/06/obzor_sudebnoj_praktiki_po_uchastiyu_specialista_i_proizvodstvu_sudebnyh_ekspertiz_pri_issledovanii

⁵ См.: Постановление Президиума Новосибирского областного суда от 24 июня 2016 г. по делу № 44У-124/2016. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс»; Приговор Алтайского краевого суда от 11 декабря 2013 г. по делу № 2-96/2013. URL: http://kraevoy.alt.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=12&arc_list=2013

⁶ См.: Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 29 ноября 2016 г. по делу № 10-17624/2016. URL: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-moskovskii-gorodskoi-sud-gorod-moskva/>

⁷ См.: Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 2 июля 2015 г. по делу № 22-2363/2015. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/p1A5X9YjaAH/>

⁸ См.: Постановление Московского городского суда от 8 июня 2011 г. по делу № 4у/7-3435. URL: <https://pravo163.ru/obzor-sudebnoj-praktiki-po-uchastiyu-specialista-i-proizvodstvu-sudebnyh-ekspertiz-pri-issledovanii-cifrovoj-informacii/>

⁹ См.: Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Санкт-Петербургского городского суда от 20 апреля 2017 г. по делу № 22-2649/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-sankt-peterburgskii-gorodskoi-sud-gorod-sankt-peterburg/?page=8>

¹⁰ См.: Зуев С. В., Черкасов В. С. Новые правила изъятия электронных носителей и копирования информации // Законность. 2019. № 5. С. 40–43.

¹¹ См.: Там же. С. 42–43.

¹² См.: ГОСТ Р 34.11-2012 Информационная технология (ИТ). Криптографическая защита информации. Функция хэширования. М., 2012.

Воронежский государственный университет

Мещеряков В. А., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики

E-mail: netshuttle@mail.ru

Тел.: 8 (473) 220-85-14

Центральный филиал Российского государственного университета правосудия

Цурлуй О. Ю., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики

E-mail: kijalis@yandex.ru

Тел.: 8 (473) 271-54-15

Voronezh State University

Meshcheryakov V. A., Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Criminalistics Department

E-mail: netshuttle@mail.ru

Тел.: 8 (473) 220-85-14

The Central Branch of the Russian State University of Justice

Tsurлуй O. Yu., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Forensic Expertise and Criminalistics

E-mail: kijalis@yandex.ru

Тел.: 8 (473) 271-54-15

И. Г. Савицкая

Воронежский институт МВД России

К ВОПРОСУ О ЦЕЛЯХ И СОДЕРЖАНИИ ДОПРОСА ЭКСПЕРТА В СУДЕ

А н н о т а ц и я: рассматриваются вопросы, касающиеся целей допроса и содержания показаний эксперта, даваемых им в ходе судебного разбирательства по уголовному делу. Автором анализируется основное сходство и различие между экспертом и специалистом при даче ими показаний в суде, классифицированы вопросы, подлежащие постановке эксперту на допросе, сформулированы рекомендации, направленные на повышение эффективности получения от эксперта показаний в ходе судебного заседания.

К л ю ч е в ы е с л о в а: судебная экспертиза, допрос эксперта, показания эксперта, судебное разбирательство, специалист.

EXPERT TESTIMONY AS EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

A b s t r a c t: the article deals with the issues concerning the purposes of interrogation and the content of the expert's testimony given by him during the trial in a criminal case. The author analyzes the main similarities and differences between an expert and a specialist when they testify in court, classifies the questions to be posed to an expert during interrogation, and makes recommendations aimed at improving the efficiency of obtaining evidence from an expert during a court session.

Key words: forensic examination, expert interrogation, expert testimony, trial, specialist.

Поступила в редакцию 15 июня 2020 г.

Согласно ч. 1 ст. 282 УПК РФ «суд по ходатайству сторон или по собственной инициативе вправе вызвать для допроса эксперта, давшего заключение в ходе предварительного расследования для разъяснения или дополнения данного им заключения».

Несмотря на то что в ч. 1 ст. 282 УПК РФ фактически сформулирована цель показаний эксперта, среди ученых ведутся споры на этот счет.

Так, по мнению В. В. Захаровой, А. Э. Денисовой, А. Соловьева, С. Б. Росинского, допрос эксперта, в отличие от

специалиста, должен осуществляться только в целях уточнения и разъяснения его заключения¹. Такая формулировка не относится к цели допроса специалиста. Пленум Верховного Суда в своем постановлении² разъяснил, что специалист не производит исследований по поводу обнаруженных, закрепленных и изъятых доказательств. Он лишь консультирует органы дознания, следствия, суд по интересующим их специальным вопросам, поэтому допрос специалиста не ограничен только предметом его заключения.

В свою очередь, В. В. Шадрин полагает, что допрос эксперта выступает спо-

© Савицкая И. Г., 2020

сбором проверки и уточнения его заключения³. А. П. Рыжаков, Ю. Ф. Лубшев, Ю. К. Якимович, Т. Д. Пан отмечают, что допрос эксперта необходимо проводить для разъяснения заключения⁴. Ю. К. Орлов полагает, что эксперты вызываются в судебное заседание, когда заключение неполно или вызывает сомнения по существу, при возникновении дополнительных вопросов⁵.

На наш взгляд, следует согласиться с точкой зрения тех ученых, которые полагают, что допрос эксперта может осуществляться для разъяснения и дополнения заключения⁶.

К эксперту и специалисту как участникам уголовного процесса предъявляется много общих требований, среди них:

- наличие специальных знаний в определенной области;
- компетентность в требуемой области знаний;
- незаинтересованность в исходе дела;
- их заключение и показания не имеют преимуществ по сравнению с другими доказательствами по уголовному делу;
- результаты их деятельности представляют собой выводы и исследования, полученные с применением специальных знаний⁷.

Еще Платон говорил о том, что «мнение не так точно, как заключение, но более точно, чем догадка»⁸. На эту же тему Е. Ф. Буринский писал о том, что слово «мнение» применимо, например, к показаниям «опытных» людей, тогда как сведущие люди дают заключение. Мнение получается путем простого восприятия явления внешними чувствами, а заключение дает «то, что истинно» посредством перехода от идей к идеям. Для установления мнения не требуется никакой науки, никакие искусственные правила не могут сделать мнение более достоверным, чем каково оно само по себе⁹.

Таким образом, основное сходство эксперта и специалиста выражается в наличии специальных знаний и результатах их деятельности, которые являются доказательствами по уголовному делу.

Основное отличие эксперта и специалиста выражается в том, что они разными способами достигают результатов, изложенных в их заключениях и имеющих различное содержание. Один проводит исследование на основе применения специальных методик, другой излагает суждение, построенное на основе специальных знаний¹⁰.

Еще одним отличием эксперта от специалиста является то, что процессуальный порядок получения показаний эксперта, в отличие от специалиста, детально регламентирован законом.

Так, Е. А. Попова, Н. А. Громов указывают на следующие признаки показаний эксперта как доказательства:

- 1) показания эксперта – это всегда устная речь; они даются лицом, которое в установленном законом процессуальном порядке провело исследование и на его основе составило заключение;
- 2) показания эксперта содержат сведения, которые разъясняют или уточняют заключение эксперта, данное им ранее, или его часть;
- 3) показания эксперта могут быть даны только на допросе;
- 4) допрос эксперта производится только после дачи им заключения¹¹.

По замыслу законодателя, предмет показаний эксперта ограничен дачей им дополняющих и поясняющих сведений по поводу данного им ранее заключения. Таким образом, показания эксперта – это полноценное самостоятельное доказательство по уголовному делу.

Как отмечается в научной литературе, допрос направлен на получение информации об известных допрашиваемо-

му лицу фактах¹². Однако, как указывалось выше, целью допроса эксперта является только та информация, которая разъясняет или дополняет заключение эксперта.

На наш взгляд, можно выделить три группы вопросов, которые ставятся эксперту:

1) вопросы, связанные с компетенцией эксперта. К ним можно отнести вопросы о наличии специальных знаний эксперта, об образовании, о стаже работы, ученой степени, квалификации, профессиональных качествах и т. д.;

2) вопросы, связанные с методами научного исследования. Среди них вопросы о научных основах, примененных методиках и теоретических разработках исследования, специальных терминах и формулировках, об обосновании методов и т. д.;

3) вопросы, касающиеся достоверности заключения. Это вопросы о достаточности сведений, которые легли в основу исследования, противоречия между отдельными частями заключения, разногласия между экспертами, расхождение между выводами и т. д.

По мнению Н. А. Панько, не все вопросы, которые ставятся эксперту, являются целесообразными и обоснованными и могут быть получены судом и без производства допроса эксперта.

Так, например, сведения, касающиеся компетенции эксперта, на ее взгляд, суду можно получить из материалов уголовного дела или путем обращения к реестрам сертифицированных судебных экспертов.

Вопросы, связанные с использованием экспертом определенных методов, инструментариев и теоретических разработок, можно почерпнуть из самого экспертного заключения, потому как его структура предполагает указание в нем обоснований использования конкрет-

ных методик, а также промежуточных и окончательных выводов. В заключении эксперт подробно описывает ход и результаты исследования.

Путем ознакомления с материалами уголовного дела можно сделать вывод о достаточности сведений, использованных экспертом при составлении заключения. Таким образом, Н. А. Панько полагает, что ответы на указанные вопросы могут быть получены и без привлечения эксперта к допросу¹³.

Как показывает практика, наиболее распространенным вопросом, задаваемым эксперту в судебном заседании, является вопрос о том, поддерживает ли он свое заключение, сделанное ранее¹⁴.

На наш взгляд, постановка такого вопроса некорректна, потому что эксперт в соответствии с процессуальным порядком производства предварительного расследования в обязательном порядке предупреждается об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения (ст. 307 УК РФ), что и является гарантией достоверности его результатов. С момента предупреждения эксперта об уголовной ответственности ему запрещается вступать в неформальные отношения с иными участниками процесса, собирать доказательства и каким-либо способом самостоятельно изучать материалы уголовного дела. Таким образом, он не может получить из материалов дела дополнительные сведения, помимо тех, которые были предоставлены ему во время производства экспертизы, поэтому этот вопрос не соответствует процессуальным условиям участия эксперта в уголовном судопроизводстве. Единственным обоснованием такого вопроса в судебном заседании может быть ситуация, связанная с появлением новых методик и технологий исследовательской деятельности¹⁵.

Подводя итог дискуссии по поводу содержания вопросов эксперту, следует

согласиться с А. М. Моисеевым, который предлагает исключать из перечня вопросов, выносимых судебному эксперту для решения, те, которые не требуют применения специальных знаний и фактически приравнивают его процессуальный статус к статусу свидетеля по уголовному делу. На его взгляд, такое предложение может быть реализовано возможностью эксперта заявлять суду ходатайство об отклонении таких вопросов, что одновременно позволит повысить эффективность судебного заседания и процессуальный статус эксперта¹⁶.

Значение показаний эксперта как доказательства в уголовном процессе может выражаться в том, что эксперт, разъясняя текст данного им заключения:

- дает суду и сторонам возможность облегчить его понимание;

- может приводить дополнительные аргументы в пользу примененной им методики, повышая обоснованность выводов экспертизы;

- отвечая на вопросы сторон и суда, может указывать на новые обстоятельства, имеющее значение для уголовного дела¹⁷.

Материалы изученной нами судебной практики показали, что в ряде случаев суд заранее, до начала судебного заседания направлял для изучения эксперту вопросы, полученные от других участников судебного разбирательства. Такой подход кажется нам наиболее удачным ввиду того, что в таком случае эксперт может более тщательно и полно подготовить ответы на вопросы, разъяснив и дополнив свое заключение. В связи с этим предлагаем распространить такую практику повсеместно. Представляется,

что перед началом судебного заседания у эксперта должна быть возможность ходатайствовать перед судом о заблаговременном предоставлении ему списка вопросов.

На наш взгляд, такой перечень вопросов, подготовленный заранее и в письменной форме, даст возможность судебному эксперту сократить временные и материальные затраты, позволив свести его отрыв от основной работы к минимуму.

При этом следует отметить, что необходимость в разъяснениях экспертом своего письменного заключения возникает, когда экспертиза признана недостаточно полной¹⁸. В случаях, когда необходимо получить ответы на вопросы, которые не были поставлены в постановлении, этому же эксперту назначается дополнительная экспертиза, которая может устранить необходимость допрашивать эксперта в судебном заседании.

При возникновении сомнений в обоснованности заключения эксперта у сторон или у суда, в случаях противоречивости его результатов или несовпадения с иными материалами дела может быть назначена повторная экспертиза другому эксперту.

Таким образом, полагаем, что допрос эксперта на этапе судебного разбирательства необходим для верной оценки судом результатов экспертизы, а также для того, чтобы иные участники уголовного судопроизводства, не обладающие специальными знаниями, могли понять суть полученных результатов экспертизы в случаях ее сложности и получить аргументированные разъяснения ее содержания.

¹ См.: Захарова В. В. Формы использования специальных знаний в процессуальной и профессиональной деятельности // Закон и право. 2008. № 2. С. 75–77; Дени-

сова А. Э. Применение заключения и показаний специалиста для подготовки итоговых процессуальных решений // Адвокат. 2009. № 10. С. 24–33 ; Соловьев А. Использование специальных познаний при доказывании по УПК РФ // Уголовное право. 2007. № 2. С. 95–99 ; Россинский С. Б. Уголовный процесс России : курс лекций. М., 2007. 576 с.

² См.: О судебной экспертизе по уголовным делам : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См.: Шадрин В. В. Экспертная деятельность в свете УПК РФ и ГПК РФ // Закон и право. 2004. № 8. С. 36–40.

⁴ См.: Рыжаков А. П. Уголовный процесс России : курс лекций. СПб., 2009. 432 с. ; Лубшев Ю. Ф. Адвокат в уголовном деле. М., 1997. 408 с. ; Якимович Ю. К., Пан Т. Д. Судебное производство по УПК Российской Федерации. СПб., 2005. 252 с.

⁵ См.: Орлов Ю. К. Производство экспертизы в уголовном процессе. М., 1982. 79 с. ; Безлепкин Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003. 776 с.

⁶ См.: Лобан И. Е., Заславский Г. И., Попов В. Л. Судебно-медицинская деятельность в уголовном судопроизводстве. СПб., 2003. 467 с. ; Комиссарова Я. В., Холопова Е. Н. Использование заключения эксперта-психолога в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. 2005. № 12. С. 18–20 ; Бишманов Б. УПК и вопросы использования института специальных знаний в уголовном процессе // Уголовное право. 2004. № 1. С. 53–54 ; Сычева О. А. Тактика судебного следствия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. 26 с. ; Тетюев С. Формы использования специальных знаний // Законность. 2009. № 11. С. 35–39 ; Трунов И. Л., Мельник В. В. Искусство речи в суде присяжных. М., 2009. 664 с. ; Баев М. О. Теория профессиональной защиты : тактико-этические аспекты. М., 2006. 336 с.

⁷ См.: Гришина Е. Б. Особенности формирования показаний эксперта и специалиста в уголовном процессе // Наука и практика. 2014. № 4 (61). С. 32.

⁸ Лосев А. Ф. Жизненный и творческий путь Платона // Платон. Собр. соч. : в 4 т. / под общ. ред. А. Ф. Лосева и др. М., 1994. Т. 1. С. 44–45. (Серия «Философское наследие»).

⁹ Буринский Е. Ф. Судебная экспертиза документов. СПб., 1903. С. 132.

¹⁰ См.: Зажицкий В. И. Заключение и показания специалиста в системе доказательственного права // Российская юстиция. 2007. № 9.

¹¹ См.: Попова Е. А., Громов Н. А. Показания эксперта как источник доказательств // Следователь. 2003. № 8. С. 29.

¹² См.: Панько Н. А. О предмете допроса в суде // Научный журнал КубГАУ. 2017. № 134 (10). С. 1–13.

¹³ См.: Там же. С. 6.

¹⁴ См.: Осодоева Н. В. Производство допроса эксперта и специалиста в судебном заседании // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 9-6. С. 95.

¹⁵ См.: Панько Н. А. Разъяснения эксперта как вид специального исследования в уголовном судопроизводстве // Russian Journal of Legal Studies. 2016. № 1 (5). С. 24.

¹⁶ См.: Моисеев А. М., Жигулин А. М. Дистанционный допрос специалиста (эксперта) в международных судебных инстанциях // Уголовное производство : процессуальная теория и криминалистическая практика : материалы IV Между-

народной научно-практической конференции, 28–29 апреля 2016 г., г. Симферополь-Алушта / отв. ред. М. А. Михайлов, Т. В. Омельченко ; Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского. Симферополь, 2016. С. 56.

¹⁷ См.: Орлов Ю. К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2005. С. 153.

¹⁸ См.: Осодоева Н. В. Указ. соч. С. 96.

Воронежский институт МВД России

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia

Савицкая И. Г., кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса

Savitskaya I. G., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Criminal Trial Department

E-mail: arisha_s@list.ru

E-mail: arisha_s@list.ru

Тел.: 8 (473) 200-53-47; 8-951-568-98-22

Tel.: 8 (473) 200-53-47; 8-951-568-98-22

В. И. Саньков

Следственный комитет Российской Федерации

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УСТАНОВЛЕНИЯ И ВОЗМЕЩЕНИЯ УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ

А н н о т а ц и я: рассматриваются некоторые актуальные вопросы установления и реального возмещения ущерба, причиненного преступлениями отдельных категорий, прежде всего, экономической направленности, с учетом современных изменений законодательства и разъяснений высших судебных инстанций. Вносятся предложения о совершенствовании уголовного и уголовно-процессуального законов, развития частных криминалистических методик для повышения эффективности деятельности следственных органов на данном направлении.

К л ю ч е в ы е с л о в а: возмещение ущерба, причиненного преступлением, арест на имущество, криминалистические методики, алгоритмы.

ACTUAL QUESTIONS OF ESTABLISHMENT AND COMPENSATION OF DAMAGE, CAUSED BY CRIMES

Abstract: the article deals with some topical issues of establishing and real compensation for damage caused by crimes of certain categories, primarily economic orientation, taking into account modern changes in legislation and explanations of the higher courts. Proposals are made to improve the criminal and criminal procedure laws, the development of private forensic techniques to improve the efficiency of the investigative authorities in this area.

Key words: compensation for damage caused by a crime, seizure of property, forensic techniques, algorithms.

Поступила в редакцию 21 июня 2020 г.

В соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹ (далее – УПК РФ) при производстве по уголовному делу подлежат доказыванию характер и размер вреда, причиненного преступлением. Данное направление деятельности следственных органов, в том числе Следственного комитета Российской Федерации (далее – СК России), является чрезвычайно важным для защиты прав и за-

конных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, что является назначением уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ).

По уголовным делам и материалам проверки сообщений о преступлении, находившимся в производстве следователей СК России, только в 2018 г. государству и потерпевшим гражданам возмещено более 73 миллиардов рублей. Всего за период функционирования СК России с 2011 г. эта сумма составила почти 300 миллиардов рублей. При этом

© Саньков В. И., 2020

глава ведомства А. И. Бастрыкин обращает внимание на то, что «вопросы совершенствования работы по возмещению ущерба, в первую очередь от коррупционных преступлений, находятся на стыке интересов различных государственных структур, решать их следует совместными усилиями. Это касается в первую очередь создания единых федеральных и региональных информационных баз данных о недвижимом имуществе, счетах и вкладах, открытых в кредитных организациях»².

На основе изучения научно-методической литературы, проблем, возникающих в следственной практике при установлении и возмещении ущерба, причиненного преступлениями отдельных категорий (о невыплате заработной платы и иных обязательных платежей, коррупционной и экономической направленности), полагаем целесообразным остановиться на некоторых актуальных вопросах и высказать предложения о повышении эффективности работы на данном направлении.

Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 533-ФЗ «О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» примечание к ст. 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации³ (далее – УК РФ) изложено в новой редакции: лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное частями первой или второй настоящей статьи, освобождается от уголовной ответственности, если в течение двух месяцев со дня возбуждения уголовного дела в полном объеме погасило задолженность по выплате заработной платы, пенсии, стипендии, пособия и иной установленной законом выплате, а также уплатило проценты (выплатило денежную компенса-

цию) в порядке, определяемом законодательством Российской Федерации, и если в его действиях не содержится иного состава преступления.

Отмечая в целом позитивную роль данной нормы, полагаем, вместе с тем, нецелесообразным установление конкретного срока, в течение которого возможно погашение задолженности. Достаточно ограниченный срок, указанный в примечании, – два месяца с даты возбуждения уголовного дела – не будет способствовать заинтересованности руководителей, допустивших невыплату заработной платы и иных обязательных выплат, в погашении задолженности в период свыше этого срока, тем более что обстоятельства преступления и виновные лица могут быть установлены в течение срока, превышающего двухмесячный.

В 2017–2018 гг. УК РФ пополнился рядом новых составов преступлений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, отнесенных к подследственности следователей СК России, обязательным признаком которых является причинение ущерба или существенного вреда, тяжких последствий:

– ст. 201.1. Злоупотребление полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа (если деяние причинило крупный или особо крупный ущерб);

– ст. 200.6. Заведомо ложное экспертное заключение в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (если это повлекло причинение крупного ущерба);

– ст. 201.1. Злоупотребление полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа (если это деяние повлекло причинение существенно-го вреда охраняемым законом интересам

общества или государства при выполнении государственного оборонного заказа или тяжкие последствия);

– ст. 285.4. Злоупотребление должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа (если это деяние повлекло существенное нарушение охраняемых законом интересов общества или государства при выполнении государственного оборонного заказа или тяжкие последствия).

Ввиду непродолжительного периода действия данных норм, отсутствия сложившейся следственной и судебной практики, представляются необходимыми мониторинг практики расследования и судебного рассмотрения уголовных дел об указанных преступлениях, в том числе в части возмещения причиненного ущерба; выявление возможных проблем правоприменения; разработка частных криминалистических методик их расследования, включая алгоритмы, программы действий следователя в типовых ситуациях.

Общие положения методики расследования иных преступлений экономической и коррупционной направленности, связанных с причинением ущерба, достаточно подробно рассмотрены в юридической литературе. Разработке таких методик уделяется внимание и сотрудниками СК России, в том числе Главного управления криминалистики⁴.

Вместе с тем, представляется целесообразным дальнейшее развитие частных криминалистических методик расследования различных видов преступлений с целью разработки алгоритмов (программ) действий следователя в типовых следственных ситуациях, в том числе по вопросам установления и возмещения причиненного ущерба, а также бланков запросов в различные государственные органы, примерных образцов процессуальных документов.

Вопросам алгоритмизации и программирования процесса расследования уделено важное внимание в работах ряда ученых: Р. С. Белкина, М. Б. Вандера, Г. А. Густова, Г. А. Зорина, Н. А. Селиванова, Н. С. Полевого, Е. П. Ищенко, А. С. Шаталова и др.

По мнению А. С. Шаталова, криминалистическую методику необходимо дополнить учением о криминалистической алгоритмизации и программировании расследования преступлений. Соответственно, новым структурным элементом частной криминалистической методики «будут являться криминалистические алгоритмы и программы расследования преступлений определенного вида (группы), адресованные наукой, прежде всего, следователям и дознавателям, для того, чтобы они могли эффективно управлять складывающимися следственными ситуациями»⁵.

Подобные алгоритмы действий следователя при решении им типовых задач обычно излагаются в методических рекомендациях и пособиях. В частности, в методических рекомендациях Главного управления криминалистики СК России, посвященных особенностям расследования преступлений в финансово-бюджетной сфере, содержится раздел о порядке производства следственных и процессуальных действий с целью установления и возврата имущества, полученного в результате преступной деятельности, а также обеспечения возможности конфискации преступных доходов⁶.

Определенный алгоритм взаимодействия правоохранительных органов в части контроля за фактическим возмещением ущерба, причиненного преступлениями, предусмотренными ст. 198–199.2 УК РФ, установлен в Инструкции по организации контроля за фактическим возмещением ущерба, причиненного нало-

говыми преступлениями, утвержденной совместным приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации, ФНС России, МВД России, СК России⁷.

Поскольку правовой основой криминалистической методики расследования, в том числе в части установления и возмещения причиненного преступлением ущерба, являются положения законодательства, прежде всего, УПК РФ, представляется необходимым совершенствование регламентации института гражданского иска в уголовном деле, в части конкретизации действий и более четкой регламентации в УПК РФ полномочий следователя (дознателя) при принятии решений относительно гражданского иска в уголовном деле⁸. В этом отношении представляет интерес опыт государств, образовавшихся на территории бывшего СССР, в частности, Республики Казахстан, уголовно-процессуальный кодекс которой содержит специальную главу 20 «Гражданский иск в уголовном процессе»⁹.

Важное значение в обеспечении законности и эффективности деятельности следователя в части установления и возмещения причиненного преступлением ущерба имеет надлежаще организованный ведомственный контроль. Полагаем целесообразным высказать следующие предложения в части разработки дополнительных механизмов ведомственного контроля за действиями и решениями следователей по возмещению ущерба, обеспечению сохранности изъятого имущества и его оценки, правильности обращения взыскания на финансовые активы.

При осуществлении ведомственного контроля за расследованием уголовных дел о преступлениях, повлекших причинение имущественного вреда, руководитель следственного органа должен обращать внимание на выполнение

следователем требований ст. 160.1 УПК РФ (Меры по обеспечению гражданского иска, конфискации имущества и иных имущественных взысканий), редакция которой была существенно обновлена Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 530-ФЗ¹⁰.

Чтобы процессуальный контроль носил упреждающий характер, руководителю следует уже в начальный период расследования уголовного дела активно использовать полномочия по даче письменных указаний следователю о своевременном производстве необходимых следственных и иных процессуальных действий.

По завершении расследования, в соответствии с положениями п. 1.24 Приказа СК России от 9 января 2017 г. № 2 «Об организации процессуального контроля в Следственном комитете Российской Федерации»¹¹, не позднее чем за 5 суток до направления следователем участникам уголовного судопроизводства уведомления в соответствии с ч. 2 ст. 215 УПК РФ руководитель следственного органа обязан организовывать изучение материалов уголовного дела и при необходимости давать конкретные указания о производстве отдельных следственных действий. После составления следователем обвинительного заключения не позднее 24 часов с момента его подписания обеспечивать изучение уголовного дела для проверки полноты выполнения ранее данных указаний, отсутствия препятствий к рассмотрению дела судом.

С учетом указанных требований результаты изучения материалов уголовного дела отражаются в справке, содержащей основные сведения о движении уголовного дела, соблюдении требований уголовного и уголовно-процессуального законодательства и т. д. Рекомендуемые формы таких справок преду-

смаатривают соответствующие пункты. Например, разработанный в академии СК России (в настоящее время – Московская академия СК России) алгоритм проверки уголовного дела руководителем следственного отдела содержит п. 37: «Приняты ли все необходимые меры, направленные на возмещение материального ущерба, причиненного преступлением (наложен возможный арест на имущество обвиняемого, в том числе вещественные доказательства, направлены соответствующие запросы)?»¹². Аналогичный пункт имеется в справке об изучении уголовного дела, содержащейся в учебно-методическом пособии, разработанном в академии СК России¹³.

Полагаем, что повышению эффективности данного метода ведомственного контроля будет способствовать конкретизация сведений, отражаемых в справках об изучении уголовного дела, их актуализация в соответствии с изменениями законодательства, разъяснениями высших судебных инстанций. Так, руководителю следственного органа, не ограничиваясь общими оценками о принятии соответствующих мер, следует выяснить, какие именно меры приняты (проведены обыски с изъятием имущества, ценностей, сделаны запросы в соответствующие государственные органы, кредитные учреждения; какова стоимость изъятых имущества, денежных средств; наложен ли арест на имущество в порядке ст. 115 УПК РФ, на какое именно и какова его стоимость; предъявлен ли гражданский иск в уголовном деле, кем, на какую сумму; возмещен ли ущерб добровольно в ходе следствия, если да, то в каком размере).

По нашему мнению, такие же конкретные сведения о принятых мерах по обеспечению исполнения наказания в виде штрафа, обеспечению гражданского иска и возможной конфискации имуще-

ства следует отражать и в справке, прилагаемой к обвинительному заключению в соответствии с ч. 5 ст. 220 УПК РФ.

Особое внимание следует обратить на соблюдение положений ст. 160.1 УПК РФ о том, чтобы стоимость имущества подозреваемого, обвиняемого или лиц, которые в соответствии с законодательством Российской Федерации несут ответственность за причиненный вред, обеспечивала возмещение причиненного имущественного вреда, взыскание штрафа, другие имущественные взыскания.

В соответствии с п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (ст. 165 УПК РФ)», в случае заявления ходатайства о наложении ареста на имущество для обеспечения исполнения приговора в части исполнения наказания в виде штрафа или для обеспечения гражданского иска судам следует учитывать, что стоимость имущества, на которое налагается арест, не должна превышать максимального размера штрафа, установленного санкцией статьи Особенной части УК РФ, либо должна быть соразмерна причиненному преступлением ущербу. Соответственно, в ходатайствах следователей и решениях судов о наложении ареста на имущество должна быть указана стоимость имущества, подлежащего аресту. Несоблюдение этого требования влечет отказ судов в удовлетворении ходатайств органов следствия или отмену судебных решений¹⁴.

Рамки настоящей статьи не позволяют остановиться и на иных, не менее актуальных вопросах, касающихся установления и возмещения ущерба, причиненного преступлением. К ним, например, относятся вопросы объективной и

независимой оценки имущества, на которое налагается арест; использования следственными органами баз данных государственных органов, получения соответствующей информации в электрон-

ном виде; проблемы установления и возмещения ущерба от преступлений с использованием криптовалюты и другие, которые, несомненно, требуют своего дальнейшего обсуждения и разрешения.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с последующими изменениями) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

² Интервью Председателя Следственного комитета Российской Федерации Александра Бастрыкина «Российской газете» 25.07.2019. URL: sledcom.ru/press/interview/item/1376150/ (дата обращения: 29.11.2019).

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с последующими изменениями) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁴ См., напр.: Тактика следственных действий, направленных на установление и возвращение имущества, полученного в результате преступной деятельности, в том числе в финансово-бюджетной сфере, а также обеспечение возможности конфискации доходов и имущества, полученных преступным путем : методические рекомендации. М., 2013 ; Взаимодействие правоохранительных и иных государственных органов при организации деятельности по возмещению ущерба, причиненного в результате преступных посягательств : методические рекомендации. М., 2017.

⁵ Шаталов А. С. Алгоритмизация и программирование расследования преступлений в системе криминалистической методики // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 2. С. 160.

⁶ См.: Тактика следственных действий, направленных на установление и возвращение имущества...

⁷ См.: Об утверждении Инструкции по организации контроля за фактическим возмещением ущерба, причиненного налоговыми преступлениями : приказ Генпрокуратуры России № 286, ФНС России ММВ-7-2/232@, МВД России, СК России от 8 июня 2015 г. (документ опубликован не был).

⁸ Подробнее об этом см.: Саньков В. И., Санькова Е. В. Процессуальные и криминалистические аспекты возмещения вреда в уголовном судопроизводстве // Возмещение вреда потерпевшему в уголовном судопроизводстве : организационные, правовые и криминалистические проблемы : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. М., 2016. Ч. 2. С. 194–199.

⁹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575852#pos=105;-109 (дата обращения: 29.11.2019).

¹⁰ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 27 декабря 2018 г. № 530-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 53 (ч. 1). Ст. 8456.

¹¹ Об организации процессуального контроля в Следственном комитете Российской Федерации : приказ Следственного Комитета Российской Федерации от 9 января 2017 г. № 2. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

¹² Алгоритм проверки уголовного дела руководителем следственного отдела. М., 2015.

¹³ См.: Багмет А. М., Османова Н. В. Направление уголовного дела с обвинительным заключением прокурору : процессуальный контроль в органах Следственного комитета Российской Федерации. М., 2015.

¹⁴ См., напр.: Обзор судебной практики рассмотрения судами Воронежской области отдельных ходатайств органов следствия и дознания на досудебной стадии уголовного судопроизводства, 2017. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

*Следственный комитет
Российской Федерации*

Саньков В. И., кандидат юридических наук,
старший инспектор отдела исследования
проблем методик расследования преступлений
управления научно-исследовательской
деятельности (научно-исследовательского
института криминалистики)
Главного управления криминалистики
(Криминалистического центра),
полковник юстиции

E-mail: sankov_icr@mail.ru
Тел.: 8-968-016-20-74

*Investigative Committee
of the Russian Federation*

San'kov V. I., Candidate of Legal Sciences,
Senior Inspector of the Department
of Investigation of Problems
of Methods of Investigation
of Crimes of the Department of Scientific Research
(Research Institute of Criminalistics)
of the Main Department
of Criminalistics (Forensic Center),
Colonel of Justice

E-mail: sankov_icr@mail.ru
Tel.: 8-968-016-20-74

А. В. Хмелева

*Следственный комитет Российской Федерации***ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОШЛЫХ ЛЕТ:
ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ В СИСТЕМЕ СЛЕДСТВЕННОГО
КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

А н н о т а ц и я: *рассматриваются вопросы организации работы по преступлениям прошлых лет в Следственном комитете Российской Федерации, деятельности постоянно действующих аналитических групп, взаимодействия следственных и других правоохранительных органов. Приводятся примеры успешной работы по этому направлению деятельности следственных органов.*

К л ю ч е в ы е с л о в а: *преступления прошлых лет, аналитическая группа, следственные действия, оперативные мероприятия.*

**CRIMES OF PAST YEARS: ORGANIZATION
OF WORK IN THE INVESTIGATION COMMITTEE SYSTEM
RUSSIAN FEDERATION**

A b s t r a c t: *the article discusses the organization of work on crimes of past years in the Investigative Committee of the Russian Federation, the activities of permanent analytical groups, the interaction of investigative and other law enforcement agencies. Examples of successful work in this area of activity of the investigating authorities are given.*

Key words: *crimes of past years, analytical group, investigative actions, operational measures.*

Поступила в редакцию 4 июня 2020 г.

Одним из основных условий успеха в борьбе с преступностью является установление лица (или лиц), его совершившего. Не вызывает сомнения истинность положения о том, что не тяжесть наказания, а его неотвратимость в большей степени способствует предупреждению преступности, является реализацией принципа справедливости в сфере государственной и общественной жизни, действенным способом защиты прав и законных интересов человека. Однако, как свидетельствует практика, правоохранительные органы раскрывают далеко не каждое преступление из выявленных.

© Хмелева А. В., 2020

Организация работы по преступлениям, остающимся нераскрытыми (преступлениям прошлых лет), отражена в Приказах Председателя Следственного комитета Российской Федерации (далее – СК России) от 15 января 2011 г. № 2 «Об организации предварительного следствия в Следственном комитете Российской Федерации» и от 31 июля 2014 г. № 65 «Об организации работы по расследованию уголовных дел о преступлениях прошлых лет». Безусловно, и до создания самостоятельного следственного ведомства ежегодно расследовались и направлялись в суд с обвинительными заключениями уголовные дела о преступлениях прошлых лет (или принимались

решения об их прекращении по нереабилитирующим основаниям), но именно с созданием СК России работа по преступлениям данной категории стала одним из основных, приоритетных направлений следственной деятельности.

Только в 2018 г. следователями СК России раскрыто 5233 преступления указанной категории, из них 445 убийств, 201 преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 111 УК РФ, 281 преступление против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Причем значительное число преступных деяний составляют преступления прошлых лет, ранее не состоявшие на учете¹.

Организация работы по расследованию преступлений прошлых лет как одно из приоритетных направлений деятельности СК России возложена на подразделения криминалистической службы – управления и отделы криминалистики. Сотрудники указанных подразделений осуществляют мониторинг состояния работы по раскрытию и расследованию преступлений прошлых лет и выработку мер по ее совершенствованию, оказанию организационной, практической, консультативной помощи следователям при расследовании преступлений данной категории. За отдельными сотрудниками подразделений криминалистики (следователями-криминалистами) закреплено предметное направление деятельности – организация работы по преступлениям прошлых лет, включающее анализ практики, ведение статистики, выявление перспективных в плане раскрытия уголовных дел, оказание практической помощи при расследовании, контрольные функции по ходу расследования.

В следственных подразделениях СК России на практике применялись различные организационные формы работы по делам прошлых лет. Это распределение

приостановленных производством уголовных дел между всеми следователями следственного подразделения; поручение работы по приостановленным делам одному из следователей следственного подразделения с сохранением за ним полного объема текущей работы; выделение следователя для работы по приостановленным уголовным делам с освобождением от расследования иных уголовных дел. Было высказано мнение, что наиболее эффективно создание специализированных следственно-оперативных групп по работе с приостановленными производством уголовными делами о нераскрытых преступлениях как текущего года, так и прошлых лет².

В 2019 г. в Главном следственном управлении СК России создан специализированный отдел по расследованию преступлений прошлых лет. Прорабатывается и (в ряде следственных управлений уже реализован) вопрос о создании таких отделов в территориальных органах Следственного комитета.

В соответствии с приказом Председателя СК России от 31 июля 2014 г. № 65 «Об организации работы по расследованию уголовных дел о преступлениях прошлых лет» в центральном аппарате Следственного комитета, главных следственных управлений и следственных управлений Следственного комитета по субъектам Российской Федерации и приравненных к ним специализированных (в том числе военных) следственных управлений и следственных отделов Следственного комитета предписывается создание на постоянной основе аналитических групп по раскрытию преступлений прошлых лет.

В состав аналитических групп входят руководители отдела криминалистики, следователи-криминалисты, руководители отделов по расследованию особо

важных дел, представители управлений УР ГУВД (УВД), ЭКЦ субъектов РФ, других судебно-экспертных учреждений, сотрудники УФСИН, ветераны следствия. Такой состав позволяет оперативно и предметно обсуждать полноту и качество расследования уголовных дел, результаты оперативно-розыскной деятельности, перспективы раскрытия преступлений. Для повышения эффективности работы в ряде регионов проведено разделение указанной группы на областную (краевую) и территориальные (в районах, где наблюдается наиболее напряженная оперативная обстановка). Обычно на аналитическую группу возлагаются обязанности по организации планомерного изучения уголовных дел о преступлениях прошлых лет, принятию мер к отмене ранее принятых незаконных и необоснованных процессуальных решений, осуществление контроля за ходом и результатами расследования по данным уголовным делам, обеспечение по каждому такому уголовному делу проведения всех необходимых следственных действий, проведение оперативных совещаний по рассмотрению результатов работы по уголовным делам данной категории, вынесению наиболее актуальных вопросов на рассмотрение коллегии следственного управления и др.

Можно привести примеры успешной деятельности аналитических групп, созданных в территориальных следственных управлениях.

Так, аналитической группой следственного управления по Тюменской области совместно с сотрудниками ГУК СК России изучено уголовное дело, возбужденное в 1988 г. по факту изнасилования несовершеннолетней Д. и изнасилования Ш.

По уголовному делу было рекомендовано истребовать информацию о результатах проведенных оперативно-розыскных

мероприятий в отношении проверяемых лиц, дополнительно допросить потерпевших по обстоятельствам уголовного дела, выяснив по возможности детали действия лиц, совершивших преступление, и ряд других следственных и процессуальных действий. По эпизоду в отношении Ш. было рекомендовано дополнительно допросить потерпевшую и свидетеля К., уточнив по возможности приметы преступников и конкретизировав их действия. В результате комплекса проведенных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий в совершении указанных преступлений преступник был изобличен.

В зависимости от конкретного региона, присущих ему особенностей (территориальное расположение, состояние оперативной обстановки, кадровое обеспечение и т. п.) количественный и персональный состав аналитической группы, организация ее деятельности, включая формы взаимодействия, используемые средства и методы, а также формы контроля деятельности данной группы, могут быть индивидуальными. Эти особенности, как правило, учитываются в локальных нормативных актах.

Так, в настоящее время в подавляющем большинстве территориальных следственных органов приняты совместные приказы следственных управлений Следственного комитета, УМВД России, УФСИН России о создании межведомственных аналитических групп по раскрытию преступлений прошлых лет, в которых определены вопросы организации деятельности группы, обязанности и полномочия ее членов. При этом полномочия могут быть установлены персонально для каждого члена группы, сотрудников (работников) конкретного структурного подразделения правоохранительного органа (отдела криминали-

стики, подразделения уголовного розыска и т. п.).

Главное управление криминалистики СК России выступает координатором деятельности аналитических групп; закрепленные за этим направлением сотрудники оказывают практическую помощь следственным органам в организации раскрытия преступлений прошлых лет. Сведения о результатах работы следственных органов Следственного комитета по раскрытию и расследованию преступлений прошлых лет изучаются и обобщаются на регулярной основе, что позволяет выявить положительный опыт работы подразделений и распространить его во всех следственных органах системы Следственного комитета.

К основным задачам аналитических групп относятся:

1) планомерное и постоянное изучение уголовных дел о нераскрытых преступлениях прошлых лет, а также проверка фактического наличия приобщенных к ним вещественных доказательств;

2) определение полноты проведенного расследования и возможности получения новых доказательств с применением современных технико-криминалистических средств, производства различных видов судебных экспертиз, использования федеральных и региональных учетов информационных и экспертно-криминалистических подразделений МВД России и иных федеральных органов исполнительной власти;

3) использование данных автоматизированного централизованного учета нераскрытых убийств, других тяжких и особо тяжких преступлений против личности, данных систем дактилоскопического и геномного учетов, ведущихся в Главном управлении криминалистики Следственного комитета;

4) оценка полноты оперативно-розыскных мероприятий, обеспечение не-

замедлительного направления поручений в органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность;

5) принятие мер по возобновлению предварительного следствия, а при необходимости к отмене незаконных и необоснованных процессуальных решений по уголовному делу;

6) осуществление надлежащего контроля за выполнением всех запланированных мероприятий.

Данные направления работы закрепляются в межведомственных приказах, иных документах, протоколах совещания аналитических групп.

К обязательным направлениям деятельности аналитических групп отнесена так называемая ревизия уголовных дел, производство расследования по которым приостановлено, включая инвентаризацию вещественных доказательств. Это не только проверка наличия изъятых предметов, признанных в качестве вещественных доказательств по уголовному делу, но и изучение объема и результатов исследования вещественных доказательств судебными экспертами и специалистами, полноты проверки их по криминалистическим и оперативно-справочным учетам.

При изучении материалов уголовных дел о преступлениях прошлых лет рекомендуется обращать внимание на следующие сведения:

1) наличие следов пальцев рук, пригодных для идентификации, полнота проведенных исследований, а также результаты проверки по соответствующим информационным ресурсам, в том числе по централизованной интегрированной автоматизированной дактилоскопической информационной системе МВД России (ЦИАДИС-МВД); дактилоскопическому учету Следственного комитета, который ведется специалистами Главного управления криминалистики;

2) наличие биологических следов, полнота молекулярно-генетического исследования, в том числе с применением современных экспертных возможностей (количество локусов), а также результаты проверки по федеральной базе данных геномной информации – федеральной автоматизированной информационной системе по обработке геномной информации, оператором которой является федеральное государственное казенное учреждение «Экспертно-криминалистический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации»; аналогичная база имеется также в Главном управлении криминалистики СК России;

3) наличие очевидцев (свидетелей) преступления, возможность получения дополнительной информации путем использования современных и традиционных криминалистических методик (гипнорепродукционный опрос, использование психофизиологического исследования, проведение оперативно-розыскных мероприятий). Если свидетели, потерпевшие или заподозренные по делу лица выехали из района расследования, то выясняется причина выезда, так как это может быть связано с боязнью мести со стороны преступников, нежеланием давать показания; стремлением скрыть следы преступления и др.;

4) возможность расширения свидетельской базы (дополнительный поквартирный (подворный) обход, установление дополнительного круга общения потерпевшего и т. д.);

5) полнота и результаты проверки на причастность к преступлению ранее установленных лиц, которые подозревались на первоначальном этапе расследования, но в последующем проверка их причастности приостановлена или прекращена;

6) установление лиц, причастность которых не проверялась на первоначаль-

ном этапе расследования, несмотря на наличие таких оснований и пр.

Перед совещанием аналитической группы по результатам изучения уголовного дела готовится подробная справка о ходе и результатах следствия, дается критическая оценка проведенной работе. Аналогичную справку по результатам изучения оперативно-поискового дела готовит подразделение уголовного розыска, в том числе сотрудники, входящие в состав аналитической группы.

Целесообразно каждому из членов аналитической группы первоначально изучать материалы дела самостоятельно. При этом перед каждым может быть поставлена специальная задача – например, обратить внимание на все, что относится к способу совершения преступления, следам преступления, признакам преступника, которые могут быть использованы для его поиска; проработать вопрос о связях преступника, вещественных доказательствах и др. По завершении этого этапа проводится совместное обсуждение его результатов, обмен мнениями, планирование дальнейших действий.

Приведем еще примеры эффективной деятельности аналитических групп в территориальных подразделениях СК России.

Аналитической группой следственно-го управления по Волгоградской области были изучены хранящиеся в архиве приостановленные производством уголовные дела, организовано проведение дополнительных следственно-оперативных мероприятий. Принятые меры позволили установить преступника, скрывавшегося за совершение убийства более 30 лет.

Так, в декабре 1985 г. завершено расследование резонансного уголовного дела, возбужденного по фактам совершения И. в составе группы лиц разбойного нападения и убийств трех лиц. Все участники преступной группы, за исключением

скрывшегося от органов предварительного следствия И., были задержаны и осуждены к различным срокам отбывания наказания. Уголовное дело в отношении И. выделено в отдельное производство и приостановлено производством в связи с розыском преступника. В ходе дополнительного расследования и оперативно-розыскных мероприятий установлено, что И. скрывался от органов предварительного следствия под другими анкетными данными. Активизация розыска обвиняемого и взаимодействия следственных органов и органов, осуществляющих оперативную деятельность, принесла положительный результат: последний задержан в г. Можга Удмуртской Республики.

Еще пример.

В апреле 2019 г. в Астрахани раскрыто убийство пенсионерки, совершенное 15 лет назад. В 2004 г. в одном из домов по улице Б. Хмельницкого обнаружен труп престарелой хозяйки квартиры, привязанный бельевой веревкой к креслу. Смерть женщины наступила в результате удушения. В дальнейшем предварительное следствие по уголовному делу было приостановлено в связи неустановлением лица, причастного к убийству пенсионерки.

В марте 2019 г. в следственном управлении СК России по Астраханской области проведено заседание межведомственной постоянно действующей аналитической группы по вопросам раскрытия преступлений прошлых лет. На совещании обсуждены ход и результаты расследования 10 уголовных дел о совершении тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных в прошлые годы, среди которых – убийство пенсионерки в 2004 г.

По итогам работы межведомственного оперативного совещания руководителем следственного управления даны указания по возобновлению производства

по уголовному делу, выполнению конкретных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, направленных на установление местонахождения подозреваемого в совершении данного преступления. В результате тесного взаимодействия сотрудников следственного управления с коллегами из УМВД 37-летний подозреваемый задержан на территории г. Санкт-Петербурга.

Следует отметить большую нагрузку по организации работы по расследованию преступлений прошлых лет, которая легла на руководителей следственных подразделений Республики Крым и г. Севастополя в связи с вхождением в 2014 г. этих субъектов в состав Российской Федерации. В «наследство» от украинских коллег досталось множество нераскрытых тяжких преступлений, и каждый год после того, как полуостров стал частью России, удается раскрывать по два-три десятка убийств и изнасилований, производство по которым было приостановлено в связи неустановлением лица, их совершившего. Следователи-криминалисты, следователи указанных следственных органов в рамках работы по преступлениям прошлых лет вернулись к этим уголовным делам, профессионально выявили недостатки предыдущей работы, возобновили предварительное следствие, выработали направления дальнейшей следственной и оперативно-розыскной деятельности, в результате многоплановой работы преступления были раскрыты.

Одним из наиболее громких дел стало раскрытие убийств, совершенных «севастопольским маньяком», которому 15 декабря 2017 г. вынесен обвинительный приговор. За совершение с 2009 по 2015 г. 4 убийств женщин, изнасилований, преступлений корыстной направленности 35-летний Б. приговорен к пожизненному лишению свободы. Как показало след-

ствие, уже после первого убийства серия жестоких убийств могла быть прекращена: Б. задерживался, его кровь попала на одежду жертвы. Однако генотипоскопическая экспертиза по следам крови следователем не назначалась, из-за отсутствия доказательств Б. был отпущен. Чувствуя свою безнаказанность на протяжении нескольких лет, преступник совершал особо тяжкие преступления, жертвами его стали 4 молодые женщины и девушки³.

Таким образом, стабильные результаты работы по раскрытию и расследованию преступлений прошлых лет до-

стигаются благодаря комплексному и системному подходу к решению этой задачи. Это организация работы аналитических групп, направленная на получение дополнительных доказательств по уголовным делам, использование всевозможных криминалистических учетов, организация совместно с органами дознания мероприятий, направленных на установление местонахождения лиц, скрывшихся от органов следствия, проверка причастности лиц, привлекаемых к уголовной ответственности по текущим делам, к совершению преступлений прошлых лет.

¹ См.: Материалы к расширенному заседанию коллегии СК России «Об итогах работы следственных органов Следственного комитета Российской Федерации за 2018 год и задачах на 2019 год».

² См.: Нечаев А. А. К вопросу об организации раскрытия и расследования преступлений прошлых лет // Раскрытие и расследование преступлений серийных и прошлых лет : материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 16 марта 2017 г.). М., 2017. С. 321.

³ См.: Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: <http://sledcom.ru/item/1109614> (дата обращения: 23.09.2019).

Следственный комитет Российской Федерации

Хмелева А. В., кандидат юридических наук, полковник юстиции, заместитель руководителя управления научно-исследовательской деятельности (НИИ криминалистики)

E-mail: Khmeleva.alla@mail.ru

Investigative Committee of the Russian Federation

Khmeleva A. V., Candidate of Legal Sciences, Colonel of Justice, Deputy Head of the Department of Research Activities (Research Institute of Forensics)

E-mail: Khmeleva.alla@mail.ru

УДК 343.98

М. О. Баев

Воронежский государственный университет

ПРОБЛЕМЫ РИСКА В ЗАЩИТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация: *раскрывается понятие риска в уголовном процессе, с которым сталкивается защитник при осуществлении возложенных на него функций. Автором приводятся виды риска в защитной деятельности адвоката при производстве по уголовному делу.*

Ключевые слова: *защитник, риск, функции защиты.*

PROBLEMS OF RISK IN PROTECTIVE ACTIVITIES IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract: *in the article the author reveals the concept of risk in criminal proceedings, which the defense-lawyer faces in the exercise of his functions. The author presents the types of risk in the defense activity of a lawyer in criminal proceedings.*

Key words: *defender, risk, protection functions.*

Поступила в редакцию 19 июня 2020 г.

Любая деятельность является рискованной. Объем и вид риска зависят от функций, обстоятельств деятельности, целей, особенностей и т. д. Деятельность защитника не является исключением. Однако в ситуации с осуществлением защиты по уголовным делам проблемы риска, с которыми защита сталкивается в рамках практики конкретных уголовных защит, следует рассмотреть с прикладной стороны.

Начиная разговор о риске, нельзя не сказать, что само решение стать членом корпорации – решение рискованное, влекущее добровольное принятие на себя дополнительных обязательств и перед собой, и перед доверителями, и перед обществом, и перед государством, и пе-

ред корпорацией. Лишь честный ответ на вопрос «зачем я иду в адвокатуру?» для себя (способ заработка, престиж, гарантии независимости и т. д.) либо ради чего-то большего позволит минимизировать риск принятия данного судьбоносного решения. Печальный опыт последних лет – имеются в виду факты привлечения адвокатов-криминалистов к уголовной ответственности – позволяет сделать неутешительный вывод о том, что в абсолютном большинстве случаев это люди случайные, со стажем в профессии от нескольких месяцев до нескольких лет, как правило, выходцы из оппонирующих структур. В этой связи невольно напрашивается неутешительный вывод: 1) ошибка в целеполагании; 2) недооценка рисков, в то время как вся адвокатура не просто под пристальным вниманием

© Баев М. О., 2020

системы правоохраны, а когда профессиональная деятельность каждого конкретного адвоката рассматривается чуть ли не через лупу!

Резюмировать обозначенный выше тезис позволим себе банальным выводом: чем осознаннее принимается данное решение, чем больше и глубже претендент разобрался и в идеологических, и в профессиональных основах деятельности и существования корпорации и конкретного адвоката внутри сословия, тем меньше риск и четче понимание специфики принятия решений при обсуждении конкретных профессиональных задач.

Ограниченный объем статьи не позволит охватить весь спектр проблем, в связи с чем остановимся лишь на наиболее актуальных и острых, по нашему мнению, и часто встречающихся.

Риск принятия решения поручения на ведение конкретной уголовной защиты:

1) потенциальный либо реальный (либо могущий быть расцененным как таковой) конфликт интересов. Как следствие:

- невозможность (в рамках требований) осуществить эффективную защиту;
- риск отвода от участия в деле;

2) идеологическая составляющая конкретного уголовного дела:

- дело Кулаева (Бесланский теракт) – адвокат Альберт Плиев после рассмотрения дела вынужден был не только оставить адвокатуру, но и покинуть республику;

- несмотря на запрет на отказ от принятой на себя защиты есть риск попадания в ситуации субъективной невозможности ее продолжения: разбой, который вылился в защиту серийного маньяка;

3) чрезмерная занятость по иным делам, не позволяющая осуществить эффективную защиту;

4) осведомленность адвоката о реальных обстоятельствах инкриминируе-

мых деяний при обозначенной в ходе заключения соглашения позиции доверителя, отрицающего их. Законодательный запрет отсутствует, более того, адвокат не субъект оценки доказательств по внутреннему убеждению, но когнитивный диссонанс при потенциальной защите очевиден.

Резюмируя данную проблему, отметим, что рискованных факторов при принятии решения о защите по конкретному делу, касающихся как самого адвоката, так и эффективности потенциальной защиты, множество, но они могут быть выявлены (определены) и учтены при принятии соответствующего решения.

Но если вы все-таки приняли решение и взялись за осуществление конкретной защиты, необходимо, на наш взгляд, учитывать следующее.

Деятельность защитника по уголовному делу должна гарантировать непривлечение к уголовной ответственности невиновного подзащитного, выявление всех оправдывающих и исключаяющих или смягчающих ответственность подзащитного обстоятельств и назначение последнему при признании его виновным справедливого наказания, независимо от деятельности лиц, осуществляющих уголовное преследование. Именно такой обеспеченный защитником исход судопроизводства позволяет считать, что защитник с честью выполнил свою процессуальную функцию, даже если не достиг оптимальной цели своего участия.

Однако «есть подзащитные, которым нельзя либо очень трудно помочь, но нет подзащитных, которым нельзя было бы не навредить», – так издавна формулировалась проблема, которую мы бы обозначили как проблему допустимого тактического риска в деятельности защитника. В литературе, да и на практике, мнения о

праве защитника на профессиональный риск варьируются в самом широком диапазоне: от безусловного признания такого права (со ссылкой на несколько циничные заповеди английских адвокатов XV в., одна из которых гласит: в любом случае «веревка всегда достается клиенту») до категорического его отрицания, основанного на этической аксиоме о недопустимости рисковать чьей-либо судьбой кроме своей собственной. На наш взгляд, обоснованное решение этой проблемы, как и всегда в подобных дискуссиях, лежит где-то посередине.

Очевидно, что с момента вступления в уголовное дело (а иногда и ранее – с момента обращения доверителя) адвокат действует в условиях информационной неопределенности, постоянно сталкивается с необходимостью принятия решений и совершения действий в ситуациях, когда планируемый результат не только не предопределен однозначно, но порой и вообще трудно предсказуем.

На наш взгляд, в такой ситуации следует обратиться к нескольким принципиальным положениям теории игр, в силу своей специфики и направленности уделяющей повышенное внимание принятию решений в условиях риска. В соответствии с ее основными постулатами условия риска имеют место, когда лицо, принимающее решение, не может быть уверено в конкретном результате его реализации, а потому должно быть готово, что осуществится худший из возможных прогнозируемых вариантов (например, привлечение к уголовной ответственности без достаточных на то доказательств либо за деяние, не содержащее в себе состава преступления). Однако совершенно очевидно, что избежать риска возможно, лишь ничего не предпринимая для достижения целей защиты даже в ситуациях, когда принятие решения и, как

следствие, совершение определенных целеполагающих действий объективно необходимо. Поэтому в современных условиях, когда законодатель предусмотрел использование всех не запрещенных уголовно-процессуальным кодексом средств и способов защиты в виде права защитника, а не в качестве его непреложной профессиональной обязанности, как было предусмотрено УПК РСФСР (и что, по нашему категорическому убеждению, в значительно большей степени соответствовало основополагающим принципам защитной деятельности), подобная «позиция» защитника была бы фактически равна отказу от защиты, абсолютно недопустимому ни в нормативном, ни в этическом плане.

В теории игр выделяются два классических случая:

1) собственно условия риска: когда возможно узнать или хотя бы оценить вероятность наступления тех или иных событий, в связи с чем можно планировать некоторую «среднюю выгоду»;

2) условия неопределенности: информация о вероятности наступления событий отсутствует или неизвестна лицу, принимающему решение; приходится строить предположения об оптимальности ходов соперника и стремиться обеспечить себе некоторую «максимальную гарантированную выгоду» (стратегия максимина).

Из этих исходных наиболее распространенными являются попытки определить риск как:

1) ситуацию (условия) принятия решения, последствия которого могут быть отрицательны по отношению к позиции защиты;

2) психологический компонент решения о выполнении действий в условиях вероятности наступления неблагоприятных последствий;

3) характеристику деятельности, подразумевающую неопределенность ее исхода и возможность неблагоприятных последствий в случае неуспеха.

Исходя из этого, по нашему мнению, определить понятие риска, возникающего при осуществлении профессиональной защиты от уголовного преследования, возможно лишь путем анализа причин и оснований его возникновения, общих условий и конкретных ситуаций его существования и путей преодоления либо оптимальной минимизации.

Первый вывод, к которому приводит вышеизложенный краткий анализ, заключается в том, что риск есть неизбежный элемент защитной деятельности. Избежать необходимости принятия рискованных решений при осуществлении профессиональной защиты невозможно. Учитывая, что профессиональная защитная деятельность (суть которой заключается в системе целенаправленных действий адвоката-защитника по сборанию, исследованию, предоставлению и использованию доказательственной информации, направленной на оправдание подзащитного или смягчение его ответственности, полноценной реализации его прав и соблюдении интересов) практически всегда осуществляется в условиях потенциального или реального, непосредственного или опосредованного противодействия со стороны лиц и организаций, противостоящих защитнику при реализации им своей профессиональной функции, можно сделать следующий вывод: риск тем выше, чем острее конфликтность интересов процессуальных противников.

Поскольку средством оптимизаций путей достижения процессуальных целей в условиях противодействия служит тактика, то именно при принятии тактически значимых решений и реализации

защитой конкретных тактических приемов ситуация риска наиболее типична и наиболее опасна, ибо может стать причиной отрицательных последствий. Однако степень риска возникновения вышеуказанных последствий не одинакова. Как деятельностный фактор она поддается оценке, а следовательно, и корректировке. Основная задача защитника заключается в том, чтобы «избрать стратегию наименьшего тактического риска, предвидеть возможные отрицательные последствия своего решения и заранее продумать меры по ликвидации или ослаблению этих последствий, минимизировать риск».

Объективно на эффективность любых прогностических действий влияют три важнейших фактора:

- 1) процессуальная оснащенность;
- 2) информационная обеспеченность;
- 3) субъективные особенности лица,

принимающего решение в условиях неочевидности его последствий (знания, опыт, интуиция, способности к прогнозированию и т. п.).

Относительно первого из названных факторов необходимо сказать, что ни Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», ни уголовно-процессуальное законодательство формально не ограничивают круг прав адвоката-защитника при осуществлении им профессиональной деятельности, ставя их в зависимость исключительно от целей деятельности и законности путей их достижения. Однако если следственная и судебная деятельность соответствующих профессиональных участников стороны обвинения либо суда достаточно строго формализована, что позволяет им в определенной степени избежать неоправданного риска, то практически полное отсутствие подобной регламентации

защитной деятельности достаточно часто ставит адвоката перед необходимостью решать достаточно рискованные задачи при выборе формы реагирования.

Особенно остро с данной проблемой защитник сталкивается в процессе реализации положений ч. 3 ст. 86 УПК РФ, посвященных собиранию им доказательств. Очевидное отсутствие реального механизма реализации указанных прав (за исключением возможности направления соответствующих запросов и получения заключений специалистов) и отсутствие механизма объективизации и самостоятельного процессуального закрепления полученных результатов позволяет в очередной раз с сожалением обозначить декларативность законодательного принципа состязательности нашего уголовного процесса и невозможность отнесения защитника к полноправным субъектам собирания доказательств. В этой связи необходимо отметить: точная, детальная и всеобъемлющая процессуальная регламентация профессиональной деятельности защитника (то, что мы условно обозначили процессуальной оснащенностью) существенно снижает степень риска.

В отношении второго фактора необходимо отметить, что недостаточная и неполная информационная обеспеченность, сомнения в достоверности информации, находящейся в распоряжении защитника, а также в объеме информации (в особенности доказательственной), которой располагает процессуальный оппонент, совершенно очевидно влияют на степень риска при принятии решения. Поэтому, по нашему мнению, первая задача защитника, принявшего поручение по уголовному делу, – путем использования всех процессуальных и непроцессуальных (но, безусловно, законных) средств собрать и оценить всю возможную до-

казательственную и иную информацию, имеющую значение для формирования правовой позиции по делу, стратегии и тактики предстоящей и осуществляемой защиты.

В этих целях возможны и целесообразны не только беседы с подзащитным и доверителем, не являющимися подзащитными, и ознакомления с материалами дела в рамках прав, предусмотренных ст. 53 УПК РФ, но и беседы с процессуальными оппонентами (следователем, оперативными работниками и др.). Причем, оценивая полученную из этих источников информацию, нельзя не учитывать и возможную недобросовестность подзащитного либо его искреннее заблуждение, и возможную неискренность, а порой, напротив, искреннее желание со стороны процессуальных оппонентов ввести защитника в заблуждение. Обязательным является и использование всего наличного, пусть и справедливо критикуемого, арсенала возможностей, предусмотренных ч. 3 ст. 86 УПК РФ. На практике иногда оказывается целесообразным (несмотря на парадоксальность) даже бесперспективное в результативном плане обжалование решений следователя (дознателя), прокурора либо руководителя следственного органа, так как при судебной проверке их законности в порядке ст. 125 УПК РФ не исключена (а порой высока) вероятность получения доступа к ранее недоступной (либо непроверенной) информации.

Чем выше информационная неопределенность при принятии решения, тем выше риск его отрицательных последствий, поэтому с самого начала защиты адвокат должен объективно проанализировать всю доступную информацию по делу, выдвинуть все возможные предположения о развитии ситуации, а в дальнейшем постоянно воспринимать ин-

формацию о текущем состоянии защиты и анализировать ее на предмет значимости для защиты.

Обращаясь к третьему – субъективному – фактору эффективности прогностических действий, отметим, что, безусловно, каждый участник уголовного судопроизводства обладает различными возможностями и способностями к прогнозированию, т. е. предвидению возможных последствий планируемых и (или) совершаемых действий (в зависимости от личных способностей, знаний, опыта и т. д.), поэтому, принимая решение в условиях риска, защитник должен исходить из реальной самооценки, «оценки его собственных возможностей и определения оптимальных путей использования своих резервов». Вот почему одной из основных задач каждого адвоката является постоянное и разностороннее повышение своего профессионального уровня. Чем выше прогностические способности защитника, тем меньше риск принятия решения либо совершения действия, влекущего отрицательные для позиции защиты последствия. Чем реальнее оценка собственных прогностических возможностей, тем меньше риск принятия такого решения.

К факторам, влекущим необходимость принятия рискованного решения, отнесем следующие.

«Штатный цейтнот» – регулярная необходимость принятия решения в режиме ограниченного времени. Это могут быть процессуальные сроки, связанные с обжалованием тех или иных решений следователя, прокурора, суда; процессуальные сроки, с которыми законодатель связывает явку для участия в процессуальных или следственных действиях; моменты заявления определенных ходатайств – о вызове и допросе свидетелей,

подтверждающих алиби, заявление отводов и др., – поскольку их своевременное незаявление лишает возможности совершить данные действия в дальнейшем. Порой дефицит времени не позволяет восполнить информационную неопределенность и в достаточной мере оценить и проанализировать имеющуюся информацию на предмет ее объективности и полноты, что также влияет на степень риска.

Отметим также достаточно жесткую связанность действий защитника позицией подзащитного. Несмотря на свою процессуальную самостоятельность, в том числе в выборе тактики защиты, адвокат объективно связан позицией и волеизъявлением подзащитного, в том числе и в вопросах принятия решений и совершения действий, сопряженных с потенциальным риском наступления неблагоприятных последствий.

Подзащитный может настаивать на проведении определенных следственных и процессуальных действий, о чем может самостоятельно заявлять соответствующие ходатайства и настаивать на участии в них защитника, истребовании и приобщении каких-либо материалов и т. д. И каким бы рискованным ни казался защитнику предлагаемый шаг, в случае, если ему не удастся разубедить своего подзащитного в нецелесообразности его совершения, и последний, несмотря ни на что, будет настаивать на своем, защитник, по нашему мнению, обязан, несмотря на риск, совершить либо принять участие в соответствующем действии. В этой ситуации его основной задачей будет минимизация возможных неблагоприятных последствий.

Анализ факторов риска, возникающих при принятии решений и совершении действий в рамках осуществления профессиональной защиты по уголов-

ным делам, не претендует на абсолютный характер, но, как нам представляется, является достаточным, чтобы предложить следующее определение.

Риск, возникающий при осуществлении профессиональной защиты от уголовного преследования, есть неизбежный (закономерный), поддающийся прогнозированию, количественной и качественной оценке системообразующий фактор, характеризующий как защитную деятельность в целом, так и ситуативную деятельность защитника по принятию

решений и совершению действий в условиях неопределенности и потенциальной возможности наступления негативных для защиты последствий, наличие и степень которого находится в зависимости от конкретной защитной ситуации (в том числе от отношения к ней подзащитного), уровня конфликтности интересов процессуальных противников, информационной обеспеченности, процессуальной оснащенности и субъективных прогностических особенностей принимающего решения лица.

Воронежский государственный университет

Баев М. О., доктор юридических наук,
профессор, заведующий кафедрой
криминалистики

E-mail: baev_co@mail.ru

Voronezh State University

Baev M. O., Doctor of Legal Sciences,
Professor, Head of the Criminalistics
Department

E-mail: baev_co@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗНАНИЙ В ОБЛАСТИ ПСИХИАТРИИ В РОЗЫСКЕ БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ПРОФИЛАКТИКЕ ФАКТОРОВ ИХ БЕЗВЕСТНОГО ИСЧЕЗНОВЕНИЯ

А н н о т а ц и я: освещены психиатрические аспекты розыска без вести пропавших несовершеннолетних. Подробно рассмотрены история развития учения об уходе из дома и бродяжничестве детей и подростков, отдельные варианты и механизмы развития этого феномена. Предлагаются конкретные рекомендации, учитывающие возможные психиатрические причины безвестного исчезновения несовершеннолетних.

К л ю ч е в ы е с л о в а: криминалистика, оперативно-розыскная деятельность, психиатрия и право, розыск без вести пропавших, несовершеннолетние.

USE OF KNOWLEDGE IN THE FIELD OF PSYCHIATRY IN THE SEARCH FOR MISSING MINORS AND PREVENTION OF FACTORS OF THEIR UNKNOWN DISAPPEARANCE

A b s t r a c t: the article highlights the psychiatric aspects of the search for missing minors. The history of the development of the doctrine of leaving home and vagrancy of children and adolescents, individual options and mechanisms of development of this phenomenon are considered in detail. Specific recommendations are proposed that take into account possible psychiatric reasons for the unknown disappearance of minors.

Key words: criminalistics, operational search activity, psychiatry and law, search for missing persons, minors.

Поступила в редакцию 5 июня 2020 г.

Проблема совершенствования розыска без вести пропавших лиц является одной из актуальных проблем современной оперативно-розыскной деятельности и криминалистики. По данным поисково-спасательного отряда «Лиза Алерт» в 2018 г. было получено 13 997 заявок о безвестном исчезновении граждан¹, из них 679 человек (4,85 %) так и не были найдены.

Немалую часть без вести пропавших людей составляют несовершенно-

летние – дети и подростки. Независимая комиссия по международным гуманитарным вопросам Детского фонда ООН Юнисеф еще в 1990 г. оценивала количество несовершеннолетних, совершивших несанкционированные уходы из дома, примерно в тридцать миллионов².

Проблема эта уже давно стала настолько распространенной в мире, что во многих странах «исчезнувшие» из дома несовершеннолетние получили особые названия. Например, в Италии их называют «веретено» (scugnizzo), в странах

Юго-Восточной Азии – «дети сумерек», в Перу – «фруктовая птичка» (rajaо frutero), в Колумбии – «мальчишка» (gamin), в африканских странах – «воробы» (moineaux, Заир), «мелюзга» или «москиты» (poussins/moustigues, Камерун), «гадкий мальчишка» / «гаденыш» (saligoman, Руанда) и т. д.

Исторически описания феномена ухода из дома детей и подростков восходят к древности.

Можно говорить о различных причинах этого явления. Уходы из дома детей и подростков могут быть обусловлены мировоззренческими, культуральными, психологическими и патологическими (обусловленными патологией психической деятельности) причинами.

В качестве примера мировоззренческой причины, не имеющей под собой никакой психической патологии, следует привести эпизод из Евангелия. В Евангелии от Луки рассказывается об уходе от родителей Господа Бога Иисуса Христа в двенадцатилетнем возрасте:

«Каждый год родители Его ходили в Иерусалим на праздник Пасхи.

И когда Он был двенадцати лет, пришли они также по обычаю в Иерусалим на праздник.

Когда же, по окончании дней праздника, возвращались, остался Отрок Иисус в Иерусалиме; и не заметили того Иосиф и Матерь Его,

но думали, что Он идет с другими. Пройдя же дневной путь, стали искать Его между родственниками и знакомыми и, не найдя Его, возвратились в Иерусалим, ища Его.

Через три дня нашли Его в храме, сидящего посреди учителей, слушающего их и спрашивающего их;

все слушавшие Его дивились разуму и ответам Его.

И, увидев Его, удивились; и Матерь Его сказала Ему: Чадо! что Ты сделал с

нами? Вот, отец Твой и Я с великою скорбью искали Тебя...»³.

Согласно современным представлениям, учитывать возможное наличие у несовершеннолетнего синдрома уходов из дома следует, начиная с возраста 5–7 лет. Это важно иметь в виду при планировании оперативно-розыскных и следственных мероприятий.

Научное психиатрическое изучение уходов из дома детей и подростков восходит к работам английского психиатра XIX в. J. Prichard, писавшего о так называемом «моральном помешательстве» (1835, 1847). Уже с самого начала эти состояния расценивались как смешанная группа, включающая в себя как расстройства шизофренического спектра (гебоидная форма шизофрении), так и непсихотические психические расстройства с преимущественными преступными склонностями. В дальнейшем дифференциация на процессуальные и пограничные психические расстройства становится более четкой, сохраняется она и в настоящее время. В современной французской психиатрии разграничивается собственно асоциальное поведение, сопровождающееся уходами из дома и бродяжничеством, и внешне сходное поведение при гебоидной шизофрении. Такого же подхода придерживаются польские исследователи, разделяя уходы из дома и бродяжничество в рамках шизофренического процесса и расстройств личности (психопатий) (Bilikiewicz T., 1969). Американские исследователи в традициях психологизации американской психиатрии значительную часть случаев объясняют с позиций реализации личностью своих конфликтов и переживаний (движение хиппи, например, представляют как вид выражения погранично-асоциальной личности переживания отчуждения в форме кочевого образа жизни, постоянных уходах и бродяжничестве).

Согласно данным Детского фонда ООН ЮНИСЕФ, в основе уходов из дома детей и подростков лежат множество взаимопересекающихся и взаимодополняющих друг друга микро- и макросоциальных факторов, являющихся практически одинаковыми для стран с разным уровнем развития. К их числу в первую очередь относятся разводы родителей или отдельное проживание родителей без развода, плохое или безразличное отношение к ребенку со стороны родителей, рост числа антипатриархальных семей, кризис института семьи в целом. В результате дети начинают чувствовать себя одинокими и эмоционально отстраненными от семьи, в первое время в рамках семьи, а в последующем (при сохранении действия подобных негативных факторов и отсутствии необходимой помощи) совершают уходы из семьи или стремятся к бродяжничеству. Кроме того, в основе феномена уходов из дома могут лежать причины, напрямую не связанные с семьей. Исследователи относят к ним проблему урбанизации, которая приводит к нарушению веками сложившейся системы межчеловеческих взаимоотношений, автономности индивидуумов, их коммуникативной дистанцированности⁴.

Весьма обстоятельно данная проблема изучена в отечественной психиатрии.

Одна из основоположниц отечественной детской психиатрии Г. Е. Сухарева описывала нарушение влечений со склонностью к бродяжничеству и пропуску уроков в школе у детей с отдаленными последствиями черепно-мозговых травм в случае снижения интеллекта и прогрессирования психоорганического синдрома. Она отмечала также, что в состоянии помраченного сознания при эпилепсии одной из форм психических пароксизмов являются так называемые фуги, при которых дети внезапно убегают из дома и бродяжничают без

наличия психологически обусловленных мотивов⁵.

Классик отечественной подростковой психиатрии А. Е. Личко рассматривал уходы из дома и бродяжничество в рамках подростковых патохарактерологических реакций, т. е. затяжных, продолжительных нарушений поведения, приводящих к дезадаптации в разных сферах личностных отношений. Он выделял три типа ситуативно обусловленных уходов из дома у подростков: импунитивные, эмансипационные и демонстративные⁶.

В основе импунитивных уходов лежат острые эмоциональные реакции с намерением уйти из аффектогенной ситуации, остаться безнаказанным, избавиться от грозящей расправы. В дальнейшем уходы такого типа могут становиться поведенческим стереотипом при любых трудностях.

Эмансипационные уходы связаны с желанием избавиться от надоедающего чрезмерного контроля и опеки со стороны родных/воспитателей, от наскучивших обязанностей, наставлений и поучений. Цель, которую преследуют несовершеннолетние в таких случаях, сводится к стремлению пожить никем не контролируемой, свободной, легкой жизнью. В ряде случаев толчком к таким уходам также могут быть конфликты с родителями/воспитателями, но при данном типе ведущим является стремление вырваться из наскучившего образа жизни. Важно обратить внимание на то, что уходы такого типа могут совершаться не в одиночку, а с приятелями, а уходам может предшествовать делинквентное поведение и употребление психоактивных веществ.

Демонстративные уходы обычно выступают как проявление острой эмоциональной демонстративной реакции. Часто в их основе лежит детская реакция

оппозиции – вернуть или получить внимание и заботу со стороны значимых для несовершеннолетнего лиц, получить какие-нибудь иные блага, получить привилегированное положение, избавиться от предстоящих неприятностей. Нередко такие уходы совершаются при появлении в семье отчима, рождении младших брата или сестры. Как указывает А. Е. Личко, по сути, при этом типе уходов нет истинного стремления уйти из дома; присутствует лишь желание, чтобы искали, нашли, пожалели и т. п. В данном случае уходят недалеко от дома или заведомо туда, где будут искать, где высока вероятность надеяться быть «случайно» увиденным, опознанным, пойманным. Однако при продолжающейся неразрешенной микросоциальной ситуации демонстративные уходы, как и импунитивные уходы, могут повторяться, превращаясь в поведенческий стереотип.

Помимо преобладающих личностно обусловленных причин уходов из дома несовершеннолетних, в других многочисленных исследованиях показаны и возможные другие причины их возникновения: органические психические расстройства и их последствия (Сухарева Г. Е., 1974; Вдовиченко А. А., 1976; Рыбалко М. И., 1983; Линьков В. В., Новиков А. Е., Лобанова Л. В., 2002); умственная отсталость (Лебединская К. С. и соавт., 1988; Ковалев В. В., 1995), аффективные расстройства настроения (Личко А. Е., 1979; Озерецковский С. Д., 1987; Можгинский Ю. В., 1995; Антропов Ю. В., 2001; Иовчук Н. М., 2002; Смулевич А. Б., 2003); шизофренические расстройства (Снежневский А. В., 1972; Личко А. Е., 1979; Цуцельковская М. Я. и соавт., 1986; Ковалев В. В., 1995; Лусс Л. А., 1996; Жариков Н. М., Тюльпин Ю. Г., 2000; Смулевич А. Б., 2003; Гаммацаева Л. Ш., 2004; Воронков Б. В., 2009).

Следует отметить, что, несмотря на давнюю историю психиатрического изучения феномена уходов из дома и бродяжничества у детей и подростков, специальных исследований, направленных на изучение правовых и психосоциальных аспектов этой проблемы, крайне мало.

Поэтому проблема уходов из дома несовершеннолетних все еще остается острой и актуальной в современном обществе и диктует необходимость поиска и разработки мероприятий для ее решения.

Таким образом, исходя из всего изложенного выше, оперуполномоченному уголовного розыска и следователю при раскрытии и расследовании уголовных дел, связанных с безвестным исчезновением несовершеннолетних, необходимо в каждом случае тщательно изучать их психиатрический анамнез. Так как в большинстве случаев психические нарушения в детском и подростковом возрасте имеют неопределенную, неявную или даже скрытую клиническую картину, помимо запросов в специализированные психиатрические учреждения о возможном обращении за психиатрической помощью таких лиц, необходимо также выяснять, обращались ли за психиатрической помощью их родственники, особенно близкие; тщательно собирать сведения об особенностях поведения у родственников (особенно близких) и других, хорошо знающих ребенка/подростка лиц (например, соседей); у работников детских образовательных учреждений, которые посещает несовершеннолетний; у его сверстников и друзей.

Разумеется, реализация всего этого предполагает наличие у сотрудников уголовного розыска и следователей определенных познаний в области психиатрии. Эта проблема решается, во-первых, изучением в процессе вузовской подготовки юристов курса судебной психиатрии, традиционно присутствующего в системе

подготовки юристов с середины XIX в. Возможно также привлечение к розыску и расследованию психиатров в качестве специалистов.

Именно такой подход даст возможность оптимизировать и повысить эф-

фективность проведения оперативно-розыскных мероприятий и следствия, особенно учитывая, что далеко не все случаи безвестного исчезновения несовершеннолетних имеют в своей основе криминальные причины.

¹ См.: URL: <https://lizaalert.org/> (дата обращения: 02.12.2019).

² См.: Дети улицы. Растущая трагедия городов. Доклад для независимой комиссии по международным гуманитарным вопросам. Данные детского фонда ООН, Юнисеф / под ред. С. Аньелли. М., 1990. 148 с.

³ Лк: 2: 41-48.

⁴ См.: Синдром уходов и бродяжничества у детей и подростков : клиника и реабилитация : пособие для врачей. СПб., 2012. С. 4–5.

⁵ См.: *Сухарева Г. Е.* Лекции по психиатрии детского возраста. М., 1998. С. 68, 106, 153, 213–214, 219, 225–227, 234–257.

⁶ См.: *Личко А. Е.* Подростковая психиатрия : руководство для врачей. 2-е изд., перераб. и доп. Л., 1985. С. 187–188.

Воронежский государственный университет

Бокков С. Н., кандидат медицинских наук,
доцент по кафедре общей и юридической
психологии, доцент кафедры
криминалистики

E-mail: bokov@law.vsu.ru

Voronezh State University

Bokov S. N., Candidate of Medical Sciences,
Associate Professor of the Department of General
and Legal Psychology, Associate Professor
of the Criminalistics Department

E-mail: bokov@law.vsu.ru

Е. И. Галяшина

*Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*

КРИМИНОГЕННЫЕ РЕЧЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ, ПОСЯГАЮЩИЕ НА БЕЗОПАСНОСТЬ ИНТЕРНЕТ- КОММУНИКАЦИИ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ*

А н н о т а ц и я: рассматриваются криминалистический и лингвистический аспекты цифровизации информационного общества, которая требует не только детальной правовой регламентации возникающих в связи с этим общественных отношений, но и разработки инновационных решений для эффективного противодействия распространению в медиaprостранстве антигосударственной, фейковой, деструктивной, агрессивной и криминогенной информации.

К л ю ч е в ы е с л о в а: криминалистика, информационное общество, цифровизация, интернет-коммуникация.

CRIMINAL SPEECH ACTIONS INFRINGING ON THE SECURITY OF INTERNET COMMUNICATION: FORENSIC AND LINGUISTIC ASPECTS

A b s t r a c t: the article deals with the forensic and linguistic aspects of digitalization of the information society, which requires not only detailed legal regulation of the resulting public relations, but also the development of innovative solutions to effectively counter the dissemination of anti-state, fake, destructive, aggressive and criminal information in the media space.

Key words: forensics, information society, digitalization, internet-communication.

Поступила в редакцию 11 июня 2020 г.

Современное сетевое информационное общество характеризуется существованием значительных противоречий на всех уровнях взаимодействия. Усиливаются конфронтационные модели меж-

личностной интеракции, появляются новые информационно-психологические угрозы, проявляющиеся в форме преднамеренного воздействия на личность с целью явного или скрытого побуждения коммуникантов к определенным деструктивным действиям (информационно-пропагандистское; психоаналитическое; нейролингвистическое и др.)¹. Особая роль в цифровой среде сегодня отводится информационно-пропагандистскому воздействию посредством слова с целью формирования определенных

* Исследование осуществлено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00190 «Концептуализация противодействия информационным угрозам в интернет-среде с использованием специальных юридико-лингвистических знаний».

© Галяшина Е. И., 2020

взглядов и убеждений как отдельного индивида, так и общества в целом.

Всеобъемлющая цифровизация и многообразие каналов коммуникации требуют не только детальной правовой регламентации возникающих в связи с этим общественных отношений, но и разработки инновационных решений для эффективного противодействия распространению в медиапространстве антигосударственной, фейковой, деструктивной, агрессивной и криминогенной информации.

Современные угрозы информационной (мировоззренческой) безопасности в интернет-среде охватывают следующие агрессивные и криминогенные виды речевого поведения:

- провокация антиконституционных настроений (в том числе через идеи сепаратизма, насильственного свержения власти и др.);

- массовое тиражирование контента, связанного с популяризацией экстремистских идей (национализма, неонацизма, религиозного экстремизма и т. п.), осуществление незаконной миссионерской деятельности;

- открытая либо закамуфлированная вербовка в радикально-настроенные террористические группы и деструктивные сообщества через социальные сети с использованием таких манипулятивных приемов и тактик, как мифотворчество (романтизация, героизация экстремизма), элитарность («не такой, как все»); геймификация (игровые механизмы), челленджи (дух соревнования), «запретный» контент, конфликт поколений («взрослый мир – плохой мир»), аккумуляция негативизма («весь мир против тебя», «государство – зло» и т. п.), закрытая общность («брат за брата») др.;

- деструктивная радикальная пропаганда с использованием контента «фанфикшн» (фанфик);

- распространение фальшивой (фейковой), клеветнической, диффамационной, оскорбительной информации в социальных сетях и мессенджерах (в отношении органов государственной власти, должностных лиц, отдельных граждан и юридических лиц);

- возбуждение ненависти, вражды и унижение по признакам социальной принадлежности – языку, полу, национальности, расе, религиозным убеждениям и др.;

- харассмент (домогательство, нападки), проявляющийся в навязчиво повторяющихся оскорбительных сообщениях конкретной жертве, вызывающих у нее тревогу, раздражение и стресс;

- очернение (распространение слухов, клеветы), проявляющееся в умышленном представлении жертвы в негативном свете посредством публикации в сети унижающей информации о человеке, его искаженных изображений;

- имперсонация (использование фиктивного имени, самозванство). Агрессор, воспользовавшись украденным паролем, рассылает со взломанного аккаунта жертвы негативную, дискредитирующую или неадекватную информацию ее подписчикам;

- разглашение информации о частной жизни жертвы в Интернете с целью унижить, оскорбить или шантажировать;

- демонстративная эксклюзия, остракизм (социальная изоляция): исключение из виртуального сообщества или группы, отказ общаться, удаление из «списка друзей» с целью понизить самооценку жертвы, вызывать переживания «социальной смерти»;

- киберсталкинг (продолжительное домогательство и угрозы физической расправы, убийства кого-либо или причинения телесных повреждений);

- хеппислепинг (публикация в сети видеозаписей физического насилия или

хулиганского нападения для усиления чувства унижения у жертвы преследования);

– киберсуицид (согласованные самоубийства). Одна из новейших интернет-угроз, зафиксированных в различных странах мира, когда подростки посредством социальных сетей договариваются о совместном самоубийстве («совместный уход из жизни проще, чем самоубийство в одиночестве»).

Социальная напряженность в интернет-коммуникации, содержащей признаки речевой агрессии, в целом охватывается понятием hate speech («язык вражды»).

Язык вражды представляет собой все языковые средства выражения резко отрицательного отношения оппонентов – носителей иной системы религиозных, национальных, культурных или же более специфических, субкультурных ценностей. Это явление может выступать как форма проявления расизма, ксенофобии, межнациональной вражды и нетерпимости, гомофобии, а также сексизма². Конкретные речевые средства, имеющие таковые признаки проявления в устных и письменных текстах, остаются предметом дискуссии ученых и практиков, ищущих надежные инструменты для обнаружения и однозначной квалификации семантических компонентов, соотносящихся с признаками агрессивных и криминогенных речевых актов, посягающих на безопасность коммуникации в цифровой среде³. Во многом это объясняется тем, что язык вражды обнаруживается «через использование коммуникатором лексических и иных средств, характер которых позволяет определить цели, интонации, интенции, содержащие признаки установок коммуникантов на оскорбление, унижение, угрозу, а также подстрекательство к насилию, ненависти или дискриминации в отношении отдельных этносов, их частей или отдель-

ных категорий или групп граждан»⁴. Речевые акты, содержащие признаки «языка вражды», могут быть определены как нарушение поведенческих норм; поведение, которое (по конвенции в данной среде) считается предосудительным⁵ и может носить криминогенный характер.

Наиболее социально опасными проявлениями речевой агрессии выступают речевые действия экстремистской и террористической направленности.

Конституционно-правовым основанием установления уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности являются положения ч. 5 ст. 13, ст. 14, 29 Конституции Российской Федерации.

Конституция, гарантируя каждому свободу мысли и слова, запрещает пропаганду или агитацию, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду (ч. 1, 2 ст. 29). В своем постановлении от 20 сентября 2018 г. № 32, вносящем изменения в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» (далее – ПП № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»), Пленум Верховного Суда Российской Федерации обращает «внимание судов на то, что гарантированные Конституцией Российской Федерации и международно-правовыми актами свобода мысли и слова, а также право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом могут быть ограничены только в исключительных случаях, прямо закрепленных в федеральном законе, в той мере, в какой это необходимо в демократическом обществе в целях защиты основ конституционного строя, нравствен-

ности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства, общественного порядка, территориальной целостности»⁶.

К словесному экстремизму относятся следующие речевые действия, отраженные в ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (далее – ФЗ о противодействии экстремизму):

1) публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;

2) возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;

3) пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

4) пропаганда и публичное демонстрация нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо публичное демонстрация атрибутики или символики экстремистских организаций;

5) публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;

6) публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением⁷.

Как указывал в своих определениях Конституционный Суд Российской Фе-

дерации, отнесение данным положением «всех действий и материалов, связанных с возбуждением социальной, расовой, национальной или религиозной розни и пропагандой исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии, основано на положениях Конституции Российской Федерации, которая, гарантируя свободу мысли и слова, также запрещает пропаганду, возбуждающую социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду, пропаганду социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства, что соответствует и международно-правовым стандартам; такое регулирование само по себе конституционные права и свободы не нарушает»⁸.

Под терроризмом в Федеральном законе от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (далее – ФЗ о противодействии терроризму) понимается «идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий»⁹.

Террористическая деятельность, согласно указанному закону, – это деятельность, включающая в себя в том числе такую речевую деятельность, как пропаганда идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности¹⁰.

По мнению И. М. Мацкевича, «не всякая экстремистская деятельность обязательно имеет террористический ха-

ракти, но всякую террористическую деятельность следует считать экстремистской»¹¹. При этом публичное оправдание терроризма и иной террористической деятельности входит в понятие экстремистской деятельности.

Таким образом, в качестве криминальных речевых действий можно выделить следующие речевые акты:

- высказывания, которые распространяют, возбуждают, поощряют или оправдывают ненависть, основанную на нетерпимости;

- высказывания, выражающие социальную вражду и ненависть, влекущие провокацию или подстрекательство к насилию;

- высказывания, пропагандирующие социальную вражду и ненависть;

- поношение или оправдание, поощрение диффамации или возбуждение ненависти;

- притеснение, оскорбление, формирование негативных стереотипов, стигматизация или угрозы;

- высказывание, которое побуждает к дискриминации, сегрегации или насилию;

- речевой акт, который «подвергает поруганию, злонамеренно пренебрежительно представляет или очерняет» представителей социальной группы;

- использование «угроз, оскорбительных/обидных слов, оскорбительного поведения»; «угрожающие, оскорбительные или обидные слова»;

- «попустительство, отрицание или преуменьшение общественной опасности» геноцида;

- призывы «к совершению насилия или актов произвола» в отношении социальной группы и др.¹²

С криминалистической точки зрения речевым правонарушением (правонарушением, совершенным посредством речевого действия) можно назвать виновное противоправное речевое деяние

(действие или бездействие) людей, достигших установленного законом возраста и обладающих относительной свободой воли (т. е. действие, возникшее в результате целенаправленной речемыслительной деятельности и выраженное во вне), причинившее вред другим субъектам права, признаки которого сохраняет материально закрепленный и воспроизводимый речевой след.

С каждым годом в российском судопроизводстве рассматривается все больше дел, где текст (речевой след) становится предметом информационных споров и конфликтов, выступает как *corpus delicti*, так как в нем содержатся признаки объективной стороны правонарушения, совершенного посредством речевого действия. Изучать речевые следы, обладающие как планом выражения, так и планом содержания, в аспекте их криминалистического исследования крайне сложно. Немецкий философ Гегель говорил, что привычное, известное далеко не всегда является понятным. При интуитивной понятности рядовому носителю языка значений слов и передаваемых текстом смыслов (в противном случае коммуникация на языке была бы попросту невозможна) для установления юридически значимых фактов и обстоятельств в случае спора о содержательности-смысловой направленности текста требуется его профессиональное экспертно-лингвистическое исследование.

Кажущаяся простота толкования спорного текста в силу его понятности носителю языка оказывает неофитам судебной экспертизы «медвежью услугу», позволяя по-житейски «вычитывать» из текста произвольные смыслы или «вкладывать» в уста говорящего свою собственную интерпретацию. Положение усугубляется тем, что на сегодня отсутствует консенсус среди судебных экспертов-речеведов, лингвистов-аналити-

ков, юристов-правоведов в отношении единого научно-методического подхода к экспертным специализациям, методикам, методам и экспертной практике. Существующие методики экспертного исследования спорных текстов имеют концептуальные отличия, что порой ведет к противоположным выводам по результатам исследования одних и тех же продуктов речевой деятельности¹³.

Подобное положение дел недопустимо для судебно-экспертного лингвистического исследования, служащего источником доказательственной информации, которая может быть положена в основу процессуального решения по спору или конфликту. Вопрос об унификации применяемых методов и методик лингвистического исследования текстов является вопросом научной достоверности заключения и научной квалификации эксперта-лингвиста¹⁴.

При исследовании сообщения в интернет-коммуникации на предмет выявления признаков его криминогенности важно оценить коммуникативную ситуацию, в которой реализовано речевое произведение, и определить дискурсивно-стилистическую природу продукта речевой деятельности, его жанр, так как криминогенный контент может «маскироваться» под речевые произведения, которые защищены правом человека на свободу слова и мысли или носят шуточный, игровой, анекдотический характер. Вопрос о конкретном наборе речевых средств, имеющих лингвистические признаки «языка вражды» и входящих в семантическое поле «агрессия», остается до конца не решенным, «далеко не всегда слова и выражения, явно содержащие семантические компоненты, которым может быть приписано значение вражды или ненависти по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии и пр., на самом деле

имеют признаки «языка вражды» (например, можно вспомнить шуточные номинации Пушкина в дружеском кругу как «арапа»), и, напротив, внешне нейтральные слова и выражения в определенной ситуации и контекстном окружении могут выступать как очевидные репрезентации языка вражды»¹⁵.

Только в случае наличия в тексте публичности, публицистичности, социальной актуальности и криминалистически значимой информации целесообразно его лингвистическое исследование на предмет выявления семантических компонентов криминогенного речевого действия. Криминалистическая информация о речевом действии получается субъектом деятельности по раскрытию и расследованию преступного события, посредством познания знаковой сущности речевого следа на основе применения специальных лингвистических знаний.

В этих целях Т. Б. Радбиль и В. А. Юматов предложили оптимизировать лингвистические методы, которые могут быть использованы для решения задач судебно-экспертного лингвистического исследования сообщений, распространяемых в Интернете¹⁶. К их числу отнесены методы лексико-семантического анализа слова; грамматико-семантический анализ морфологических категорий и синтаксических конструкций; семантико-стилистический метод выявления стилистической маркированности слов и выражений; функционально-стилистический метод анализа стилистически маркированных компонент, возникающих в контексте употребления слова или выражения; метод выявления значимых фразеологизмов и иных устойчивых словесных формул; метод лингвистического анализа текста, включающий предметно-тематический анализ; коммуникативно-прагматический метод выявления эксплицитных и имплицитных средств

выражения коммуникативной направленности текста или высказывания, степени выражения иллокутивной силы (утверждение или мнение, приказ или просьба, совет, клятва или обещание, обида или оскорбление и т. д.), средств агрессии; другие методы, перечень которых остается открытым и далеко не бесспорным.

Бесспорным же является выбор только тех методов, которые являются научно обоснованными, валидными и допустимыми в судебно-экспертной деятельности. Сфера судопроизводства предъявляет к лингвистическим методам специфические требования и ограничения, не допуская к применению методов, подменяющих или видоизменяющих исходный объект судебной экспертизы. К таковым (недопустимым) в судебной лингвистической экспертизе можно отнести методы, основанные на синонимических преобразованиях исследуемого текста, т. е. такой модификации исходно-

го текста, при которой одни аспекты его семантики сохраняются, приобретая более эксплицитную форму, а другие могут редуцироваться вплоть до полной элиминации (исчезновения).

Мудрецы говорили: «Увидеть и понять проблему – наполовину решить ее, если же не видишь проблему, это значит, что она в тебе самом». Еще один вариант этой мысли был высказан Эйнштейном: «Вы никогда не сумеете решить возникшую проблему, если сохраните то же мышление и тот же подход, который привел вас к этой проблеме». Иными словами, чтобы противостоять современным вызовам и угрозам мировоззренческой безопасности, необходимо лингвистический ракурс исследования текста преломить через призму криминалистического познания текста как речевого следа. Именно криминалистика дает возможность лингвистам перейти от субъективизма мнений к объективному знанию, основанному на теории отражения.

¹ См.: *Андреев Э. М., Миронов А. В.* Социальные проблемы интеллектуальной уязвимости и информационной безопасности // Социально-гуманитарные знания. 2000. № 4. С. 169–179; *Егоров А.* Это должен знать каждый. Негативное информационно-психологическое воздействие // Журнал прикладной психологии. 2002. № 3. С. 52–55; *Крюкова Э. П.* О проблемах свободы слова и информационной безопасности // Управление защитой информации. 2001. Т. 5, № 2. С. 215–222.

² См.: *Денисова А. А.* Язык вражды в российских СМИ : гендерное измерение. URL: <http://www.owl.ru/win/womplus/2002/denisova2.htm> (дата обращения: 29.04.2020).

³ См.: *Гальяшина Е. И.* Судебное речеведение : учебник. М., 2020. С. 99–130.

⁴ *Казаков Ю.* Между тем «что делать...» и «что делать?» : пресса и общество в ситуации повышенного риска // Язык мой... Проблема этической и религиозной нетерпимости в российских СМИ / сост. А. М. Верховский. М., 2002. С. 115–137.

⁵ См.: *Щербинина Ю. В.* Вербальная агрессия. М., 2006. 360 с.

⁶ О внесении изменений в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 сентября 2018 г. № 32. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ См.: О противодействии экстремистской деятельности : федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ : принят Государственной Думой Федер. Собр. РФ 27 июня 2002 г. : одобрен Советом Федерации Федер. Собр. РФ 10 июля 2002 г. : офиц. текст : по состоянию на 28 ноября 2018 г. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

⁸ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Синецына Михаила Владимировича на нарушение его конституционных прав положениями пункта 1 статьи 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» : определение Конституционного Суда РФ от 17 февраля 2015 г. № 347-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Аналогичная позиция высказана Конституционным Судом в следующих определениях: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Петухова Юрия Дмитриевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 1 и 13 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» : определение Конституционного Суда РФ от 18 декабря 2007 г. № 940-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы компании «New Era Publications International ApS» («Нью Эра Пабליкейшенз Международная Апс») на нарушение его конституционных прав и свобод положениями пунктов 1 и 3 статьи 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» : определение Конституционного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 1995-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сальманова Азата Салаватовича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 13 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» : определение Конституционного Суда РФ от 19 июня 2012 г. № 1271-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ О противодействии терроризму : федер. закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ : принят Государственной Думой Федер. Собр. РФ 26 февраля 2006 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. РФ 1 марта 2006 г. : офиц. текст : по состоянию на 29 марта 2019 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (ст. 3).

¹⁰ См.: Там же.

¹¹ Эминов В. Э. Криминология : учебник. М., 2015. С. 177.

¹² См.: Никишин В. Д. Словесный религиозный экстремизм. Правовая квалификация. Экспертиза. Судебная практика : монография / под ред. Е. И. Галяшиной. М., 2019.

¹³ См.: Судебная лингвистика : монография / О. Н. Матвеева [и др.] ; под ред. О. Н. Матвеевой. Барнаул, 2015. 310 с.

¹⁴ См.: Радбиль Т. Б., Юматов В. А. Язык и метод в современной судебной экспертизе : монография / под ред. А. Ю. Арефьева. М., 2015. С. 50.

¹⁵ Там же. С. 76.

¹⁶ См.: Там же. С. 51–53.

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Галяшина Е. И., доктор юридических наук, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры судебных экспертиз

E-mail: eigaljashina@msal.ru

Moscow State Legal University named after O. E. Kutafin (MSAL)

Galyashina E. I., Doctor of Legal Sciences, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Forensic Examination Department

E-mail: eigaljashina@msal.ru

А. В. Головчанский

Воронежский институт МВД России

ЦИФРОВАЯ ВИДЕОЗАПИСЬ КАК ИСТОЧНИК КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ

А н н о т а ц и я: рассмотрены характеристика и сущность цифровой видеозаписи как разновидности виртуальных следов преступлений.

К л ю ч е в ы е с л о в а: расследование преступлений, следы преступлений, цифровые следы, цифровая видеозапись.

DIGITAL VIDEO RECORDING AS A SOURCE OF CRIMINALISTICALLY VALUE INFORMATION

Abstract: *the article describes the characteristics and essence of digital video recording as a kind of virtual evidence of crime.*

Key words: *crime investigation, crime tracks, digital tracks, digital video recording.*

Поступила в редакцию 2 июня 2020 г.

Повсеместное использование систем видеонаблюдения в различных сферах деятельности, доступность и распространенность бытовых средств видеозаписи, естественно, сказываются на значительном росте следовой информации, фиксируемой данными устройствами и представленными в виде видеозаписей. При такой распространенности средств видеонаблюдения и видеозаписи логическим следствием является то, что в поле зрения камер попадает значительная часть объектов и событий, представляющих интерес для правоохранительных органов и характеризующих отдельные элементы преступной деятельности, результаты преступных событий, лиц, принимавших в них участие. Данная информация может и должна использоваться правоохранительными органами для выявления, пресечения, раскрытия и рас-

следования преступлений¹. Видеозаписи, полученные в ходе эксплуатации систем видеонаблюдения и мониторинга, бытовых средств видеозаписи, представляют существенный интерес для правоохранительных органов не только как источник ориентирующей информации, используемой для розыска преступников, но и как важный источник объективной доказательственной информации. В отличие от недавнего прошлого, когда редкое появление в уголовном деле видео доказательств считалось для следователя огромной удачей, сегодня вряд ли можно представить уголовное дело, где видеозапись не рассматривалась в качестве потенциального источника криминалистически значимой информации. В то же время стоит отметить и тот факт, что в настоящее время на смену аналоговым видеозаписывающим устройствам практически повсеместно пришли цифровые средства видеозаписи. Соответственно,

© Головчанский А. В., 2020

изменились структура и свойства видеозаписей, получаемых при использовании таких устройств. Для использования такой видеoinформации в доказывании она должна быть не только своевременно обнаружена, но и процессуально правильно вовлечена в процесс доказывания. Кроме того, максимально полно использовать потенциал видеозаписей при расследовании преступлений возможно только при их полном, объективном и всестороннем исследовании, что невозможно без понимания ее сущности, свойств, механизма и особенностей отображения².

В целом устройство цифровой видеокамеры не сильно отличается от строения цифрового фотоаппарата, и принцип ее работы во многом аналогичен. Цифровая видеокамера – это сложное устройство, которое состоит из следующих основных элементов:

- объектив;
- микрофон;
- процессор;
- светочувствительный сенсор (матрица);
- видеоискатель или дисплей;
- источник питания;
- запоминающее устройство (электронный носитель информации).

Изображение, которое пользователь видит на экране или в видеоискателе, проходит через объектив и диафрагму в виде света и улавливается специальным светочувствительным сенсором (матрицей). Сигнал передается от матрицы (сенсора) в процессор, который оцифровывает, конвертирует (сжимает) и записывает изображение в цифровом формате на носитель информации (память) и транслирует данное изображение на экран (дисплей). Принципиальное отличие видеозаписывающих камер и видеокамер мобильных телефонов, видеорегистраторов

и иных гаджетов от систем видеонаблюдения и мониторинга заключается в том, что в первых видеозапись осуществляется на внутренний либо сменный носитель, размещенный в одном корпусе с видеокамерой, а в системах видеонаблюдения и мониторинга видеокамера преимущественно располагается дистанционно от аппаратно-программного комплекса, обрабатывающего, конвертирующего и записывающего полученный сигнал. Обработка видеопотоков в данных системах осуществляется двумя видами оборудования:

- видеорегистратором;
- видеосервером или персональным компьютером с установленной платой видеоввода.

В качестве электронного носителя информации в данном случае, как правило, выступают накопители на жестких магнитных дисках соответственно видеорегистратора, компьютера или сервера.

Стоит отметить, что алгоритмы сжатия, конвертации видеoinформации в различных устройствах видеозаписи отличаются друг от друга стандартами сжатия, используемыми кодеками. Соответственно, и расширения создаваемых при записи файлов (контейнеров) могут существенно отличаться. При осуществлении копирования видеозаписей и для их последующего просмотра необходимо учитывать данные факторы и выбирать соответствующие технические и программные средства.

В видеозаписывающих камерах, смартфонах, планшетах и иных гаджетах, имеющих функции видеозаписи, преимущественно используются стандартные алгоритмы и стандарты кодирования видео- и аудиосигнала, поэтому проблем с поиском на электронном носителе данной видеoinформации, ее копированием и просмотром, как правило,

не возникает. Видеорегистраторы систем видеонаблюдения, а иногда и автовидеорегистраторы достаточно часто используют отличные от привычных стандарты видеосжатия и архивации, расширения, что часто затрудняет поиск интересующей информации в памяти регистратора, ее копирование и последующее воспроизведение стандартными средствами.

На сегодняшний день наиболее распространены следующие стандарты сжатия:

- MPEG (один из основных стандартов сжатия файлов). Имеет четыре разновидности, но применяются преимущественно два из них: MPEG-2 (используется для цифрового телевидения и DVD-дисков) и MPEG-4 (можно получить при помощи таких кодеков, как XviD, DivX и др.). Коэффициент сжатия видео сильнее, чем MPEG-2, качество картинки вполне высокое, особенно при использовании кодака H.264;

- H.264 – стандарт, отличающийся высокой степенью сжатия видеоданных при сохранении высокого качества картинки;

- XviD и DivX – кодеки, отличающиеся высокой степенью сжатия (основаны на стандарте MPEG-4).

Расширение видео (как и любого другого файла) представляет собой набор символов, которые помогают операционной системе определить тип сведений, содержащихся в файле, а также подобрать подходящую для его открытия программу. Самыми распространенными считаются .mpg, .mov, .wmv, .avi, .3gp, .3g2, .asf, .asx, .flv, .mov, .mp4, .h264, .vob, .wmv.

Таким образом, видеозапись на электронном носителе может быть представлена в виде файла, группы последовательно размещенных файлов либо медиаконтейнеров.

Таким образом, передаваемая посредством сигналов с камер видеонаблю-

дения информация при поступлении в компьютер кодируется, т. е. представляется в виде двоичного кода (бинарное представление), выраженного комбинацией цифр 0 (отсутствие сигнала) и 1 (наличие сигнала)³. Кодированная информация и есть те самые видеозаписи (данные), содержащиеся на электронном носителе. В свою очередь, для того, чтобы появилась возможность их восприятия, познания, необходимо их представить в человекочитаемой форме, для чего нужно осуществить обратный процесс декодирования, т. е. преобразование двоичного кода в доступную для восприятия форму (графическую, звуковую).

Таким образом, цифровая видеозапись с технической точки зрения представляет собой набор данных, содержащихся на электронном носителе информации в виде электрического сигнала и представленных в цифровой форме (в форме последовательности определенных чисел)⁴. Такая форма существования данной информации предопределяет особый порядок ее получения, обработки, использования в процессе расследования и представления в суде как с юридической, так и с технической точки зрения.

Рассматривая особенности работы систем видеонаблюдения, равно как и видеорегистраторов, стоит обратить внимание на циклический характер записи фиксируемой информации. Такой алгоритм хранения записанной информации предполагает удаление ранее записанной информации через определенные интервалы времени посредством перезаписывания на носитель новых данных. При этом данные временные интервалы зависят как от настроек устройства, так и от объема памяти электронного носителя информации. Соответственно, непринятие своевременных мер к обнаружению

видеозаписей и их фиксации может повлечь их безвозвратную утрату.

Программная оболочка большинства видеорегистраторов позволяет не только воспроизводить сохраненные видеозаписи на мониторе, в том числе одновременно совмещая изображения с разных камер, зафиксированные в одно и то же время, но и представляет возможность копирования данных видеозаписей на сменный носитель, в том числе и со сменной формата (расширения) копируемой видеозаписи. Полагаем, что при копировании видеозаписей в целях их последующего использования в доказывании по уголовному делу скопированная на сменный носитель электронная информация (в данном случае – видеозапись) должна полностью соответствовать исходной (т. е. представленной на исходном носителе). Никакого перекодирования видеофайлов не допускается. Копирование записи видеофайлов с конвертацией (сменной формата) противоречит основным криминалистическим правилам, так как влечет изменения первоначальной доказательственной информации. В процессе конвертации эта информация может быть повреждена или утрачена. Кроме того, при изменении формата записи ее качество часто значительно ухудшается.

Относительно автомобильных видеорегистраторов стоит отметить, что в разных моделях таких устройств реализуются различные алгоритмы и форматы сжатия записываемой информации. При изъятии сменного электронного носителя информации видеорегистратора

содержание носителя часто стараются просмотреть с использованием штатных программных средств воспроизведения видеофайлов персонального компьютера (ноутбука). Такие действия нередко приводили к переформатированию данной информации и невозможности ее восстановления в дальнейшем. Поэтому при необходимости изъятия видеозаписи автомобильного видеорегистратора на месте происшествия рекомендуется не копировать файлы видеозаписи, а изымать сам видеорегистратор вместе с электронным носителем информации. Особенно важно соблюдать такой порядок в случае необходимости последующего производства судебных экспертиз видеозаписей видеорегистратора, в частности, касающихся установления скорости движения транспортных средств, так как при производстве таких экспертиз важно учитывать технические особенности работы.

Рассмотренные характеристики цифровых видеозаписей подчеркивают сложность и специфику такой информации, требуют понимания ее сущности, механизма отображения и хранения, наличия навыков работы с компьютерной информацией, компетентности в вопросах функционирования цифровой техники, обращения с электронной информацией. Соответственно, при производстве процессуальных действий, связанных с обнаружением, осмотром, копированием цифровых видеозаписей и изъятием электронных носителей информации, на которых эти видеозаписи хранятся, необходимо привлечение специалиста.

¹ См.: Макарова Т. А. Использование в ходе предварительного следствия материалов аудио- и видеозаписи : дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2004. С. 2.

² См.: Кандауров С. И. Процессуальный порядок приобщения записей систем видеонаблюдения к материалам уголовного дела // Проблемы экономики и юридической практики. 2006. № 3–4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protsessualnyy>

porjadok-priobscheniya-zapisey-sistem-videonablyudeniya-k-materialam-ugolovnogodela (дата обращения: 16.09.2019).

³ См.: Макарова Н. В., Волков В. Б. Информатика : учеб. для вузов. СПб., 2011. С. 311.

⁴ См.: Нагорный А. А. Содержания понятия компьютерной информации как предмета компьютерных преступлений // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 8 (45). С. 1694–1698.

*Воронежский институт
МВД России*

Головчанский А. В., преподаватель кафедры
криминалистики

E-mail: Alexey.Golovchanskiy@mail.ru

*Voronezh Institute of the Ministry
of the Interior of Russia*

Golovchanskiy A. V., Lecturer of the
Department of Criminalistics

E-mail: Alexey.Golovchanskiy@mail.ru

И. М. Комаров

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова***БАЗОВЫЕ ОСНОВЫ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОСТРОЕНИЙ
В КРИМИНАЛИСТИКЕ**

А н н о т а ц и я: обосновывается значение факта и гипотезы для научно-практических криминалистических исследований, на основе традиционной методологии раскрывается содержание факта и гипотезы для теоретической концепции, их значение для формирования содержания как теоретической, так и прикладной части криминалистических исследований.

К л ю ч е в ы е с л о в а: факт и гипотеза теории, криминалистическая теория.

**THE BASIC FOUNDATION OF THEORETICAL CONSTRUCTS
IN CRIMINALISTICS**

A b s t r a c t: *the paper substantiates the importance of facts and hypotheses for the theoretical and practical criminological research, based on the traditional methodology disclosed the contents of facts and hypotheses for theoretical concepts, their relevance to the formation of the content of both theoretical and applied part of the forensic investigation.*

Key words: *facts and hypotheses theory, forensic theory.*

Поступила в редакцию 10 июня 2020 г.

В последние годы было опубликовано много работ, где авторы обосновывали свои взгляды на актуальные вопросы расследования и предотвращения преступлений. В исследованиях они предлагали практикам криминалистические способы и средства, которые, по их мнению, могли бы оптимизировать как отдельные процессуальные процедуры, так и уголовное судопроизводство по уголовным делам в целом.

Значительная часть этих исследований, безусловно, полезна для правоприменителя в прикладном аспекте. Однако коэффициент практической отдачи мог бы быть значительно выше, а сами рекомендации эффективнее и точнее в обстоятельствах их обоснования в соответствии с устоявшейся научной методологией.

Практически все рекомендации для совершенствования практики расследования и предотвращения преступлений представляют собой научно-квалификационные работы как кандидатского, так и докторского уровня. Именно эти работы на основе анализа проблем практики досудебного производства и судебного разбирательства в соответствии с научным обоснованием и позволяют совершенствовать деятельность правоприменителя. Вместе с тем их анализ свидетельствует о том, что авторы не всегда придерживаются традиционной научной методологии, опуская в своих исследованиях обоснование таких важных базовых элементов, как факт и гипотеза, а начинают разбор проблемы либо с принципов и понятийного аппарата, либо сразу с теоретического построения. Такой подход лишает исследование стройности, а следовательно, в выводах и рекоменда-

циях могут быть допущены неполнота, неточности и ошибки, что, разумеется, недопустимо. Факт и гипотеза – стержневые понятия любого научно-практического построения, и их игнорирование в научных исследованиях недопустимо.

В этой связи мы решили еще раз обратиться к этому сложному вопросу и в данной теоретической статье предложить свой взгляд на проблему обоснования в криминалистических исследованиях понятия факта и определения гипотезы в качестве системообразующих элементов криминалистического научного теоретического построения. Объем данной публикации не позволяет провести полное научное обоснование вопроса, однако для специалистов, мы полагаем, наши доводы будут понятны и в тезисном изложении.

Определение факта и гипотезы указанного построения не может произойти по авторскому наитию или на основе умозрительного восприятия объекта и предмета предполагаемого исследования.

Поэтому в научной методологии правильным пунктом в этой связи принята сущность объекта, так сказать, его внутреннее содержание.

Раскрытая сущность представляет собой базовое знание в процессе обоснования криминалистического теоретического построения. Своим содержанием она позволяет определить правильное направление изучения и познания объекта.

В методологии науки аксиоматичным является тезис о том, что «теория объекта не может быть построена, если не раскрыта его сущность, а поэтому категория сущности играет в построении теории решающую роль»¹. Отсюда можно сделать вывод, что сущность объекта криминалистического исследования – исходная категория любого теоретического построения, занимающая в нем ведущую роль. Сущность является средством фиксации

некоторого содержания теоретического построения. Она также указывает направление его развития. Справедливость этого тезиса подтверждается исследованием сущности на основе системного подхода, проведенного И. В. Блаубергом и Э. Г. Юдиным. По их мнению, эта категория является «средством организации знания и познания»².

Вместе с тем, несмотря на значение категории сущности в обосновании теоретических построений в криминалистике, невозможно оставить без внимания ведущую роль фактов в этом процессе. Они являются базой для построения гипотез и превращения их посредством научного доказывания в теоретические построения различных уровней (частные криминалистические теории, теоретические концепции, криминалистические методики и пр.).

Понятие факта в литературе употребляется в самых различных значениях.

Конечно, слово «факт» может быть многозначным, но любая категория логики научного исследования должна иметь строго определенное содержание. «Факт – это форма человеческого знания, которая должна обладать достоверностью»³. Это означает правильное, точное, не вызывающее сомнений отображение мыслью предметов, явлений окружающего мира; проверенное практикой знание.

«Факты всегда являются исходным пунктом нашего познания природы, – отмечает Р. Хавеман, – они при всей своей объективности являются, прежде всего, информацией о действительности, но ни в коем случае не всей действительностью»⁴.

В криминалистике имеется положительный опыт установления научных фактов и их использования для развития теорий. В качестве примера можно привести исследование В. Ф. Орловой о судебно-почерковедческой идентифика-

ции. На основе динамического стереотипа ее исследование стало фактом – создана теория судебно-почерковедческой идентификации в криминалистике.

Обоснование нашей позиции удобно интерпретировать устоявшимся в криминалистике теоретическим знанием – основами частной теории криминалистических операций.

Зададим вопрос: «Какой факт лежит в базе указанной частной теории?»

«Мы должны признать, – пишет Н. Бор, – что ни один факт не может быть сформулирован помимо некоторой системы понятий»⁵, поэтому для ответа на поставленный вопрос первоначально следует обратиться к понятию сущности криминалистических операций.

Взгляд на криминалистические операции средствами абстрактного мышления позволил представить их сущность, по нашему мнению, в качестве комплексного способа (метода познания) практической деятельности следователя в системе досудебного производства.

Вместе с тем реализация любого метода познания основана на определенных знаниях и действиях субъекта, реализующего этот метод в практической деятельности. Следовательно, есть устоявшиеся факторы, реализация которых в практике повторяется в зависимости от обстоятельств и является обязательной для достижения поставленной цели. Если это представить в качестве научной мысли для криминалистических операций, то получится понятие «относительные стереотипы мышления и поведения, обусловленные системной задачей». Допустив, что это факт частной теории криминалистических операций, следует объяснить и описать его со стороны присущих ему признаков⁶.

Первый среди них – признак единичности. В этой связи необходимо определить, о каком фиксированном классе

следует вести речь. Полагаем, что этим классом являются криминалистические способы досудебного производства, к числу которых относятся процессуальные действия следователя и его криминалистические операции.

Любое процессуальное действие в своей основе может иметь определенные стереотипы мышления и поведения, которые использует следователь для его планирования, организации и проведения. Эти процедуры зависят от состояния следственных ситуаций досудебного производства, что делает стереотипы мышления и поведения относительными. Поэтому он как факт может лежать в основе теории любого процессуального действия. Но нет процессуальных действий, которые призваны решать системные задачи, это присуще только криминалистическим операциям и является их единичным, индивидуализирующим признаком. Этот признак с необходимостью отражается и в факте соответствующей теории, что делает его единичным.

Признак однозначности факта теории основывается на постулате, что «факты ни истинны, ни ложны – они существуют, и в соответствии (или в несоответствии) с ними заключается истинность (или ложность) положений теории»⁷.

«Относительные стереотипы мышления и поведения, обусловленные системной задачей», на наш взгляд, обладают признаком однозначности, так как лишены логической валентности. Иными словами, факт частной теории криминалистических операций всегда однозначен как информация и в этом смысле достоверен.

«Поскольку факт – это то, с чем соотнобразуется теория, то важнейшим признаком факта является его инвариантность относительно всех логических преобразований, совершающихся над ним»⁸.

Для определения инвариантности факта частной теории следует установить

системы научного знания, где возможны логические преобразования над ним. Такой системой знания может быть только гуманитарная система научных знаний, юридическая по своему содержанию и криминалистическая по природе. В ней и следует искать доказательства его инвариантности.

В каждой из подсистем системы указанного научного знания факт частной теории криминалистических операций может иметь ту или иную функцию. В зависимости от выполняемой функции «смысловая» нагрузка факта частной теории в подсистемах системы криминалистики неодинакова, но в них существует нечто общее, присущее факту об одном и том же предмете. Это общее обозначается как «базисное фактическое знание (инвариантный фактор. – И. К.), инвариантное всем потенциально возможным описаниям и объяснениям и представляющее собой множество наиболее существенных признаков (как непосредственно наблюдаемых, так и тех, что установлены теоретически), характеризующих в достаточно полной мере реальный предмет»⁹.

Инвариантным фактором факта частной теории криминалистических операций является фактор системности (системы). Именно он инвариантен всем потенциально возможным описаниям и объяснениям «относительных стереотипов мышления и поведения, обусловленных системной задачей», что и придает этому факту свойства инвариантности.

Таким образом, наличие у «относительных стереотипов мышления и поведения, обусловленных системной задачей», признаков единичности, однозначности и инвариантности позволяет их представить в качестве *факта научного знания* соответствующей формирующейся частной криминалистической теории.

Однако факт теоретического построения должен обладать гносеологи-

ческой природой и тем самым реализовывать свою роль в построении указанной теории.

Данные анализа факта частной теории криминалистических операций свидетельствуют о том, что он не просто фрагмент объективной реальности, а научный факт, так как, отражаясь в сознании, поддается полноценному описанию языком криминалистики и тем самым составляет элемент ее содержания.

Гносеологическая природа научного факта частной теории такова, что он, являясь простейшим видом знания, «схватывающим» бытие криминалистических операций наиболее полно, во множестве их свойств и внешних проявлений, в то же время дает абстрактное неполное и недостаточное отражение. В самой природе данного фактического содержания заложена тенденция к его качественному преобразованию, посредством построения гипотезы и превращения ее в соответствующую частную криминалистическую теорию, что, по сути, отвечает понятию гносеологической роли указанного научного факта.

Это в определенной степени указывает на связь факта частной теории и сущности криминалистических операций, которая, как мы полагаем, представляет собой системный, полифункциональный способ целенаправленной информационно-познавательной и конструктивной деятельности следователя в решении задач досудебного производства. Можно предположить, что факт частной теории реализуется через сущность криминалистических операций и таким образом выполняет свою гносеологическую роль в формировании, становлении и развитии частной теории. Сущность – это как бы оболочка факта частной теории.

Определение факта частной теории и его связь с сущностью криминалистических операций с необходимостью требу-

ет формулирования гипотезы данной теории, т. е. формы развития знания, представляющего собой обоснованное предположение, выдвигаемое в целях объяснения существования, свойств и причин исследуемого явления¹⁰.

Научные источники свидетельствуют о многозначности термина «гипотеза».

К настоящему времени представление о сущности гипотезы не изменилось, но в каждом конкретном случае научного исследования следует обращаться к такому пониманию гипотезы, которое наиболее приемлемо и продуктивно для его результатов.

По нашему убеждению, целям и задачам настоящей статьи отвечает представление о гипотезе как особом своеобразном умозаключении, «приеме выдвижения и последующего доказательства некоторого положения»¹¹. Эти два момента не следует смешивать друг с другом, но они составляют содержание основных элементов логической структуры любой научной гипотезы, компоненты которой обоснованы А. А. Старченко¹².

Следуя ей, на основе уже имеющихся данных настоящей публикации мы с необходимостью придем к выдвижению гипотезы частной теории криминалистических операций досудебного производства.

Факт и сущность при ближайшем рассмотрении их содержания представляют собой определенную систему правил (требований), обращенных к следо-

вателю и предназначенных для достижения понимания им непознанного в расследовании преступления путем использования соответствующих способов.

Проведенное теоретическое обоснование факта и гипотезы на основе привязки этих научных категорий к положениям теории криминалистических операций, на наш взгляд, позволяет конкретно и целенаправленно разрабатывать прикладную часть указанной теории в соответствии с пониманием того, что криминалистические операции являются специальным методом познания преступной деятельности посредством уголовного расследования. Это обстоятельство позволяет разрабатывать типичные криминалистические операции на основе их общей привязки к понятию метода, научной категории, достаточно полно исследованной в науке. Если этот подход будет унифицирован, то сама по себе утратит назначение многолетняя дискуссия о том, что собой представляют криминалистические операции как криминалистическое понятие. Иными словами, правильное использование научной методологии в криминалистических исследованиях позволит в значительной степени сократить число споров о содержании криминалистических терминов и понятий, что в свою очередь только оптимизирует в правоприменении научно-практические криминалистические рекомендации.

¹ Кириллов В. И. Логика познания сущности. М., 1980. С. 152.

² Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. М., 1973. С. 126.

³ Логика научного исследования. М., 1965. С. 16.

⁴ Хавеман Р. Замечания к квантово-механической дополнителности // Вопросы философии. 1958. № 12. С. 121.

⁵ Бор Н. Атомная физика и человеческое познание. М., 1961. С. 114.

⁶ См.: Диалектика процесса познания / под ред. М. Н. Алексеева, А. В. Коршунова. М., 1985. С. 146.

⁷ Логика научного исследования. С. 54.

⁸ Там же. С. 54–55.

⁹ Там же. С. 55.

¹⁰ См.: Старченко А. А. Гипотеза. Судебная версия. М., 1962. С. 3.

¹¹ Баженов Л. Б. Основные вопросы теории гипотезы. М., 1961. С. 34.

¹² См.: Там же. С. 38.

*Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова*

Комаров И. М., доктор юридических
наук, профессор, заведующий кафедрой
криминалистики

E-mail: mgu.ikomarov@mail.ru

*Moscow State University
named after M. V. Lomonosov*

Komarov I. M., Doctor of Legal Sciences,
Professor, Head of the Department
of Criminology

E-mail: mgu.ikomarov@mail.ru

Е. Л. Комбарова

*Центральный филиал Российского государственного университета правосудия***ТАКТИКА СУДА: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУЩНОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ**

А н н о т а ц и я: *исследуются проблемные аспекты установления сущности такой криминалистической категории, как тактика суда. Отмечается факультативность тактической составляющей судебной деятельности. Обосновывается отсутствие тенденциозной направленности судебной тактики. Поддерживается тезис о необходимости формирования особой группы тактических приемов, именуемых исследовательскими.*

К л ю ч е в ы е с л о в а: *тактика суда, исследовательские тактические приемы, целеполагание судебной деятельности, тактический прием, воспрепятствование, противодействие.*

TACTICS COURT: THE PROBLEM OF DETERMINING THE NATURE OF THE CRIME CATEGORY

A b s t r a c t: *the article examines the problematic aspects of establishing the essence of such a forensic category as the tactics of the court. It is noted that the tactical component of judicial activity is optional. Explains the absence of a biased orientation of trial tactics. Supported by the thesis of the need to form a special group of tactics called research.*

К e y w o r d s: *court tactics, research tactics, goal-setting of judicial activity, tactical reception, obstruction, counteraction.*

Поступила в редакцию 20 июня 2020 г.

В современной криминалистике существует два основных подхода к определению сущности криминалистической тактики. В рамках первого подхода под криминалистической тактикой понимается система рекомендаций, направленных на осуществление организации и планирования деятельности участников процесса, определение наиболее эффективных способов их действий, выбор максимально целесообразных линий поведения субъектов доказывания в различных ситуациях¹.

Приверженцы *второго подхода* к определению сущности криминалистической тактики трактуют тактику не

только как совокупность наиболее эффективных действий и выбор целесообразных линий поведения, реализуемых субъектами уголовного процесса в рамках своих процессуальных функций для достижения своих целей. Авторы указывают на необходимость учета *специфических условий* реализации своей деятельности участниками уголовного судопроизводства и полагают, что тактика имеет место лишь при наличии *противодействия интересам субъекта*².

Второй подход нам кажется наиболее верно отражающим сущность криминалистической тактики и ее отличие от других категорий криминалистики. Однако мы считаем, что при осуществлении уголовно-процессуального познания такти-

ка субъекта имеет место при наличии не только противодействия как умышленного акта человеческой воли, но и при действии *иных факторов, препятствующих реализации целей субъекта* (например, неумышленное искажение информации, ее неверная интерпретация).

Потому, на наш взгляд, сущностная природа тактической деятельности обусловлена тремя составляющими: 1) наличием целеполагания субъекта криминалистической тактики; 2) существованием препятствий для реализации целей субъекта тактики (выступающих в различных формах – форме противодействия или иной); 3) существованием усмотрения субъекта тактики, предопределяющим возможность выбора решения из нескольких альтернатив.

Однако содержание отдельных вышеуказанных элементов криминалистической тактики применительно к такому субъекту уголовного процесса, как суд, далеко неоднозначно.

Определяющей составляющей тактики является *целеполагание субъекта*, реализующего соответствующие тактические рекомендации. При этом необходимо учитывать, что основным вектором деятельности любого субъекта доказывания, и в первую очередь суда, является целеполагание уголовного судопроизводства.

В настоящее время возможно констатировать наличие множества концепций, характеризующих целеполагание уголовного процесса, основные направления уголовно-процессуальной политики.

Выделяется ряд основных стратегий развития уголовно-процессуального законодательства, направленных на реализацию как частных, так и публичных интересов: восстановление социальной справедливости; защита прав и свобод личности; изобличение лиц, виновных

в совершении общественно опасных деяний, определение степени их вины и применение к ним справедливых наказаний или иных предусмотренных законом мер воздействия; социальная поддержка потерпевшего и обвиняемого; рациональность и эффективность уголовного судопроизводства³.

Уголовное же судопроизводство, реализуемое мировыми судьями, на наш взгляд, помимо реализации всех вышеперечисленных целей, должно быть ориентировано на оперативность и примирение сторон (прежде всего, при разрешении уголовных дел частного обвинения).

При этом, с одной стороны, разноплановые концепции назначения уголовного судопроизводства, как верно отмечается учеными, дополняют друг друга, дают возможность государству дифференцированно воздействовать на преступность, определяя последовательность использования данных стратегий, их интенсивность, сферу реализации⁴. Именно плюрализм целеполагания современного уголовного судопроизводства обусловил *дифференциацию уголовно-процессуальной формы* производства по уголовным делам, нашедшую свое выражение в функционировании различных форм судебных производств, регламентированных, в частности, главами 40, 40.1, 51.1 УПК РФ.

Однако вместе с тем указанное многообразие целей судебной деятельности порождает определенные сложности гносеологической деятельности суда, ибо зачастую затруднительно одновременно обеспечить рациональность, экономичность процесса и полноценную защиту прав личности или же совместить такие цели процесса, как примирение сторон и оперативность судопроизводства.

Также необходимо учитывать, что кроме вышеуказанных *социально ориен-*

тированных и, скажем так, экономически обоснованных концепций целеполагания современного уголовного процесса необходимо учитывать и *гносеологические* аспекты уголовно-процессуального познания исследуемого события, определяющие наличие концепции объективной истины (достоверности исследования обстоятельств дела) и концепции справедливости итоговых решений по делу⁵ как важнейшего целеполагания уголовного судопроизводства.

Дифференцированные уголовно-процессуальные формы судебных производств оказывают специфическое влияние на особенности деятельности суда, в первую очередь предопределяя **факультативность** тактической составляющей судебной деятельности, ибо **тактические действия суда в рамках состязательного уголовного процесса, на наш взгляд, могут быть инициированы лишь при наличии очевидного гносеологического или организационного воспрепятствования познанию судом обстоятельств происшедшего события**. Если же препятствия уголовно-процессуальному познанию суда не носят очевидный характер, а являются лишь *предположительными, потенциально возможными*, суд не вправе совершать какие-либо действия по устранению этих факторов, ибо в данном случае он выйдет за пределы своей компетенции и утратит объективность.

Только стороны могут выстраивать тактическую линию доказывания с учетом потенциальных препятствий их деятельности, но в любом случае используемые при этом тактические рекомендации должны отвечать требованиям этичности и законности.

Однако, к сожалению, не всегда требования о правомерности тактических приемов учитываются в криминалисти-

ческой литературе. Например, некоторые авторы для преодоления возможного противодействия судебному разбирательству предлагают участникам процесса использовать тактический прием, именуемый ими **«упреждающая дискредитация участников судебного процесса»** (!!!), что, по их мнению, должно способствовать вынесению судом законного, объективного и справедливого решения⁶ (!). Полагаем, что любые комментарии здесь излишни!

Очевидное же воспрепятствование познавательной деятельности суда имеет место далеко не во всех формах судебных производств.

Так, например, особый порядок разрешения уголовного дела при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением характеризуется единством позиций сторон обвинения и защиты и, соответственно, отсутствием организационных и гносеологических противоречий в представляемой суду доказательственной информации. Значит, отсутствует необходимость и в тактике суда (но бывают и исключения, когда деятельность суда при разрешении уголовных дел в особом порядке приобретает тактический характер, в первую очередь на стадии подготовки дела к судебному заседанию, при очевидном наличии имеющихся в деле противоречивых доказательств).

Преимущественно тактическая деятельность суда имеет место при разрешении уголовных дел в *общем порядке*, но не всегда, а только когда: 1) стороны обвинения и защиты по-разному, часто прямо противоположно характеризуют факты и обстоятельства, подлежащие выяснению; 2) фигурирующей в деле доказательственной информации, по мнению суда, недостаточно для объяснения анализируемого события. В данных ситуациях очевидна необходимость устра-

нения этих очевидных препятствий процессу познания объективной истины, в том числе судом.

В иных случаях отпадает надобность в использовании судьей различных тактических приемов, ибо принцип состязательности уголовного процесса предполагает активную роль в доказывании в первую очередь сторон обвинения и защиты.

Таким образом, *тактическая составляющая является факультативным, а не обязательным элементом судебной деятельности*, однако при указанных выше условиях она имеет место. Потому стоит острая необходимость в формировании и совершенствовании эффективных тактических приемов, адресованных суду и направленных на установление достоверных обстоятельств преступления.

Вместе с тем признание суда субъектом криминалистической тактики порождает ряд вопросов относительно объектов, пределов и методов (приемов) тактического воздействия судьи.

Законодатель предоставляет возможность суду инициировать и осуществлять судебные действия следственного характера, принимать различные процессуальные решения. Но существует мнение, что активность суда может повлечь восполнение недостатков предварительного расследования, а в процессе формирования доказательств деятельность суда, в нарушение принципа состязательности, принимает обвинительный или оправдательный уклон, ибо неизбежно влечет появление доказательств, подтверждающих либо обвинение, либо позицию защиты⁷.

Мы не согласны с данной позицией.

Процесс познания неизбежно связан с появлением в деле разноплановой доказательственной информации. Однако выражаем солидарность с мнением многих исследователей об изначальной

некорректности деления доказательств на обвинительные и оправдательные. Как верно отмечает Е. Брянская, доказательство, первоначально отнесенное к обвинительным, впоследствии может оказаться оправдательным; многие доказательства до вынесения решения суда являются нейтральными, в том числе и признательные показания подсудимого (в силу презумпции невиновности)⁸.

Оценка судом доказательств как обвинительного или оправдательного возможна лишь после исследования *всей совокупности* имеющихся в деле доказательств уже непосредственно в процессе вынесения судебного решения, а сам процесс *формирования* доказательств судом характеризует деятельность, связанную с *познанием* обстоятельств исследуемого события, реализуемую *при условии соблюдения объективного и беспристрастного подхода* судьи к получению доказательственной информации, что, собственно, и требует разработки специфических тактических приемов судебной деятельности.

Все доказательства, подлежащие формированию и исследованию в судебном заседании, *до вынесения окончательного решения должны иметь статус нейтральных для суда*. На этом этапе доказательственной информации не может быть присвоен ярлык обвинительной, оправдательной или ошибочной.

Формируя доказательства, суд *не осуществляет деятельность, направленную на восполнение недостатков предварительного расследования*.

Процессуальные нарушения следователя достаточно очевидны и являются либо основанием для возвращения дела прокурору (как правило, на стадии подготовки уголовных дел к судебному разбирательству), либо в отдельных случаях устраняются непосредственно в судебном

заседании. Но в этом случае имеет место организационная деятельность суда, направленная на устранение препятствий для судебного рассмотрения дела.

Что касается содержательных, фактологических нарушений, то следует учесть, что суд в процессе судебного разбирательства не может исправлять фактические ошибки следователя, это прямое нарушение принципа состязательности. И хотя встречаются научные работы, посвященные проблеме устранения судом ошибок следователя⁹, думается, сама постановка проблемы в такой форме не приемлема.

Каждый субъект, осуществляющий уголовно-процессуальное доказывание, имеет свое представление о степени достоверности и достаточности доказательств, необходимых для установления виновности лица в совершении преступления. Следователь, направив уголовное дело по обвинению конкретного лица (лиц) в совершении преступления в суд, представил *свое видение* обстоятельств исследуемого события, оценивая доказательства по своему внутреннему убеждению, будучи наделен свободой усмотрения. *А у суда, в свою очередь, имеется свое представление* о должной степени доказанности тех или иных событий, собственно и обуславливающее необходимость формирования новых доказательств. Потому говорить *непосредственно в период судебного разбирательства* о том, что в материалах дела имеются фактические следственные ошибки, влекущие неполноту или недостоверность данных, *неправомерно*.

Конечно, в первую очередь существенное различие видения событий в представлении суда и иных субъектов доказывания обусловлено именно некачественной профессиональной деятельностью субъектов доказывания, однако ошибками непосредственно *в период раз-*

решения дела по существу судом первой, а при необходимости и иных инстанций, сомнительные доказательства быть признаны пока не могут. При этом опять-таки видение обстоятельств события судами разных инстанций может быть различно, что также обусловит специфику признания информации неполной или недостоверной.

Ошибками доказательственные сведения, представленные суду следователем, могут быть признаны только *после вступления судебного решения в законную силу*. Лишь с этого момента доказательственная информация приобретет характер недостоверной, поскольку только по вступлении приговора в законную силу факты и обстоятельства презюмируются как истинные.

Причины же противоречивости и неполноты исследуемых в суде доказательств могут быть весьма различны, и именно они являются детерминантами тактики суда.

К их числу следует отнести:

1) непредумышленные искажения при восприятии или передаче доказательственной информации участниками процесса (например, свидетелем, потерпевшим);

2) субъективизм следователя при осуществлении сбора, исследования и оценки доказательств, приведший к формированию «ущербной» доказательственной базы;

3) неверную интерпретацию доказательств сторонами защиты или обвинения;

4) злоупотребление правами участниками процесса, влияющими на качество доказательственной информации;

5) умышленное противодействие уголовно-процессуальному познанию судом исследуемого события со стороны самого широкого круга лиц (в научной литературе выделяют внутреннее и внешнее

противодействие как процессу расследования, так и судебной деятельности, осуществляемое как непосредственно самими участниками процесса, так и лицами «извне»).

Суд, видя сомнительный для него результат доказывания и воздействуя на информационные процессы с целью получения достоверных сведений, **не знает точных причин** искажения и (или) **неполноты информации. Соответственно, и тактическая деятельность судьи изначально не может являться тенденциозной, она не направлена против какого-либо конкретно определенного субъекта ввиду множества потенциальных факторов, влекущих сомнительность доказательственной информации.**

Причинами, влияющими на неполноту или искажение информации, могут являться, например, некачественный осмотр места происшествия, итогом которого явилось неверное установление ряда фактов и обстоятельств; неверная интерпретация фактов адвокатом-защитником или государственным обвинителем; забывчивость свидетеля и т. д.

Часто может иметь место и целый комплекс вышеуказанных факторов, в своем взаимодействии обусловивший исследование судом спорной или сомнительной доказательственной информации.

Предположительный характер объяснения их возникновения, обуславливающий распространение сферы тактического воздействия суда на достаточно широкий, даже, возможно, неопределенный, круг лиц, делает деятельность суда правомерной, свободной от обвинительного или защитительного уклона.

При этом **непосредственное тактическое воздействие суда в силу его особого статуса, обуславливающего беспристрастность исследовательской дея-**

тельности, направлено не на конкретный субъект, а на искаженную (либо представляющуюся суду таковой) либо неполную (по мнению суда) доказательственную информацию с целью ее трансформации в полную и достоверную. Это основная цель объективной судебной деятельности, а неизбежно осуществляемое при этом воздействие на конкретных субъектов при исследовании доказательств является лишь средством для достижения данной цели, используемым в рамках реализации судом функции правосудия.

Именно в этом, на наш взгляд, основное концептуальное отличие тактики суда от тактической деятельности следователя, реализуемой в рамках функции уголовного преследования и прямо предполагающей правомерность осуществления непосредственного тактического воздействия именно на **конкретный субъект (прежде всего, подозреваемого или обвиняемого)**, поиск доказательств его виновности в рамках проверки соответствующей криминалистической версии.

Соответственно, различия криминалистической тактики суда и следователя, предопределяемые различием статуса и функций данных субъектов в сфере уголовного судопроизводства, влекут необходимость разработки особой категории тактических приемов, которые позволили бы обеспечить допустимость тактического воздействия суда на доказательственную информацию и эффективность реализации такового.

Считаем необходимым формирование специальных тактических приемов, именуемых **исследовательскими**¹⁰, применительно именно к такому субъекту, как суд.

Границы между поисковой и исследовательской деятельностью субъектов доказывания должны быть выявлены и положены в основу классификации так-

тических приемов суда, определения их сущностного содержания и правомерно-сти применения.

Данная задача весьма непростая по многим основаниям.

Среди процессуалистов отсутствует единство взглядов на сущностное содержание функции уголовного преследования, в частности, дискуссионны вопросы о соотношении уголовного преследования и обвинения, временных границах начала и окончания следственной деятельности, связанной с осуществлением уголовного преследования, ведутся активные споры о специфике деятельности следователя в рамках этой функции.

В равной степени сложен вопрос и о содержании функции правосудия (разрешения дела по существу), и об алгоритмах деятельности судьи в рамках данной функции: во-первых, неоднозначны позиции ученых относительно степени должной активности суда в установлении обстоятельств исследуемого события в свете главенствующего принципа состязательности уголовного процесса; во-вторых, многие исследователи, не выделяя в качестве самостоятельной функции функцию судебного контроля за предварительным расследованием, включают данную деятельность в структуру функции правосудия, что порождает дополнительные трудности, связанные с определением гносеологической составляющей судебной деятельности и необходимых тактических приемов ее реализации.

Помимо коллизий процессуальных, самую большую сложность при осуществлении тактической деятельности суда представляют собой трудности *психологического плана*, сопряженные с большой степенью вероятности возникновения судейского предубеждения относительно характера и степени доказанности фактов и обстоятельств исследуемого события, что в дальнейшем может воспрепят-

ствовать вынесению объективного, законного и справедливого судебного решения.

Потому, безусловно, в состязательном уголовном процессе тактика суда – отнюдь не позитивное явление, ибо ее наличие практически во всех случаях обусловлено слабостью доказательственной деятельности профессиональных участников уголовного судопроизводства, не умеющих должным образом аргументировать свои позиции и осуществить на высоком уровне процесс доказывания. В идеале **суд субъектом криминалистической тактики являться не должен.**

Но субъективизм субъектов доказывания, их, к сожалению, часто имеющая место некомпетентность, а также непредумышленное воспрепятствование или умышленное противодействие познанию достоверных обстоятельств события со стороны участников процесса вынуждают суд в необходимых случаях (при наличии в деле неполной или противоречивой доказательственной информации) являться субъектом, реализующим тактико-криминалистические рекомендации с целью познания достоверных обстоятельств исследуемого события.

При этом неочевидность *причин* искажения или неполноты доказательств сопряжена, как правило, с неясностью *конечного результата многих проверочных процессуальных действий суда* (ибо нельзя знать заранее результаты повторной или дополнительной экспертизы, судебного эксперимента, повторного обыска и иных объективных (при их надлежащей организации) познавательных и достоверных судебных действий, влекущих получение судом новой доказательственной информации. Эти факторы являются определенным гарантом объективности судебной деятельности, обуславливая возможность причис-

ления суда к субъектам криминалистической тактики.

Потому основная задача криминалистики суда – разработка особых специфических исследовательских приемов, которые бы позволили суду принимать процессуальные решения и осуществлять судебные действия исключительно

но в рамках принципа состязательности, обеспечить полноту и объективность судебного исследования преступления.

Только в этом случае суд сможет надлежащим образом реализовать цели уголовного судопроизводства, служа гарантом защиты прав, свобод и законных интересов граждан, общества и государства.

¹ См.: *Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р.* Криминалистика : учебник для вузов / под ред. Р. С. Белкина. 2 изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 453 ; *Возгрин И. А.* Криминалистическая тактика : понятие и предмет исследования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 1999. № 1. С. 47–50 ; *Криминалистика : учебник для бакалавров / отв. ред. Е. П. Ищенко.* М., 2015. С. 173 ; *Центров Е. Е.* Парадигма криминалистической тактики и ее основные понятия // Современная криминалистика : проблемы, тенденции, перспективы : материалы Международной научно-практической конференции, посвящ. 90-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки РФ, заслуженного юриста РСФСР, доктора юридических наук, профессора Н. П. Яблокова. Москва, 22 декабря 2015 г. М., 2015. С. 318.

² См.: *Баев О. Я.* Понятие криминалистической тактики, ее научные основы и система // Избранные работы : в 2 т. Т. 1. Воронеж, 2011 ; *Бахин В. П.* Понятие, сущность и содержание криминалистической тактики. Киев, 1999 ; *Гавло В. К., Жегалов Е. А.* Тактика и методика судебного следствия // Известия Алтайского государственного университета. 2004. № 2. С. 64–71.

³ См.: *Гарунова М. Н.* Роль суда в борьбе с преступностью : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2005 ; *Михайловская И. Б.* Права личности – новый приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Российская юстиция. 2002. № 7 ; *Ее же.* Социальное назначение уголовной юстиции и цель уголовного процесса // Государство и право. 2005. № 5. С. 111–118 ; *Наумов А.* Суд как орган борьбы с преступностью, а прокуратура как институт общего надзора // Российская юстиция. 2002. № 1 ; *Попов А. П.* Целеполагание в современном отечественном уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2006 ; *Стойко Н. Г.* Стратегии уголовного процесса и их совместимость // Российский следователь. 2006. № 4. С. 12–15.

⁴ См.: *Стойко Н. Г.* Стратегии уголовного процесса и их совместимость // Российский следователь. 2006. № 4. С. 12–15.

⁵ См.: *Азаров В. А.* Действительно ли объективная истина – цель доказывания в уголовном судопроизводстве? // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4 ; *Гладышева О. В.* Цель доказывания суда в справедливом уголовном процессе // Проблемы в российской законодательстве. Юридический журнал. 2008. № 1.

⁶ См.: *Меретуков Г. М., Аутлев Ш. В.* Противодействие судебному следствию и меры его преодоления в различных судебных ситуациях // Научный журнал КубГАУ. 2011. № 66 (02).

⁷ См.: *Карякин Е. А.* Теоретические и практические проблемы формирования истины по уголовному делу в суде первой инстанции. М., 2009 ; *Лазарева В. А.* Состязательность и доказывание в уголовном процессе // Уголовное право. 2007. № 3 ; *Лупинская П. А.* Доказательства и доказывание в новом уголовном процессе // Российская юстиция. 2002. № 7 ; *Михайловская И. Б.* Права личности – новый приоритет

Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Российская юстиция. 2002. № 7.

⁸ См.: *Брянская Е. В.* Понятие и виды доказательств в уголовном судопроизводстве // Сибирский юридический вестник. 2013. № 4. С. 91.

⁹ См.: *Колесников В. А.* Устранение судом следственных ошибок в уголовном судопроизводстве // Российское право : история, современность и тенденции развития. Оренбург, 2017 ; *Пучковская М. Е.* Следственные ошибки и пути их устранения судом на отдельных стадиях уголовного судопроизводства. Красноярск, 2006 ; *Свиридов М. К.* Устранение судом следственных ошибок в судебном разбирательстве // Вестник Томского государственного университета. Сер.: Право. 2015. № 2 (16).

¹⁰ См.: *Князьков А. С.* Классификации тактических приемов как «проблемное поле» криминалистической тактики // Вестник Томского государственного университета. Сер.: Право. 2012. № 3 (5).

*Центральный филиал Российского
государственного университета правосудия*

Комбарова Е. Л., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики

E-mail: kombarova.elena.80@mail.ru
Tel.: 8-950-768-77-80

*The Central Branch of the Russian State
University of Justice*

Kombarova E. L., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Judicial Expertise and Criminalistics Department

E-mail: kombarova.elena.80@mail.ru
Tel.: 8-950-768-77-80

Л. Б. Краснова

Воронежский государственный университет

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ ДЛЯ БЕСКОНТАКТНОГО СБЫТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

А н н о т а ц и я: рассмотрены криминалистические особенности и наиболее распространенные способы использования информационно-телекоммуникационных сетей для бесконтактного сбыта наркотических средств, их основные элементы, дана их краткая характеристика.

К л ю ч е в ы е с л о в а: бесконтактный сбыт наркотических средств, информационные технологии, информационно-телекоммуникационные сети, расследование.

FORENSIC FEATURES OF THE USE TELECOMMUNICATION NETWORKS FOR THE CONTACTLESS SALE OF DRUGS

A b s t r a c t: the article is devoted to the consideration of the forensic features of the use telecommunication networks for the contactless sale of narcotic drugs, the most common methods of using telecommunication networks for the contactless sale of narcotic drugs are considered, its main elements are given, their brief description is given.

Key words: contactless sale of narcotic drugs, telecommunication networks, information technology, investigation.

Поступила в редакцию 5 июня 2020 г.

В последние годы развитие информационных технологий оказало значительное влияние на способы и механизм совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом психотропных и наркотических средств.

Распространение наркотических средств традиционным контактным способом стало встречаться гораздо реже, чем с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей: сотовой связи, электронной почты, социальных сетей, интернет-магазинов с использованием электронных платежных систем.

«В общем виде бесконтактный способ заключается в том, что преступники ищут клиентов путем размещения объявлений. Покупатели оплачивают наркотики через электронные платежные системы, а их получение осуществляется через тайники. В результате такого способа не происходит непосредственного личного контакта между сбытчиком и приобретателем наркотиков. В связи с этим увеличился не только масштаб территории совершения таких преступлений, но и их количество»¹.

Появление дистанционного или бесконтактного способа, на наш взгляд, связано, во-первых, с широким распространением, доступностью и легкостью использования сети Интернет, что, в свою

© Краснова Л. Б., 2020

очередь, дает возможность быстрого поиска продавцов и покупателей наркотических средств.

Преступники используют возможности Интернета для поиска наркопотребителей, оказания информационного воздействия на них, для противодействия правоохранительным органам. Так, в социальных сетях существуют специальные форумы, «темы которых посвящены употреблению и эффективным способам распространения наркотических средств, на которых происходит обмен опытом среди наркозависимых лиц по вопросам совершенствования способов производства, культивирования, приема наркотических средств, организации новых мест приобретения, а также правилах поведения в случае задержания сотрудниками правоохранительных органов»². Причем для этого не нужно обладать какими-либо мощными электронными ресурсами. Более того, при наличии начальных знаний и навыков программирования можно организовать осуществление этих действий в автоматическом режиме.

Например, можно запрограммировать компьютер для выполнения такого действия, как отправка сообщения по электронной почте в определенное время. Этот процесс называется планированием событий и не требует вообще никаких навыков программирования. Это простая функция операционной системы.

И, следовательно, если ранее, характеризуя личность преступника, совершающего преступления с использованием информационных технологий, в том числе и рассматриваемой категории, отмечали, что это лица, обладающие достаточно глубокими специальными знаниями в области информационных технологий и имеющие доступ к профессиональному компьютерному оборудованию, то на данный момент ситуация существенно

изменилась: «обычно это молодые люди в возрасте 18–28 лет. Они имеют среднее техническое, высшее или незаконченное высшее образование. Многие из них имеют познания в области компьютерной техники и информационных технологий, а также активно используют их, например, при создании и обслуживании интернет-сайтов с объявлениями о продаже наркотиков. Рассматриваемые преступники ориентируются в отдельных финансовых операциях, например, особенностях движения денежных средств по счетам, вкладам в банковской системе, возможностях системы безналичного расчета через электронные системы оплаты»³. То есть современные информационные технологии значительно упростили процесс сбыта наркотических средств, давая возможность сложные систематически повторяющиеся действия осуществлять одному человеку, имеющему минимальные электронные ресурсы и специальные знания.

При этом электронная техника создает и непрерывно ведет запись всех производимых с ней действий, сохраняя адреса веб-сайтов, которые просматривал пользователь, какие документы или изображения были загружены или отредактированы, какие использовались приложения, время и продолжительность этих действий, координаты нахождения и перемещения устройства. Таким образом, любые действия пользователя оставляют следы в виде цифровой информации, которые впоследствии могут выступать в качестве источника доказательств по данному делу. И на данный момент электронная техника является, на наш взгляд, самым информативным источником сведений о его владельце и его активности в цифровой среде.

Во-вторых, современные информационные технологии обладают весьма

сложной и разветвленной инфраструктурой.

Физически электронная информация может быть расположена как в памяти самого электронного устройства, так и в любой точке мира. Фактически такая информация может быть получена как из мобильных устройств (телефонов, компьютеров, ноутбуков, GPS и т. д.), так и с серверов, которые предоставляют услуги через Интернет, которые часто регистрируют IP-адреса и другую информацию о своих клиентах и их действиях. Эти серверы могут быть расположены в разных странах, с разными национальными законами. Традиционное хранение информации в виде письменных документов или на каком-либо ином материальном носителе всегда позволяло точно определить, где именно находятся те или иные сведения. То есть рассматривать электронные устройства как обычные предметы невозможно, так как традиционно юридическая наука и практика всегда исходили из того, что объект материального мира содержит лишь те сведения, которые хранит в себе, в то время как электронные устройства могут предоставлять информацию, физически хранимую в иных местах. И таких мест может быть достаточно много. В связи с этим поиск интересующей следствие информации должен осуществляться как на электронных устройствах подозреваемого или обвиняемого, так и на других связанных с ними электронных устройствах, хранящих информацию, например, серверах провайдеров. При этом все эти носители информации обладают способностью хранить огромный объем информации, требующий для исследования значительного времени.

Кроме того, при бесконтактном способе распространения наркотических средств используются не только компьютеры, но и иные устройства (смартфоны,

планшеты и т. д.), также имеющие свои особенности функционирования, что, на наш взгляд, исключает формулирование конкретных рекомендаций по поиску и фиксации относимой к делу информации.

В-третьих, наиболее существенной, по нашему мнению, криминалистической особенностью данных преступлений является высокий уровень анонимности осуществляемых действий, достигаемый в первую очередь за счет использования для коммуникации электронных средств общения, минующих операторов связи. К ним относятся такие программные средства, как «Viber», «Skype», «WhatsApp», анонимный браузер Tor. Для осуществления финансовой связи при данном способе совершения преступлений используются электронные платежные системы, такие как WebMoney, «Yandex-деньги», QIWI, PayPal и т. д. При этом возможность контроля указанных каналов связи и платежных систем как технически, так и организационно у правоохранительных органов крайне низкая.

Другой составляющей сокрытия этого вида преступной деятельности является то, что используемая при бесконтактном способе распространения наркотических средств электронная техника и программные средства, действительно, как было сказано выше, в силу особенностей функционирования создает и непрерывно ведет журналы действий пользователя. Однако при этом идентификация истинного автора этих действий является достаточно трудной задачей. Действительно, возможно определить владельца электронного устройства и производимые на нем действия, но сама электронная информация не содержит данных о том, кто или что непосредственно ее произвели, т. е. установление лица, непосредственно производившего эти дей-

ствия, является не только задачей специалистов в области высоких технологий в рамках компьютерно-технической экспертизы, но и специалистов в области автотореведения, дактилоскопии, речеведения и т. д.

Однако и здесь возникают определенные сложности. В качестве способа общения в основном используется письменный способ, что не дает возможность «прослушивать телефонные переговоры». Вместо данного оперативно-розыскного мероприятия стало осуществляться другое – «снятие информации с технических каналов связи». Но результаты данного мероприятия нередко используются лишь в оперативных целях и не применяются в качестве доказательств по уголовным делам, поскольку не содержат таких важных криминали-

стических следов, как, например, голос человека, который может быть идентифицирован в рамках судебной фоноскопической экспертизы⁴.

В заключение необходимо отметить, что принципы, на которых основано функционирование электронных устройств, обуславливают криминалистические особенности бесконтактного способа распространения наркотических средств, что в условиях постоянного развития технических средств и появления новых технологий хранения, воспроизведения и передачи информации требует постоянного повышения технической подготовленности работников следственных подразделений, совершенствования криминалистических приемов и способов выявления и расследования преступлений, связанных с бесконтактным сбытом наркотических средств.

¹ Поляков В. В., Кондратьев М. В. Криминалистические особенности бесконтактного способа совершения наркопреступлений // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 2 (86). Т. 1. С. 83.

² Тимофеев С. В. Использование информационно-телекоммуникационных технологий при бесконтактном сбыте наркотических средств : проблемы противодействия и пути решения // Криминалистика : вчера, сегодня, завтра. 2018. № 4 (8). С. 81.

³ Поляков В. В., Кондратьев М. В. Указ. соч. С. 84.

⁴ См.: Поляков В. В., Мананников А. С. Оперативно-розыскная деятельность в сети Интернет как средство предупреждения компьютерных преступлений // Алтайский юридический вестник. 2014. № 4. С. 44–47.

Воронежский государственный университет

Краснова Л. Б., кандидат юридических наук,
доцент кафедры криминалистики

E-mail: krasnovva@mail.ru

Voronezh State University

Krasnova L. B., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Criminalistics Department

E-mail: krasnovva@mail.ru

Т. Э. Кукарникова

Воронежский государственный университет

**ПРИМЕНЕНИЕ МОДЕЛИРОВАНИЯ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ
СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ**

Аннотация: статья посвящена проблеме использования метода моделирования в криминалистике. Применение моделирования к производству следственных действий рассмотрено на примере производства следственного эксперимента.

Ключевые слова: криминалистика, моделирование, следственные действия, следственный эксперимент.

**THE USE OF MODELING IN THE PRODUCTION
OF INVESTIGATIVE ACTIONS**

Abstract: the article is devoted to the problem of using the modeling method in the science of criminalistics. The application of modeling to the production of investigative actions is considered on the example of the production of an investigative experiment.

Key words: science of criminalistics, modeling, investigative actions, investigative experiment.

Поступила в редакцию 3 июня 2020 г.

Метод, применяемый любой наукой, в том числе и криминалистикой, – это способ познания материальной действительности. Поэтому методы, разрабатываемые и используемые криминалистикой, весьма разнообразны и включают в себя не только «чисто» криминалистические, но и методы других наук, в том числе математики. Наиболее востребованным криминалистикой математическим методом является моделирование (как математическое, так и мысленно-образное).

Моделирование в криминалистике представляется в роли значимого познавательного средства, которое помогает следователю с учетом ситуационных факторов решить целый комплекс определенных задач. Абстрактное мышление, снабженное определенной методологией и технологией, и есть, по сути дела, мо-

делирование, позволяющее с использованием некоторых воображаемых образов и объектов анализировать и проектировать окружающую нас реальность. Таким образом, метод моделирования применяется при отсутствии возможности исследовать сам объект. И с этой точки зрения, любое следственное действие, процесс решения любой следственной задачи можно представить как некоторую модель.

К примеру, при расследовании преступлений следователь, узнавая подробности случившегося, может воспроизвести мысленно модель обстоятельств в своем сознании. И чем больше следователь получает новой информации о расследуемом событии или о лице, подозреваемом в совершении преступления, тем более наполненной и истинной становится его мысленная модель. По мысленной модели следователь воссоздает последовательность действий, которая могла происходить при совершении

преступления. Она помогает проследить хронологию возникновения криминального события, разобраться в его сути и установить причастность лиц в совершенном преступлении¹.

Термин «модель» используется в связи с отношением между двумя системами, при котором одна из них (реальная) заменяется другой (моделирующей) с целью получения определенных преимуществ и возможностей в процессе исследования. Подобные отношения должны обеспечивать, с одной стороны, подобие в рассматриваемом на данной стадии аспекте исследования, а с другой стороны, максимальную степень независимости по отношению к нерассматриваемым аспектам.

Среди следственных действий наиболее ярким и характерным примером возникновения и существования описанных отношений является следственный эксперимент.

Следственный эксперимент – это следственное (судебное) действие, направленное на проверку имеющихся и получение новых доказательств. Ссылаясь на ст. 181 УПК РФ, многие авторы сводят сущность следственного эксперимента к воспроизведению действий, обстановки или иных событий². Воспроизвести означает возобновить, повторить в копии, воссоздать³. Как отмечает Н. Г. Сапожков, сущностью следственного эксперимента является не само воспроизведение отдельных событий и обстоятельств совершенного преступления, а экспериментальное исследование сходных по своему содержанию событий и обстоятельств в обстановке, сходной с той, в которой имели место подлинные события, т. е. производство опытов⁴.

Очевидно, что добиться полного сходства при создании условий протекания каких-либо процессов с теми ус-

ловиями, в которых эти процессы протекали ранее (а также действия, обстоятельства и т. п.), невозможно. Подобного мнения придерживается Р. С. Белкин, который пишет: «Нельзя воспроизвести положение потерпевшего и нападающего в момент совершения преступления, нельзя воспроизвести действия преступника на месте совершения преступления и т. п. Мы всегда будем иметь при этом дело с новым, иным событием, признаком. Поэтому следственный эксперимент заключается не в воспроизведении в буквальном смысле этого слова какого-либо явления или факта, а в совершении действий, сходных с исследуемыми. И обстановка, в которой совершаются эти действия, будет не той, в которой имело место подлинное событие, а лишь сходной с нею»⁵. Таким образом, следственный эксперимент требует моделирования той ситуации, в которой исследуемое событие происходило. Заметим, что хотя воспроизведенная обстановка и будет приближена к условиям, в которых совершено проверяемое действие, но при этом она не идеальна, что позволяет говорить о возможности, т. е. вероятности совершенного действия.

Следственный эксперимент проводится с целью проверки фактической возможности и особенностей осуществления определенного действия, события или явления в определенных условиях. В ходе следственного эксперимента следователь определяет место проведения, порядок и последовательность производства, условия эксперимента, содержание опытов, одним словом, руководит всем ходом следственного эксперимента. И от того, насколько точно следователю (дознавателю) удастся воспроизвести обстановку проверяемого события, в конечном итоге будет зависеть результат⁶.

Моделируя, воспроизводя соответствующие условия, следователь устанавливает:

1) имелась ли возможность видеть, различать и опознавать определенные предметы, их форму, цвет, размеры, частные признаки при данных условиях их удаленности, освещенности, угле зрения;

2) возможно ли совершить определенные действия при данных условиях;

3) возможно ли провести данное действие за определенное время;

4) имелась ли возможность слышать и различать определенные слова, звуки;

5) обладает ли данное лицо проверяемыми способностями, навыками и умениями⁷.

Сознавая сложность построения модели подобного рода, необходимо учитывать следующее.

Во-первых, суть моделирования как метода состоит в замене объекта оригинала соответствующей моделью, т. е. специально созданным аналогом, отражающим адекватно наиболее значимые для исследователя свойства и признаки объекта. Поэтому в любом случае модель не тождественна объекту, а является лишь его приближенным отражением. Сложность построения и исследования модели существенно зависит от сложности изучаемого объекта. Для приближения результата к точному важно при построении модели выбрать такие характеристики и взаимосвязи, которые являются наиболее существенными и определяющими для описания исследуемых систем.

Во-вторых, «построение модели предполагает от следователя мысленное создание предстоящей ситуации расследования, прогнозирование возможных вариантов ее развития. В дальнейшем от следователя предполагаются периодическое осмысление, анализ и оценка складывающейся об-

становки с целью правильной и полной реакции на ее модификации в виде соответствующих и своевременных тактических и процессуальных решений. Вполне очевидно, что на содержание модели влияют не только такие факторы, как полнота исходной информации и личность участников предстоящего действия, но и личные качества, знания и профессиональный опыт следователя. Модель не будет являться реальным предметом, но мысленной конструкцией «предстоящей, будущей» реальности⁸. С этих позиций моделирование следственного эксперимента можно отнести к имитационному моделированию⁹, так как речь идет о перспективном мысленном моделировании, предопределяющем возможность обоснованного предвидения дальнейшего развития сложившейся или складывающейся следственной ситуации.

В-третьих, следственный эксперимент всегда сопряжен с производством опытных действий и направлен на проверку имеющихся в деле доказательств или получение новых. Опытные действия вряд ли можно произвести на достаточно высоком уровне и получить нужные результаты без участия в них специалиста. Участвуя в этом следственном действии, специалист помогает следователю создать условия и обстановку, близкие к проверяемым, чтобы получить от производства следственного эксперимента более достоверные и полные данные. Он подготавливает и применяет технические средства, помогает в изготовлении экспериментальных образцов, слепков и отпечатков, а также в определении условий, в которых происходило проверяемое событие. Специалист помогает определить возможность слухового восприятия тех или иных звуков, выяснить возможности выполнения тем или иным лицом определенных действий на

указанных им условиях и т. д.¹⁰ Одним словом, деятельность специалиста при участии в производстве следственного эксперимента помогает следователю более точно и обоснованно с научной точки зрения проверить и оценить имеющиеся в деле доказательства, установить достоверные данные и отсеять ложные сведения об обстоятельствах события преступления и лице, его совершившем. Кроме того, иногда именно специалист может указать следователю на необходимость проведения следственного эксперимента. Например, по обнаруженной при обыске черновой записи химических формул специалист в области химии может доказать, что на изъятом при обыске оборудовании возможно осуществление производства синтетического наркотического средства не только теоретически, но и практически, т. е. путем проведения следственного эксперимента¹¹.

В-четвертых, в ряде случаев целесообразно привлекать специалиста в области психологии, так как моделирование субъективных факторов – основная сложность в проведении следственного эксперимента. Очевидно, что эффективность деятельности человека, особенности его поведения в значительной мере зависят от его психического состояния. Воспроизведение этих состояний во многих случаях невозможно. Так, в состоянии аффекта человек способен многократно увеличивать свои физические возможности. Экспериментальная проверка таких действий неосуществима. Присутствие многих людей также может повлиять на чистоту эксперимента: неизбежно возникновение эффекта социальной ингибиции – подавление активности индивида в присутствии других лиц¹².

Однако следственный эксперимент – это не только построение модели, но и, как отмечалось выше, постановка опы-

тов на этой модели, в результате которых происходит целенаправленное изучение модели исследуемого события в точно учитываемых условиях, когда имеется возможность следить за ходом изменения модели и активно воздействовать на нее путем изменения отдельных параметров, производить наблюдения и делать заключения, основанные на этих наблюдениях. Еще И. М. Лузгин в одной из первых работ, посвященных моделированию при производстве следственных действий, отмечал, что целью моделирования при производстве следственного эксперимента как раз и является воссоздание условия для производства опытов¹³. Причем только в результате их производства открываются возможности глубокого и всестороннего исследования интересующих следователя отдельных событий и обстоятельств, связанных с расследуемым преступлением, появляется возможность судить о том, могло ли иметь место проверяемое событие в определенных условиях или нет. Следователь определяет количество опытов, их содержание и при необходимости повторяет опыты. Неоднократное проведение одних и тех же опытов в процессе одного следственного эксперимента позволяет более тщательно изучить исследуемое явление, убедиться в том, что полученные результаты не являются случайными и что они достоверны¹⁴.

Наряду с этим повторные действия несут в себе эффект «научения». Повторно можно сделать то, что сразу не получалось. Повторные действия могут осуществляться значительно быстрее или медленнее, чем в первичных условиях. Замедление действий может быть связано с тем, что при проверке его действий человек берет под сознательный контроль и все то, что первоначально могло осуществляться на подсознательном, сте-

реотипном уровне, т. е. более ускоренно. Все это обуславливает необходимость вариативности проводимых опытов¹⁵.

Таким образом, многократность – первый принцип следственного эксперимента, а второй – вариативность, т. е. осуществление каждого последующего опыта в несколько измененных условиях.

Существует достаточно распространенное среди ученых мнение, что в результате проведения многократных, вариативных опытов следователь имеет возможность не только проверить возможность или невозможность наступления некоторого события, но и в ряде случаев получить новую доказательственную информацию по делу. Например, О. Я. Баев приводит в одной из своих работ¹⁶ пример, иллюстрирующий данный тезис.

У С. при его задержании по подозрению в совершении квартирной кражи изъяли связку ключей. В результате проведенного следственного эксперимента было установлено, что один из ключей, найденный у С., открывает замок двери квартиры, из которой совершена кража. Этот факт явился косвенным доказательством по делу, так как послужил средством установления интересующих следствие и суд обстоятельств и, в частности, позволил ответить на вопрос о том, как С. удалось проникнуть на место преступления.

Рассматривая данный пример, некоторые ученые отмечают, что «в нем путем следственного эксперимента было установлено доказательственное значение предмета (ключа), т. е. фактически получено новое вещественное дока-

зательство»¹⁷. Однако полагаем, что и в данном случае, и в любом другом примере следственного эксперимента нельзя вести разговор о получении нового вещественного доказательства. Речь, скорее, идет об оценке доказательственной информации, а вещественные доказательства (как в приведенном примере связка ключей) могут быть получены только при проведении следственных действий, специально на то направленных (осмотр места происшествия, обыск, выемка).

Данное следственное действие имеет высокую эффективность, и приходится только сожалеть о том, что значительная часть следователей редко его проводят при расследовании уголовных дел.

На примере такого следственного действия, как следственный эксперимент, становится очевидным, что метод моделирования может и должен широко применяться в криминалистике. При построении, проверке и оценке модели расследуемого события применительно к конкретной ситуации (ситуационной модели) следователь в большинстве случаев воспринимает и отражает в сознании значительно большую по объему информацию по сравнению с той, что фиксируется в протоколах и иных процессуальных документах. Соответственно, ситуационное и имитационное моделирование выступают как средство систематизации и синтеза информации о преступлении, поисков «пробелов» в знании о преступлении, а также как эффективное средство, помогающее в определении основных направлений расследования.

¹ См.: Старицына Е. Е., Толстолужинская Е. М. Значение мысленной криминалистической модели для расследования преступлений // Молодой ученый. 2019. № 49 (287). С. 418–420.

² См., напр.: Криминалистика : учебник / отв. ред. Н. П. Яблоков. М., 2005. С. 453–455 ; Уголовный процесс : учебник / под общ. ред. В. М. Лебедева. М., 2004. С. 392–393 ; Уголовный процесс : учебник / под ред. К. Ф. Гуценко. М. 2004. С. 348–349.

- ³ См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1987. С. 85.
- ⁴ См.: Сапожков Н. Г. О сущности следственного эксперимента и необходимости уточнения формулировки статьи 181 УПК РФ // Российский следователь. 2007. № 19.
- ⁵ См.: Белкин Р. С. Собираение, исследование и оценка доказательств, сущность и методы. М., 1966. С. 237; Белкин А. Р., Белкин Р. С. Эксперимент в уголовном судопроизводстве : метод. пособие. М., 1997. 154 с.
- ⁶ См.: Давыдов М. В. К вопросу о соотношении проверки показаний на месте и смежных с ней следственных действий (на примере следственного эксперимента и осмотра места происшествия) // Российский следователь. 2009. № 21. С. 2–3.
- ⁷ См.: Еникеев М. И. Психология проверки показаний на месте и следственного эксперимента // Юридическая психология. 2008. № 3.
- ⁸ Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Криминалистика : учебник / под ред. Р. С. Белкина. М., 1999. С. 469.
- ⁹ Имитационное моделирование можно определить как процесс конструирования модели реальной системы и постановки экспериментов на этой модели с целью либо понять поведение системы, либо оценить (в рамках ограничений, накладываемых некоторым критерием или совокупностью критериев) различные стратегии, обеспечивающие функционирование данной системы.
- ¹⁰ См.: Мамошин М. А. К вопросу об участии специалиста в отдельных следственных действиях // Эксперт-криминалист. 2010. № 1. С. 5–8.
- ¹¹ См.: Аленин А. П. Тактика следственного эксперимента по делам о незаконном обороте наркотических средств // Наркоконтроль. 2007. № 1.
- ¹² См.: Еникеев М. И. Указ. соч.
- ¹³ См.: Лузгин И. М. Моделирование при расследовании преступлений. М., 1981. С. 53.
- ¹⁴ См.: Белкин Р. С. Теория и практика следственного эксперимента. М., 1959. С. 99.
- ¹⁵ См.: Еникеев М. И. Указ. соч.
- ¹⁶ См.: Баев О. Я., Солодов Д. А. Производство следственных действий : криминалистический анализ УПК России, практика, рекомендации : практ. пособие. М., 2009. С. 133.
- ¹⁷ Белкин А. Р., Белкин Р. С. Указ. соч. С. 31.

Воронежский государственный университет

Кукарникова Т. Э., кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики

E-mail: tanya@law.vsu.ru

Voronezh State University

Kukarnikova T. E., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Criminalistics Department

E-mail: tanya@law.vsu.ru

Н. В. Олиндер

Тольяттинский государственный университет

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ЮРИДИЧЕСКАЯ» И «КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ» ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ ПЛАТЕЖНЫХ СИСТЕМ

А н н о т а ц и я: рассмотрены особенности юридической и криминалистической характеристики преступлений, совершенных с использованием платежных систем. Проанализированы основные элементы криминалистической характеристики преступлений, совершенных с использованием платежных систем. В частности, рассмотрены сведения об электронной платежной системе; обстоятельства совершения преступления (использование уязвимости системы, использование легальных реквизитов легального пользователя системы, взлом всей системы). Рассмотрена категория личность преступника (раскрыта авторская классификация членов преступной группы). Отдельное внимание уделено сведениям о следах преступлений (виртуальные/цифровые следы) и сведениям о потерпевшем. На основе проведенного анализа элементов криминалистической характеристики выделены взаимосвязи между ними.

К л ю ч е в ы е с л о в а: преступления, совершенные с использованием электронных платежных систем, криминалистическая классификация, криминалистическая характеристика, методика расследования преступлений.

ABOUT CORRELATION OF CONCEPTS LEGAL AND CRIMINALISTIC CHARACTERISTIC OF THE CRIMES COMMITTED WITH USE OF ELECTRONIC PAYMENT SYSTEMS

Abstract: the article deals with the features of legal and forensic characteristics of crimes committed using payment systems. The main elements of the criminalistic characteristics of crimes committed using payment systems are analyzed. In particular, considered: information about the electronic payment system; circumstances of crimes (time and place). Methods of Commission of crimes (use of vulnerability of system, use of legal requisites of the legal user of system, hacking of all system) are analyzed. The category of criminal personality is considered (the author's classification of members of a criminal group is revealed). Special attention is paid to information about the traces of crimes (virtual/digital traces) and information about the victim. On the basis of the analysis of the elements of forensic characteristics identified the relationship between them.

Key words: crimes committed with the use of electronic payment systems, forensic classification, forensic characteristics, methods of investigation of crimes.

Поступила в редакцию 10 июня 2020 г.

Для своевременного выявления, а также быстрого и полного расследования преступлений, совершенных с использованием электронных платежных систем, необходимо знать их характеристику. В литературе встречается как понятие криминалистической характеристики (в рамках частных методик расследования преступлений), так и понятие юридической характеристики. Предметные характеристики преступлений исследуются различными отраслями юридических знаний: уголовным правом, криминологией, криминалистикой, уголовным процессом и т. д. Например, криминалистическая характеристика представляет собой систему криминалистически значимых признаков преступлений, необходима для разработки эффективных методик расследования преступлений. Уголовно-правовая характеристика определяет состав преступления и необходима для правильной квалификации преступлений. Криминология изучает преступность как социальное явление, уголовный процесс с точки зрения сбора и анализа доказательств по делу. Можно предположить, что юридическая характеристика преступления – это совокупность всех возможных характеристик преступления. Анализ всех элементов системы юридической характеристики преступлений необходим с точки зрения комплексной оценки. Сущность юридической характеристики преступлений связана с предметом доказывания по уголовным делам. Таким образом, криминалистическая характеристика преступлений является составной частью юридической характеристики преступлений.

Статья 73 УПК РФ устанавливает перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу (предмет доказывания): событие преступления (время, место, способ и другие обстоя-

тельства); виновность лица, совершившего преступление; обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого; характер и размер вреда, причиненного преступлением; обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния; обстоятельства смягчающие и отягчающие наказание; обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности; обстоятельства, подтверждающие, что имущество, подлежащее конфискации, получено преступным путем. И именно эти обстоятельства рассматриваются в различных аспектах и в уголовно-правовой, и в криминалистической, и в криминологической характеристиках.

Анализ юридической характеристики преступлений, совершенных с использованием электронных платежных систем, необходимо начать с характеристики самих платежных систем.

В настоящее время количество преступлений, совершенных с использованием электронных платежных систем, растет. Более того, «стираются» границы применения платежных систем. Если раньше (2000–2012 гг.) можно было отграничить преступления, совершенные в банковской сфере, от преступлений, совершенных с использованием электронных платежных средств и систем: в первом случае действовали платежные системы банков (с иным механизмом переводов денег), во втором – электронные платежные системы, которые не всегда попадали под действие законодательства, то сейчас все платежные системы действуют по схожему механизму. Принятый в 2010 г. Федеральный закон «О национальной платежной системе» установил понятие платежной системы, особенности ее функционирования, оборот электронных средств. В настоящее время безналичные платежи использует боль-

шое количество взрослого населения страны, уходя от наличных расчетов. По данным Сбербанка России безналичные платежи граждан по сравнению с 2008 г. выросли в 10 раз. За последние 4 года рост безналичных операций по картам в России ускорился в среднем до 8 % в год. Доля карточных платежей в покупках гражданами товаров и услуг в 2017 г. составила 39 %, а в 2018 г. 51 %. Прием карт в России осуществляют 2,3 млн торговых терминалов в 1,6 млн торговых точках, на которые приходится 95 % всех расходов граждан (с учетом оплаты наличными). Если в конце 2000-х гг. безналичные расчеты были уделом самых крупных городов, то сейчас различия между территориями практически исчезли¹. Причем приведены только данные Сбербанка России. Технология действия электронных платежных систем одинакова как для банковского сектора, так и для электронных платежных систем (QIWI, ЯндексДеньги и т. д.). В некоторых случаях о «прототипах» платежных систем и платежных переводах мы можем говорить при «продаже» в социальных сетях так называемых «сетевых измерителей денег» – ОК, ВК, голоса и прочее. Можно смело говорить о понятии «виртуальная собственность», оборот и выкуп которой проходит также через платежные системы (более подробно данный вопрос рассмотрен в статье «Виртуальная собственность как элемент криминалистической характеристики преступлений, совершенных с использованием электронных платежных средств и систем»²).

Юридическая характеристика преступлений, совершенных с использованием электронных платежных систем, может быть представлена как система типичных признаков, образующихся под воздействием определенных причин, способствовавших их совершению, указыва-

ющих на следы преступления и имеющих состав преступления, согласно УК РФ. Отдельные характеристики преступлений являются отраслевыми и отражают отдельные свойства преступлений. Объединяющим началом этих характеристик является состав преступления как стержневое понятие предмета доказывания.

В криминалистической характеристике рассматривается не просто характеристика отдельных элементов предмета доказывания, но прежде всего взаимосвязи между этими элементами. По общему правилу в содержании криминалистической характеристики преступлений, совершенных с использованием электронных платежных систем, можно выделить:

1) сведения о предмете преступления (электронной платежной системе);

2) событие преступления (место, время и другие обстоятельства совершения преступления);

3) типичные способы совершения преступлений рассматриваемой категории;

4) сведения о типичных чертах личности преступника и составе преступной группы;

5) особенности слеодообразования;

6) иные обстоятельства (например, сведения о потерпевшем; обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности обвиняемого; характер и размер ущерба; причины и условия, способствовавшие совершению преступления)³.

Рассмотрим кратко каждый элемент характеристики и определим взаимосвязь между ними.

Предметом преступления в рассматриваемой категории дел будет выступать электронная платежная система. Как было сказано ранее, владельцем этой системы может быть как банковская ор-

ганизация, так и любой другой держатель, уполномоченный на это законом. К числу сведений о платежной системе будут отнесены информация об организационно-правовой структуре, собственниках, порядке проведения расчетов, ввода-вывода денег, порядок регистрации пользователей, есть или нет ограничения на количество транзакций (например, в сутки) либо ограничения на сумму единоразового перевода, комиссии за «вывод средств», возможность оплаты товаров в интернет-магазинах, особенности функционирования «электронного кошелька» (при наличии) и прочее. Помимо этого, необходимо уточнить информацию относительно способов и уровня защиты платежной системы как внутри, так и снаружи.

Второй элемент – событие преступления (место и время). В силу специфики рассматриваемых преступлений понятие «место преступления» не всегда (а вернее, никогда) не будет традиционным. Чаще всего место нахождения преступника и место нахождения жертвы (имеются в виду аппаратные средства этих лиц) будут не совпадать с местом совершения такого преступления. Возникает вопрос: «Что считать местом преступления в данном случае?» Списание денежных средств (как электронных средств, так и безналичных денег) происходит в «виртуальной», «цифровой» среде, на счетах электронной платежной системы, которая «не привязана» к материальному миру. Установить местом преступления сервер собственника платежной системы в данном случае будет неправильно. Такие преступления проводятся «удаленно». В связи с этим необходимо определять место преступления как минимум двумя составляющими: местоположение платежной системы (ее собственника) в «реальном» пространстве

(адрес организации, физического лица, адрес нахождения аппаратного средства) и местоположение, отождествляемое в локальной и глобальной сети с IP-адресом. В некоторых случаях IP-адреса называют «виртуальным пространством»⁴, что не совсем правильно по своей сути. Большое внимание при расследовании таких преступлений необходимо уделять сопоставлению IP-адресов адресам местонахождения лиц в конкретные даты и время.

Время также имеет свои особенности, так как оно четко и точно фиксируется в содержании компьютерных журналов, за исключением случаев, когда преступник вынужден «подстраивать» систему времени своего аппаратного средства (компьютера) под время платежной системы (при разнице в часовых поясах). Такая автоматическая фиксация времени может помочь установить виновность лица, если, например, известно, что подозреваемый в это время был по месту пилингования IP-адреса. Или при наличии сведений о том, что хищение электронных платежных средств из электронных кошельков происходит в одно и то же время, можно рассмотреть вопрос о том, что подозреваемый работает по сменному графику либо у него нет постоянного доступа к компьютеру. Данный признак можно назвать периодичностью действий преступника.

Среди способов совершения таких преступлений принято выделять следующие:

– использование уязвимости электронной платежной системы без неправомерного использования реквизитов доступа ее легального пользователя – когда специально обученные лица (чаще всего в преступных целях) тестируют работу платежной системы, выявляя ее уязвимости, т. е. «пробелы» в работе/

функционировании. То есть преступникам не нужно использовать реквизиты доступа легальных пользователей для вывода электронной наличности на какие-то иные счета. Такой способ можно назвать «внутреннее проникновение в платежную систему». Причем это не означает, что такие преступления совершают работники платежных систем. Это могут быть лица, владеющие специальными программами;

– неправомерное использование реквизитов легального пользователя платежной системы. Объектом атаки со стороны злоумышленников в этом случае является аппаратное средство пользователя электронным кошельком с целью выяснения логинов и паролей. Это может быть выполнено двумя способами: через вредоносную программу, запущенную на компьютер легального пользователя (удаленное диагностирование); либо «физическое» завладение, например, увидели записи в блокнотах, записных книжках;

– взлом системы. Объектом атаки выступает сама платежная система, атакуются одновременно все или многие электронные кошельки. В силу существования достаточно хороших систем защиты платежных систем используется редко.

Еще один элемент криминалистической характеристики – личность преступника. Как правило, такие преступления совершаются группами лиц. Характеристике личности преступника по рассматриваемым преступлениям, а также по компьютерным преступлениям (так как они схожи) уделяли внимание многие ученые-криминалисты, представляя авторские классификации личности преступников⁵. В своей ранней работе автор настоящей статьи выделял следующую классификацию субъектов преступной группы: аналитик – изучает платежную систему; программист – разрабатывает

программное обеспечение с целью совершения преступления; тестер – лицо, которое тестирует программный продукт; пользователь технологии – тот, кто совершает преступление; организатор обналичивания; обнальщик. Члены преступной группы могут одновременно выполнять разные функции в зависимости от образования, функционала и положения в группе.

Не менее важный элемент криминалистической характеристики – сведения о следах преступления. В рассматриваемой категории преступлений речь идет о виртуальных или цифровых следах⁶ – следах, сохранившихся в памяти технических устройств, занимающих промежуточное положение между материальными и идеальными следами. Необходимо уточнить, что «виртуальный» – это характеристика реально существующего информационного объекта, который на компьютерном носителе информации представлен в форме, отличной от его представления в интерпретированном виде на устройстве вывода (экране монитора или принтере). Не всегда такие следы существуют в виртуальном пространстве, они могут быть и локальными, в силу специфики их фиксации более правильно (в настоящее время) их называть «цифровыми» следами. Следообразующие и следовоспринимающие объекты будут связаны с технологиями работы самой системы, технологиями работы электронных кошельков, серверов и самих аппаратных средств.

Среди прочих элементов криминалистической характеристики можно назвать сведения о потерпевшем (как минимум он должен пользоваться / уметь пользоваться электронными кошельками и платежными системами); характер и размер ущерба (соотносимость и конвертируемость электронных платежных средств с реальными деньгами, опреде-

ление фактической стоимости виртуальной собственности и прочее); причины и условия, способствовавшие совершению преступления, и т. д.

Рассмотрев основные элементы криминалистической характеристики преступлений, совершенных с использованием электронных платежных систем, можно выделить следующие взаимосвязи между ними.

Сведения об электронной платежной системе могут показывать наличие или отсутствие уязвимости платежной системы (т. е. связь со способом совершения преступления); возможности вывода денег – обналачивание (указывать на состав преступной группы); технологии перевода на место совершения преступления и прочее. Время и место совершения преступления напрямую указывают на преступника, в некоторых случаях позволяют выявить преступление (например, если

время платежной активности преступника не совпадает по времени с привычной активностью большей части пользователей, другими словами, «вспышки» активности в ночное время, например, могут привлечь внимание службы охраны); способы совершения преступлений могут указывать на личность преступника/преступников, место и время его совершения; следы могут указать на IP-адрес преступников, могут показать связь между преступником и потерпевшим (например, если были введены корректные логин и пароль и взлома компьютера потерпевшего не было, можно предположить о знакомстве этих лиц).

Таким образом, анализ элементов криминалистической характеристики преступлений, совершенных с использованием платежных систем, позволяет определить типичную следственную ситуацию и порядок действий следователя.

¹ См.: Наличные и безналичные платежи. Рейтинг «безналичных» городов и регионов / Отчет Сбербанка России по состоянию на 2018 год. URL: https://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/news/2018/cash_and_cashless_payments.pdf (дата обращения: 01.12.2019).

² Олиндер Н. В. Виртуальная собственность как элемент криминалистической характеристики преступлений, совершенных с использованием электронных платежных средств и систем // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016. № 3 (26). С. 206–212.

³ См.: Дикова Н. В. Криминалистическая характеристика и криминалистическая классификация преступлений, совершенных с использованием электронных платежных средств и систем : монография. Оренбург, 2010. С. 42–43.

⁴ См.: Цуканова О. А., Варзунов А. В. Сетевая экономика : учеб. пособие. СПб., 2008 ; Оставляющие след : что такое IP-адрес? // Сетевой ресурс «White Whois». URL: http://wwhois.ru/other/0610/ostavljajushhije_sljed_chno_takoje_ip-adrjes.html (дата обращения: 10.06.2010) ; и др.

⁵ См.: Крылов В. В. Основы криминалистической теории расследования преступлений в сфере информации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998 ; Гаврилин Ю. В. Расследование неправомерного доступа к компьютерной информации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000 ; Мещеряков В. А. Основы методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации : дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2001 ; Касаткин А. В. Тактика собирания и использования компьютерной информации при расследовании преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. 124 с. Вехов В. Б. Криминалистическая характеристика и совершенствование практики расследования

и предупреждения преступлений, совершаемых с использованием средств компьютерной техники : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1995. С. 45–51 : Мелехин О. Ю., Алембеков Д. Р. Преступления, связанные с использованием пластиковых платежных средств // Гражданин и право. 2009. № 7. С. 88–90.

⁶ См.: Мецгеряков В. А. Указ. соч. С. 73–76 ; Яковлев А. Н. Теоретические и методические основы экспертного исследования документов на машинных носителях информации : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. С. 79–82.

Тольяттинский государственный университет

Олиндер Н. В., кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой «Конституционное и административное право», доцент кафедры «Уголовное право и процесс» института права

E-mail: olindernv@yandex.ru

Togliatti State University

Olinder N. V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department «Constitutional and Administrative Law», Associate Professor of the Department «Criminal Law and Procedure» of the Institute of Law

E-mail: olindernv@yandex.ru

Е. И. Пырьева

Воронежский институт МВД России

И. В. Потанина

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ (филиал РАНХиГС), г. Воронеж*

ВОПРОСЫ, СВЯЗАННЫЕ С КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКОЙ УБИЙСТВ, СОВЕРШЕННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ С ОСОБОЙ ЖЕСТОКОСТЬЮ

А н н о т а ц и я: рассмотрены основные элементы криминалистической характеристики убийств, совершенных несовершеннолетними с особой жестокостью, выделены причины совершения преступлений данной категории.

К л ю ч е в ы е с л о в а: убийство, несовершеннолетние, преступление, потерпевший, криминалистическая характеристика.

ISSUES CONNECTED WITH CRIMINALISTIC CHARACTERISTIC OF MURDERS COMMITTED BY MINORS WITH SPECIAL CRUELTY

A b s t r a c t: *the article deals with the main elements of the criminalistic characteristic of murders committed by minors with special cruelty, highlighted the causes of crimes in this category.*

Key words: *murder, minors, crime, victim, criminalistic characteristic.*

Поступила в редакцию 20 июня 2020 г.

Убийство, совершенное с особой жестокостью, – исключительно тяжкое и весьма опасное преступление, сопровождающееся применением к потерпевшему пыток, истязаний, глумлений и причинением ему мучений и особых страданий.

В настоящий момент существуют два постановления Пленума Верховного Суда РФ, в которых говорится о понятии «особая жестокость»: «О судебной практике по делам об убийстве» от 27 января 1999 г. № 1¹ и «О судебной практике по делам о преступлениях против половой

неприкосновенности и половой свободы личности» от 4 декабря 2014 г. № 16².

Всего в России в период с 2013 по 2017 г. зарегистрировано 1297 убийств и покушений на убийство, совершенных несовершеннолетними. В 2013 г. их было 326, 2014-м – 286, 2015-м – 256, 2016-м – 215, 2017-м – 214³.

Наиболее значимым элементом криминалистической характеристики убийств, совершенных несовершеннолетними с особой жестокостью, является типовая характеристика личности несовершеннолетнего подозреваемого. Согласно ст. 87 Уголовного кодекса РФ⁴ несовершеннолетними признаются лица,

которым ко времени совершения преступления исполнилось 14, но не исполнилось 18 лет.

Зачастую причиной жестокости несовершеннолетних являются их возрастные особенности. К ним можно отнести противоречивость, полярность чувств и побуждений, импульсивность, сочетание холодности и жестокости, неуверенность в себе, завышенную самооценку, отказ от общепринятых норм поведения и недостаточно развитую способность к объективной оценке конкретных поступков. Вдобавок можно выделить такие факторы, как особенности соматического, психического и нравственного развития, а также их социальную незрелость.

В большинстве случаев преступления совершают дети, которые воспитываются в неполных и неблагополучных семьях, в связи с чем им не уделяется должного внимания со стороны родителей, они обделены любовью и заботой, часто предоставлены сами себе, что, естественно, приводит к увеличению совершаемых ими преступлений.

В 15 % случаев несовершеннолетние совершают преступления в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. Более половины преступлений совершаются несовершеннолетними в составе группы, а в некоторых случаях и в составе организованной преступной группы.

В большинстве случаев такие несовершеннолетние не имеют постоянного места жительства, учебы, занимаются попрошайничеством или бродяжничеством. Часто они подвержены преступному влиянию своих старших товарищей, в большинстве случаев ранее судимых. Большинство преступлений несовершеннолетние совершают в возрасте 16–17 лет, реже 14–15 лет. Почти 90 % преступлений приходится на подростков мужского пола⁵.

Чаще всего главным мотивом совершения убийств несовершеннолетними с особой жестокостью является желание отомстить, корысть, ревность либо утверждение своего авторитета.

Знание особенностей личности и психологических свойств подростка позволяет следователю продуктивно провести следственные действия, использовать наиболее рациональные тактические приемы, а также установить психологический контакт и оказать положительное воздействие на несовершеннолетнего преступника в процессе расследования преступления.

Выделяют следующие черты способа совершения преступления несовершеннолетними:

1) непрофессионализм, проявляющийся в отсутствии тщательной подготовки к совершению преступления и сокрытия его следов;

2) нелогичность и отсутствие четкой последовательности действий.

В большинстве случаев местом совершения убийств с особой жестокостью, совершенных несовершеннолетними, выступают квартиры, дачи, загородные дома, заброшенные стройки и другие места в отдалении от общественных мест, реже преступления совершаются на стадионах, концертных площадках и в иных местах массового скопления людей.

Основная масса убийств подростками совершается в крупных и средних городах (78 %). В сельской местности, соответственно, совершено 22 % всех изученных убийств⁶.

Чаще всего подростки совершают убийства посредством причинения множественных телесных повреждений холодным оружием, бытовыми предметами, палками, камнями, из огнестрельного оружия с близкого расстояния.

Важное значение имеет время совершения преступления. В большинстве

случаев убийства совершаются несовершеннолетними в весенне-летний период с 22.00 до 24.00 ч, в осенне-зимний период – с 19.00 до 22.00 ч.

Как правило, потерпевшими выступают родители, близкие родственники, сверстники, бездомные, пожилые люди и случайные прохожие. Чаще подростки нападают на заведомо слабых жертв, которые не в состоянии дать отпор несовершеннолетним преступникам.

Из всего сказанного можно сделать вывод о том, что убийства с особой жестокостью, совершаемые несовершеннолетними, являются наиболее опасными уголовно наказуемыми деяниями среди подростков, что, в свою очередь, обуславливает необходимость их криминологического изучения для разработки наиболее эффективных мер предупреждения и профилактики данного вида преступлений.

¹ О судебной практике по делам об убийстве : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 (в ред. от 03.03.2015). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.10.2018).

² О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. № 16. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.10.2018).

³ См.: Преступность и правонарушения (2013–2017) : статистический сборник // Министерство внутренних дел Российской Федерации. М., 2018. С. 63.

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 03.10.2018). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.10.2018).

⁵ См.: Лунеев В. В. Криминология : учебник для академического бакалавриата. М., 2019. С. 644.

⁶ См.: Григорян З. М. Убийства, совершаемые несовершеннолетними (криминологический аспект) // Вестник СГЮА. 2012. № 1 (84). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ubiystva-sovershaemye-nesovershennoletnimi-kriminologicheskij-aspekt> (дата обращения: 28.10.2018).

Воронежский институт
МВД России

Пырьева Е. И., кандидат юридических наук,
доцент, доцент кафедры
криминологии

E-mail: elena.pyreva@yandex.ru
Тел.: 8-903-652-78-72

Voronezh Institute of the Ministry
of the Interior of Russia

Pyrieva E. I., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Associate Professor of the
Department of Criminalistics

E-mail: elena.pyreva@yandex.ru
Tel.: 8-903-652-78-72

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
РФ (филиал РАНХиГС), г. Воронеж

Потанина И. В., кандидат юридических
наук, доцент, доцент кафедры естественно-
научных и социальных дисциплин

E-mail: irina-potanina@yandex.ru
Тел.: 8-910-342-05-00

Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration
(branch of RANEPА), Voronezh

Potanina I. V., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Associate Professor of the
Department of Natural Sciences and Social Sciences

E-mail: irina-potanina@yandex.ru
Tel.: 8-910-342-05-00

М. В. Стояновский

Воронежский государственный университет

ВОЗМОЖНЫЕ ОШИБКИ В МЕХАНИЗМЕ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ

Аннотация: рассматриваются сущностные характеристики предъявления для опознания. Обращается внимание на вопросы качества производства данного следственного действия. Анализируются возможные следственные ошибки в механизме предъявления для опознания.

Ключевые слова: расследование, преступление, предъявление для опознания, следственная ошибка.

POSSIBLE MISTAKES IN MECHANISM OF SUBMISSION FOR IDENTIFICATION

Abstract: the article is devoted to essential characteristics of submission for identification. Attention directed to questions of production quality of this investigating action. Possible mistakes in mechanism of submission for identification are analyzed.

Key words: investigation, crime, submission for identification, investigating mistake.

Поступила в редакцию 11 октября 2019 г.

В системе деятельности по расследованию преступлений особое место занимает предъявление для опознания – неповторимое следственное действие (уникальный механизм), от результатов которого во многом зависит достижение целей (назначения) уголовного судопроизводства. Однако, как свидетельствуют обобщения следственной практики, реализация данного мероприятия, к сожалению, не всегда безошибочна.

Так, к числу факторов, детерминирующих следственные ошибки в системе предъявления для опознания, но в то же время создающих методологическую основу для их классификации, можно отнести (назовем лишь некоторые):

– незнание норм закона и непонимание правил его толкования (соответ-

ственно, можно выделить юридические, логические ошибки);

– нигилистическое отношение к закону и к правоприменительной деятельности (правоприменительные, психологические ошибки);

– не отвечающее психологическим требованиям, правилам психологической науки восприятие и «принятие» следователем показаний «будущих опознающих» (неверное представление о формировании их показаний – психологические ошибки);

– не соответствующие устоявшимся криминалистическим рекомендациям и правилам «особенности» тактики производства предъявления для опознания (тактические, гносеологические ошибки) и др.

Механизм предъявления для опознания, как известно, включает в себя

три необходимых элемента – подготовку, производство и фиксацию результатов данного следственного действия. Это, в свою очередь, предполагает потенциальные ошибки на соответствующих тактических этапах его реализации. Соответственно, можно выделить ошибки, допускаемые на подготовительном, рабочем и заключительном этапах тактики предъявления для опознания.

В контексте рассмотрения первичной (базовой) основы для систематизации ошибок при реализации механизма предъявления для опознания следует отметить и такой структурообразующий компонент (основание), как феномен противодействия расследованию.

Указанное обстоятельство, на наш взгляд, также позволяет выделить несколько классов ошибок:

- ошибки, обусловленные противодействием, исходящим от опознаваемого объекта (субъекта);

- ошибки, обусловленные противодействием, исходящим от опознающего субъекта;

- ошибки, обусловленные «противодействием», исходящим от самого следователя (например, при осуществлении действий, сопряженных с необоснованным тактическим риском; при некачественной подготовке / производстве предъявления для опознания).

Не преследуя в настоящей статье цель на «исчерпывающее классифицирование» ошибок в механизме предъявления для опознания, попутно заметим, что любая классификация относительна, условна и представляет собой некое огрубление действительности, и вряд ли можно найти такой универсальный признак в качестве основания классификации, с тем чтобы последняя могла охватить все без исключения элементы исследуемого объекта. Именно таковым огруб-

лением может быть названа повторяемость одних и тех же элементов (в данном случае – ошибок) в ячейках разных классификационных подсистем исследуемого объекта (предъявления для опознания).

Но вместе с тем классификационное разнообразие, выведение взаимозависимостей между различными объектами и их классами в системе предъявления для опознания вооружает следователя, снижая вероятность ошибочных действий и, как следствие, способствуя повышению качества следственной деятельности.

Так, учитывая индивидуальные и типологические особенности опознаваемых и опознающих лиц (а таковыми, как известно, являются не просто субъекты различного процессуального статуса, а люди – мужчины и женщины; несовершеннолетние и взрослые; с психическими аномалиями и без них; имеющие криминальный опыт и без такового), «по адресату», думается, можно вести речь о возможных ошибках следователя, допускаемых в отношении того или иного класса лиц.

По содержанию же можно говорить об ошибках следователя в общении, об ошибках в организации самого процесса опознания (в том числе по получению от «будущего» опознающего определенной в ч. 2 ст. 193 УПК РФ информации в ходе предшествующего опознанию допроса – это, так сказать, ошибки следователя в оценке и протокольной фиксации показаний).

Нельзя не согласиться в этой связи с мнением Е. Ю. Самолаевой в том, что психологический контакт, необходимый при производстве всех следственных действий, должен устанавливаться не только в ходе предъявления для опознания, а ранее – при предшествующих ему допросах. Кроме того, следователь должен знать тактические приемы психологиче-

ского воздействия на определенные типы лиц в целях получения достоверного результата. И это вполне закономерно.

К примеру, на предшествующем опознанию общении с лицами, имеющими психические недостатки, ошибочно игнорирование их особенностей памяти (что, в частности, субъект опознания лучше запоминает: цифры, даты, цвет, фасон одежды и т. п.), мышления, состояния органов чувств. Напротив, тактически целесообразным будет установление указанного рода обстоятельств с последующей постановкой этим лицам контрольных вопросов¹.

Очевидцы определенных событий в своих показаниях на допросе, предшествующем опознанию, как показывает сложившаяся практика, нередко ошибочно указывают на определенные характеристики, например, роста (достаточно часто встречающемся в протоколах допроса, предшествующего опознанию, элементе внешности), воспринятого ими (в момент события) субъекта, указывая, что тот был, скажем, «высокого роста».

Но, уточняя сведения о росте, следователь не должен ограничиваться фиксацией в протоколе лишь того, что свидетель-очевидец ему сообщает. Следовательно, во избежание ошибок, необходимо выяснить, что имеет в виду очевидец под «высоким ростом», какой рост у самого очевидца и как он его оценивает (субъективизм в такой оценке нередко явно заметен в соотношении с существующей рубрикацией роста человека).

Что касается соответствующих показаний малолетних очевидцев, то они чаще всего вообще не могут определить рост человека в сантиметрах, а потому криминалистами рекомендуется, чтобы они его не называли, а показывали на высотомере².

Вот что сообщает об оценке малолетними лицами этого же признака внеш-

ности (роста человека) Е. И. Николаева: «Размеры вещей определяются их значимостью для ребенка. Однажды мы изучали то, как дети оценивают рост близких людей. У меня была палка с делениями высотой 2 метра 5 сантиметров. Чтобы ребенок мог достать до любого деления, к палке приставлялась лесенка. Когда детей просили показать рост отца, все без исключения поднимались на последнюю ступеньку и указывали на отметку 2 метра 5 сантиметров. Мамы получались чуть меньшего роста – дети останавливали руку около отметки 1 метр 90 сантиметров... Если у них были братья и сестры, то их рост напрямую зависел от возраста. Если родственники были старше ребенка, то обычно их рост стремительно приближался к росту родителей. Если они были младше, то их рост оказывался где-то 10–20 сантиметров от пола. Но это не значит, что дети обманывали. Они так чувствовали. Значимость и любовь придавали взрослым фантастические размеры»³.

Существенное влияние на результат и доказательственную ценность предъявления для опознания могут также оказать:

1) ошибки в определении опознаваемого объекта (и признаков, по которым будет производиться опознание – так, например, весьма рискованным можно назвать опознание по голосу и речи из-за отсутствия разветвленной классификации признаков указанных объектов – голоса и речи человека).

Во-первых, как то следует из ч. 1 ст. 193 УПК РФ, «следователь может предъявить для опознания лицо или предмет свидетелю, потерпевшему, подозреваемому или обвиняемому. Для опознания может быть предъявлен и труп».

Буквальное толкование соответствующей нормы (что может быть не учтено правоприменителем) предполагает наличие опознаваемого в единственном числе

(мы не касаемся здесь объективизирующего данный процесс «информационного шума», в частности, так называемых статистов – лиц, сходных по внешним признакам с опознаваемым субъектом, либо однородных предметов). При этом, как сказано в уголовно-процессуальном законе, это правило не распространяется на опознание трупа, как известно, предъявляемого в единственном числе.

Во-вторых, практике известны случаи предъявления для опознания лица, которое знакомо с опознающим, а также «лично известных» опознающему статистов. Очевидно, подобная ошибка, суггестивно воздействуя на сознание опознающего, неизбежно повлияет на доказательственное значение результата предъявления для опознания, обуславливая его ничтожность;

2) ошибки в выборе опознающего лица.

Как следует из ст. 193 УПК РФ, в качестве опознающего лица может выступать не только потерпевший или свидетель, но и сам обвиняемый (подозреваемый). При этом в случае опознания, произведенного обвиняемым (подозреваемым), доказательственная ценность результатов такого действия существенно возрастает.

Учитывая соответствующие положения закона, а также тактические рекомендации, касающиеся доказательственного значения такого акта, подозреваемый (обвиняемый) может стараться убедить следователя в целесообразности предъявления ему для опознания потерпевшего или свидетеля, рассчитывая в конечном счете на визуальный контакт с опознаваемым, а также на последующее умышленное отрицание факта узнавания предъявленного лица.

Сложившаяся ситуация, очевидно, обуславливает невозможность «обратно» опознания (опознания данным потер-

певшим данного подозреваемого), если первое было проведено в условиях визуального контакта опознающего и опознаваемого. Как видно, в подобной ситуации следователь действует в условиях тактического риска. При этом риск следователя можно признать необоснованным (а следовательно, ошибкой – в ситуации, следователем не проверенной, предполагающей явную неуверенность следователя в искренности «такого опознающего»).

Поэтому выбор подозреваемого или обвиняемого в качестве опознающего лица для предупреждения потенциального с его стороны противодействия следует осуществлять с учетом различных факторов (важно, в частности, учитывать личностные особенности подозреваемого (обвиняемого), наличие доказательств, уличающих данное лицо в совершении преступления, а также, что особо значимо, характер отношения подозреваемого или обвиняемого к событию преступления и линию поведения этого лица в период расследования);

3) ошибки в выборе момента предъявления для опознания.

Приведем гипотетический пример. На улице ночью Б. была жестоко избита при оказании сопротивления грабителю. У нее были отобраны ценности (денежные средства, сумка, шуба). На допросе Б. заявила, что, возможно, опознает преступника, хотя его приметы описать не смогла (указав лишь, что он был высокого роста, одет в пальто и шапку). Следователь, получив на следующий день сведения о возможной причастности к этому преступлению П., решил немедленно предъявить его для опознания потерпевшей. Потерпевшая опознала его... по одежде(!).

Думается, что в данной ситуации следователь допустил существенную ошибку (обусловленную отсутствием «доброкачественных» показаний Б. о признаках внешности преступника; не учел следо-

ватель и психологический феномен ре-минисценции).

Как, совершенно объективно оценивая подобные ситуации, указывает О. Я. Баев, «дело в том, что если опознаваемый действительно является тем, кого имел в виду опознающий в своих ранее данных показаниях, но опознающий, добросовестно заблуждаясь или умышленно, его не опознает, то это не только «собьет» следователя с правильной версии, поставит ее под сомнение, но и укрепит психологическую установку подозреваемого на отрицание своего участия в преступлении... Поэтому если у следователя есть хотя бы небольшие сомнения в успехе предъявления для опознания..., то до его проведения следует использовать все иные реальные возможности для проверки выдвинутой версии и избличения подозреваемого, а уже затем предъявлять его для опознания»⁴;

4) ошибки в создании «информационного шума» (в частности, в подборе статистов).

При расследовании уголовного дела, возбужденного по факту причинения телесных повреждений Р. по признакам преступления, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 111 УК РФ, заместителем руководителя Р-ского МСО СУ СК России по Курской области, опознание лица потерпевшим Р. проведено в нарушение требований ст. 193 УПК РФ, так как в качестве статистов были привлечены свидетели по данному уголовному делу, т. е. фактически в одном следственном действии проведено опознание двух лиц (подозреваемого и свидетеля)⁵.

Проанализируем в этой связи и другую ситуацию.

По факту совершения преступления в сельской местности был задержан гражданин, не являющийся жителем данного села. Для проведения предъявления для опознания задержанного лица

свидетелем (местным жителем) следователь пригласил в качестве статистов жителей этого же села, сходных с задержанным по внешним признакам. Опознающий опознал в предъявленном ему лице (подозреваемом) человека, которого он видел на месте происшествия.

Очевидно, к подобному акту предъявления для опознания следует относиться критически, поскольку опознающий (свидетель) на предшествующем опознанию допросе заявил, что на месте происшествия видел человека, не являющегося жителем этого села (поскольку всех жителей он знает в лицо). Поэтому одним из принципов организации данного следственного действия, обеспечивающих процессуальное требование объективности и достоверности опознания, является предъявление опознаваемого среди лиц, неизвестных опознающему⁶;

5) ошибки в процессе фиксации и оценки результатов предъявления для опознания.

При опознании, как верно об этом пишут криминалисты, весь механизм мыслительного информационно-логического процесса узнавания скрыт от следователя и не подлежит количественным измерениям и математическим описаниям. Следователю сообщаются опознающим лишь конечные результаты, надежность которых он должен проверить путем анализа и сопоставления с другими доказательствами⁷.

При этом «конечные результаты» должны содержать указание на конкретный идентификационный комплекс признаков (идентификационное поле), позволяющий объективно оценить результат состоявшегося акта предъявления для опознания и избежать ошибок в дальнейшем процессе расследования.

Криминалистами в этой связи, наряду с традиционными и наиболее распространенными способами, предлагаются и

достаточно оригинальные (хотя, на наш взгляд, в определенной степени дискуссионные) способы такой проверки-объективизации конечного результата опознания.

Например, практике известны случаи назначения логопедической экспертизы после опознания лица по голосу и речи (для констатации экспертом наличия специфических особенностей речи, а также ее дефектов, обуславливающих возможности хорошего запоминания речи); биомеханической экспертизы (для установления особенностей походки и придания большего доказательственного значения опознанию, проведенному по соответствующим признакам)⁸.

Отдельные авторы считают, что при проверке результатов предъявления для опознания весьма полезным может оказаться и применение полиграфа (особенно в тех случаях, когда имеются основания предполагать, что опознающий каким-либо образом заинтересован в исходе дела и мог умышленно исказить результат следственного действия в целом).

В частности, рассуждая об этом, Я. В. Комиссарова и В. В. Семенов приводят следующий пример.

При расследовании угона дорогой иномарки были установлены и задержаны двое из трех предполагаемых преступ-

ников. Один из них – П. – факт участия в угоне не отрицал, но утверждал, что знает только одного соучастника, выражая готовность в случае необходимости его опознать. Когда же П. были предъявлены изображения нескольких лиц, и в их числе – второго подозреваемого – В., он заявил, что никого не узнает.

Однако при последующем предъявлении П. тех же изображений в ходе опроса с использованием полиграфа были получены устойчивые психофизиологические реакции на изображение В., а результаты опроса в целом свидетельствовали о том, что П. знает В. как человека, участвовавшего в угоне машины⁹.

Как видно, ошибки при предъявлении для опознания разнообразны.

Одни обуславливаются объективными факторами (законодательные пробелы, специфика процессуально-тактического механизма предъявления для опознания и др.), другие – субъективными причинами (непрофессионализм правоприменителя, нигилистическое отношение к закону и т. п.).

В свою очередь, эти обстоятельства, подлежащие анализу в своем комплексе, создают основу для систематизации (классификации) соответствующих ошибок, их всестороннего изучения и минимизации.

¹ См.: *Самолаева Е. Ю.* Теория и практика предъявления для опознания людей. М., 2004. С. 152–153.

² См.: *Алексеев А. М.* Психологические особенности показаний очевидцев. М., 1972. С. 69–70.

³ Цит. по: *Бертовский Л. В.* Допрос : тактика и технологии. М., 2015. С. 256–257.

⁴ *Баев О. Я.* Тактика следственных действий. Воронеж, 2012. С. 339.

⁵ См.: *Следственные ошибки : учеб.-практ. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Юриспруденция», «Правоохранительная деятельность» / авт.-сост. А. М. Багмет и др. ; под. ред. А. И. Бастрькина.* М., 2016. С. 64.

⁶ См.: *Гапанович Н. Н.* Опознание в следственной и судебной практике (тактика). Минск, 1978. С. 50.

⁷ См.: Суворова Л. А., Цуроев М. С. Проблемы предъявления для опознания по голосу и устной речи при расследовании преступлений // Воронежские криминалистические чтения. Федеральный научно-практический журнал. № 4 (21). 2019. С. 116.

⁸ См.: Китаева В. Н. Предъявление для опознания по функциональным признакам и судебная экспертиза // Российский следователь. 2005. № 3. С. 3–4.

⁹ См.: Комиссарова Я. В., Семенов В. В. Особенности невербальной коммуникации в ходе расследования преступлений. М., 2004. С. 188.

Воронежский государственный университет

Стояновский М. В., кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики

E-mail: mstoyanovskiy@mail.ru

Тел.: 8-910-282-54-19

Voronezh State University

Stoyanovsky M. V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Criminalistics Department

E-mail: mstoyanovskiy@mail.ru

Tel.: 8-910-282-54-19

Л. А. Суворова, В. В. Суворова

Воронежский государственный университет

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СОЦИАЛЬНОЙ ИНЖЕНЕРИИ

А н н о т а ц и я: обосновывается необходимость углубленного исследования теоретических и практических вопросов формирующейся методике расследования преступлений, совершаемых с использованием социальной инженерии, и разработки научно обоснованных криминалистических рекомендаций и рациональных способов организации раскрытия и расследования данного вида преступлений, отвечающих современному уровню развития информационных технологий, достижений криминалистической науки.

К л ю ч е в ы е с л о в а: киберпреступления, социальная инженерия, методика расследования преступлений.

OVERVIEW OF SOCIAL ENGINEERING CRIMES

Abstract: *the article studies the need for an in-depth research of theoretical and practical matters of newly emerged methods of solving social engineering crimes and the need for a scientifically based forensic guidelines and optimized ways of solving aforementioned crimes.*

Key words: *cybercrimes, social engineering, methods of crime-solving.*

Поступила в редакцию 1 ноября 2019 г.

Внедрение информационных технологий не только влияет на все общественные отношения, но и накладывает отпечаток на процесс расследования преступления. На сегодняшний день достаточно большое количество информации содержится на электронных носителях информации, в сети Интернет, локальных сетях различных организаций, что не только положительно влияет на общественные процессы, но и позволяет криминальным лицам использовать ее в конкретных преступных корыстных целях. Достаточно часто доступ к такой информации осуществляется удаленно, путем похищения информации с помощью вирусных программ, что затруд-

няет поиск преступников. Актуальность данной тематики обусловлена и тем, что в настоящее время крайне мало практических рекомендаций по расследованию преступлений, совершаемых с помощью социальной инженерии. Следователи и оперативные работники продолжают пользоваться рекомендациями по расследованию компьютерных преступлений, хотя расследование данных видов преступлений, несомненно, имеет свою специфику.

Понятие и виды социальной инженерии. Данные преступления достаточно затруднительно выявить и пресечь до того, как объективная сторона преступления будет уже выполнена, поскольку характерной особенностью социальной инженерии как способа совершения преступ-

© Суворова Л. А., Суворова В. В., 2020

лений является полная убежденность жертвы в том, что действия мошенников являются законными. В связи с этим при выявлении и обнаружении данных преступлений целесообразно пользоваться методами выявления и обнаружения мошенничества, поскольку содержания данных понятий частично совпадают. Так, Д. З. Абышов и Н. Н. Потапова указывают, что для выявления информации, представляющей оперативно-разыскной интерес, в первую очередь используется поиск по информационным ресурсам Интернета. Информация может быть представлена в виде sms-рассылок, обсуждений на форумах и ссылок на мошеннические сайты¹ (например, клоны банковских сайтов). Однако, на наш взгляд, мониторинг интернет-пространства позволяет выявить лишь небольшую долю подобных преступлений, поскольку отличительной особенностью социальной инженерии является ее направленность на использование психологических особенностей жертвы, что предполагает индивидуальный характер взаимодействия с жертвой (звонки по телефону, общение в личной переписке, личный контакт), в связи с чем уровень латентности подобных преступлений не может быть снижен в силу высокого процента естественной латентности.

Преступления, совершенные при помощи социальной инженерии, обладают рядом характерных черт, которые и позволяют рассматривать их как отдельную разновидность преступлений.

В первую очередь данные преступления следует рассматривать как вид компьютерных преступлений, поскольку даже если контакт с жертвой и осуществляется без использования компьютерных технологий (например, телефонный звонок или личный контакт), действия преступника направлены на то, чтобы получить от жертвы инфор-

мацию или заставить жертву совершить действия, так или иначе связанные с доступом к какой-либо компьютерной системе. Второй особенностью является то, что при совершении преступления с помощью социальной инженерии обязательным этапом является получение доступа к какой-либо информации, которая в дальнейшем используется для осуществления преступного умысла. Третьей характерной чертой является направленность на использование слабых мест в психике человека, предполагающее взаимодействие между преступником и жертвой. При отсутствии данного элемента речь будет идти об обычном хакинге без каких-либо признаков социальной инженерии.

Исходя из этих особенностей, можно сформулировать следующее определение социальной инженерии: *социальная инженерия* – это вид совершения компьютерных преступлений, направленный на несанкционированное получение информации путем использования слабых мест в психике человека².

К основным *видам* социальной инженерии можно отнести следующие.

1. *Фишинг* (от англ. phishing – рыбная ловля)³, суть которого заключается в получении необходимой информации при помощи рассылки электронных сообщений от имени популярных брендов или администрации ресурса, которым пользуется жертва. Данный вид является самым распространенным. Чаще всего осуществляется через электронную почту, сервисы мгновенного обмена сообщениями или социальные сети. Имеет три основных разновидности:

а) направленный фишинг (spear phishing) – атака, направленная на конкретную жертву и цель. Для проведения данного вида атаки злоумышленник предварительно собирает необходимую информацию о жертве. На данный момент

считается наиболее успешной техникой и составляет 91 % от всех цифровых атак социальных инженеров⁴;

б) в качестве отдельной разновидности направленного фишинга можно выделить охоту на китов (также встречается вариант «уэйлинг» от англ. whaling) – фишинговые атаки, ориентированные на руководителей высшего звена. В данном случае для успешной атаки требуется крайне высокий уровень подготовки и сходства с достоверными источниками. В качестве содержимого писем для подобной атаки чаще всего используются фальшивые повестки в суд, жалобы от клиентов или распоряжения руководства, включающие в себя какие-либо критические проблемы, касающиеся всей компании;

в) фишинг-клонирование (clone phishing) – тип атаки, при которой создается идентичная копия электронного письма от легитимного пользователя, содержащего в себе какую-либо ссылку или вложение. В копии письма ссылка или вложение заменяется на вредоносное, после чего данная копия отправляется с электронного адреса, до степени смещения похожего на адрес легитимного пользователя⁵.

2. Близким к фишингу по сути и популярности является *претекстинг* (от англ. pretext – в законодательстве США под данным термином понимаются ложные причины, покрывающие истинные намерения или мотивацию юридически значимых действий⁶) – действия по созданию и использованию вымышленного сценария для того, чтобы поставить жертву в ситуацию, в которой увеличится вероятность получения информации или совершения действий, что было бы менее вероятно при других обстоятельствах. Чаще всего осуществляется путем лжи, основанной на предварительно полученных сведениях о жертве или лице,

за которого выдает себя атакующий (например, имя, дата рождения, номер социального страхования), которые используются для того, чтобы создать иллюзию легитимности.

3. Одним из важных элементов социальной инженерии является использование «*троянского коня*», или «*трояна*», – вредоносной программы, которую введенный в заблуждение злоумышленником пользователь самостоятельно устанавливает на свой компьютер. Такие программы могут использоваться для получения информации, контроля над компьютером жертвы, блокирования или уничтожения файлов на зараженном компьютере.

4. Особенно тесно с подобными программами связан *бейтинг* (от англ. bait – приманка, в некоторых источниках также называется «*дорожное яблоко*»⁷.) Характерной особенностью этого вида является частичный выход за пределы цифрового пространства в физическое. Для осуществления такой атаки социальные инженеры оставляют диски, USB-накопители, карты памяти и другие носители информации, зараженные вредоносным программным обеспечением, в публичных местах, где их можно легко обнаружить. Чаще всего на этих носителях оставляют какие-либо привлекающие внимание надписи или отметки. Например, логотип компании, в которой работает жертва, и наименование «Зарплата ведомость, 1 кв. 2019». Затем атакующий оставляет носитель в лифте или коридоре компании, являющейся целью атаки. Какой-либо сотрудник может найти этот носитель и либо запустить его на своем компьютере из любопытства, либо «вернуть» его в бухгалтерию. В любом случае носитель оказывается запущен на компьютере, и часто достаточно всего лишь вставить диск в дисковод для автоматической фоновой установки вредо-

носного ПО, которое предоставляет атакующему доступ к необходимой ему информации, компьютеру жертвы или всей корпоративной локальной сети.

5. Среди социальных инженеров также широко распространена техника *quid pro quo* (лат. «то за это»), которая может проявляться в двух разновидностях:

– атакующий планомерно обзванивает по корпоративному телефону большое количество сотрудников компании-жертвы, представляясь сотрудником технической поддержки. Рано или поздно он находит человека, столкнувшегося с определенными техническими проблемами. Полагая, что техническая поддержка знает о проблеме и звонит для того, чтобы помочь ему решить эту проблему, сотрудник с готовностью назовет требуемые сведения, в том числе и собственный пароль;

– атакующий предлагает жертве какое-либо небольшое вознаграждение за разглашение необходимой информации. Так, проведенное в 2003 г. исследование показало, что 90 % офисных работников готовы разгласить конфиденциальную информацию, например, свои пароли, в обмен на недорогую подарочную ручку⁸.

Также для осуществления атак социальные инженеры достаточно активно собирают сведения из открытых источников. Большое количество информации о жертве можно получить из ее страницы в социальных сетях. С их помощью злоумышленник может узнать не только имя или место работы жертвы, но и ее предпочтения, график жизнедеятельности, друзей.

Составы преступлений, совершаемых с использованием социальной инженерии. Существует несколько составов преступлений, предусмотренных российским уголовным законодательством, для которых использование в качестве способа совершения социальной инженерии

более характерно, чем для других. Изначально социальная инженерия возникла как способ совершения *мошенничества* (ст. 159 УК РФ), и большинство социальных инженеров до сих пор пользуются ею для хищения чужого имущества⁹. В частности, в сфере информационных технологий социальной инженерией пользуются для осуществления *мошенничества с использованием платежных карт* (ст. 159.3 УК РФ) и *мошенничества в сфере компьютерной информации* (ст. 159.6 УК РФ). Так, например, мошенникам удалось обойти систему защиты крупного регистратора доменных имен GoDaddy при помощи социальной инженерии и редактировании цифрового изображения. Мошенник обратился в службу технической поддержки GoDaddy и попросил восстановить забытый пароль, используя доступные в сети персональные данные одного из пользователей. Один из этапов подтверждения личности включал в себя предоставление фотографии документов, удостоверяющих личность. После некоторого времени работы в графическом редакторе злоумышленник смог предоставить необходимое фото, после чего смог получить полный доступ к аккаунту одного из пользователей, а вместе с ним и возможность распорядиться всеми зарегистрированными на этом аккаунте доменными именами и перепродать их третьим лицам¹⁰.

Подобная схема может быть использована и на сайтах интернет-магазинов (например, eBay), которые в процессе восстановления утраченного пароля могут запрашивать фото платежной карты клиента с лицевой стороны.

Наряду с мошенничеством, социальная инженерия часто применяется в целях *вымогательства* (ст. 163 УК РФ).

Примером может послужить вирус «WannaCry», распространившийся 12 мая 2017 г. более чем на 150 стран и заразив-

ший более 400 тысяч компьютеров. Вирус шифровал почти все хранящиеся на компьютере файлы и требовал уплаты денежной выкупа за их расшифровку¹¹.

Несмотря на то что на данный момент вирус классифицируется как сетевой червь и большинство источников говорит о том, что вирус самостоятельно сканировал сеть в поисках компьютеров с открытым ТСП-портом 445, ФинЦЕРТ Банка России заявляет, что банковские компьютеры были заражены вирусом путем рассылки сообщений¹², что можно соотнести с фишинговой атакой.

Также достаточно типичным является использование социальной инженерии для получения *неправомерного доступа к компьютерной информации* (ст. 272 УК РФ). Социальная инженерия используется как средство совершения данного преступления для получения и копирования какой-либо охраняемой законом информации, чаще всего составляющих корпоративную тайну, а также для удаления с серверов компании-конкурента информации, критически важной для продолжения работы компании. Для получения доступа к компьютерной информации злоумышленники часто комбинируют приемы социальной инженерии с использованием различных программных уязвимостей корпоративной сети.

К примеру, в январе 2010 г. произошла громкая атака на ряд американских компаний, впоследствии получившая название «Auroga», нанесящая огромный ущерб более чем тридцати крупным корпорациям¹³.

Одной из жертв данной атаки стала компания Google, всегда славившаяся высочайшим уровнем компьютерной безопасности. Однако несмотря на огромное количество программного обеспечения, предназначенного для защиты от взлома, в результате этой атаки экс-

перты в области компьютерной безопасности стали сравнивать защиту Google с бочкой без крышки: «высокие и толстые стенки кажутся абсолютно непробиваемыми, но если вам потребуется поместить внутрь, скажем, теннисный мяч, то всегда можно перебросить его сверху»¹⁴.

Несмотря на то что главным элементом этой атаки являлось использование уязвимости браузера Internet Explorer, в основе ее лежало использование социальной инженерии, поскольку вредоносный код должен был быть запущен непосредственно с компьютера сотрудника компании. Для того чтобы добиться этого, инициаторы атаки использовали фишинг, с помощью которого заставляли сотрудников компаний скачать файл или перейти по ссылке из электронного письма.

Кроме того, осуществление неправомерного доступа к компьютерной информации в большинстве случаев тесно сопряжено с *созданием, использованием и распространением вредоносных компьютерных программ* (ст. 273 УК РФ), а вирусы, получающие неправомерный доступ к информации, могут не только передать конфиденциальную информацию злоумышленникам, но и вовсе уничтожить информацию на компьютере, что порой может привести к куда более серьезным последствиям.

Так, самым известным вирусом, менявшим и уничтожавшим файлы на компьютерах жертв, является вирус ILOVEYOU, действовавший в 2000 г. и нанесший ущерб мировой экономике, оцениваемый примерно в 10–15 миллиардов долларов США¹⁵. Вирус распространялся по электронной почте. В качестве темы письма было указано «ILOVEYOU», в самом сообщении содержался следующий текст: «kindly check the attached LOVELETTER coming from me». И, соответственно, в письме имелось вло-

жение с названием «LOVE-LETTER-FOR-YOU.TXT.vbs». Большинство пользователей незамедлительно кликало по ссылке, в результате чего вирус либо уничтожал, либо изменял определенные файлы на их компьютерах, а всем контактам из адресной книги Outlook рассылал письма с полностью идентичным содержанием. Данный вирус является классическим примером фишинговой атаки.

Личность преступника – социально-го инженера и его жертвы. Рассматривая особенности социального инженера, следует отметить, что физические параметры максимально варьируются: такие преступления совершают мужчины и женщины разных возрастных категорий, включая несовершеннолетних. Однако особое внимание стоит уделить психологическим особенностям личностей, совершающих преступления с использованием социальной инженерии. Социальные инженеры – тонкие манипуляторы, разбирающиеся в психологии поведения и социологии. Существует ряд приемов, которыми они пользуются для успешного получения информации.

Р. Чалдини выделяет шесть «черт человеческой природы»¹⁶, которые используются для манипуляции:

– *уважение к авторитету.* Людям свойственно желание выполнять любые распоряжения тех, кто имеет авторитет или власть. Если сотрудник уверен, что обращающийся к нему человек обладает авторитетом или властью, то почти наверняка выдаст необходимую информацию или совершит требуемые действия;

– *умение расположить к себе.* Люди охотнее выполняют просьбы располагающего к себе человека и имеющего сходные интересы, взгляды или проблемы;

– *взаимность.* По мнению Р. Чалдини, если кто-то оказывает человеку мелкую услугу, тот испытывает сильное желание сделать что-то взамен. (Однако

в настоящее время психологи придерживаются противоположной точки зрения и говорят о так называемом эффекте Бенджамина Франклина, суть которого заключается в следующем: «Тот, кто однажды сделал вам добро, охотнее снова поможет вам, чем тот, кому вы сами помогли»¹⁷. Социальные инженеры, придерживающиеся этой концепции, сперва просят о какой-то мелкой и незначительной услуге, после чего просят уже о необходимой информации или действиях);

– *ответственность.* Люди имеют привычку исполнять обещания. Пообещав что-то сделать, большинство делает все возможное, чтобы не получить репутацию не заслуживающего доверия человека;

– *конформность.* Людям свойственно не выделяться из коллектива, и если человек уверен в том, что все остальные поступают каким-либо образом, он будет поступать так и сам;

– *осознание ограниченности благ.* Человек куда охотнее сделает что-либо, если будет верить в то; в ответ он получает что-то, доступное только в данный момент или только ограниченному кругу лиц.

Злоумышленники, использующие социальную инженерия, в своих атаках полагаются на использование именно этих шести черт человеческой природы.

Так, для *фишинга* наиболее типично использование *уважения к авторитету* и *осознания ограниченности благ*. Чаще всего в фишинговых электронных сообщениях можно увидеть либо имитацию письма от легитимного пользователя, например, техподдержки Google, заявляющей, что жертва подверглась попытке взлома и должна перейти по вложенной ссылке для того, чтобы сменить пароль, иначе аккаунт будет заблокирован; либо сообщение о выигрыше в конкурсе или предложение скидочной акции, которое

предполагает, что жертва должна опять же перейти по ссылке для того, чтобы забрать приз или приобрести какой-либо продукт по скидке. Разумеется, в сообщении говорится о том, что количество призов или участвующих в акции товаров ограничено.

Такие же рычаги давления характерны для рассылки *тройских коней*, но в случае с тройными пользователю предлагается скачать какой-либо исполняемый файл. Так, для социальных инженеров, атакующих своих жертв с помощью тройских коней, достаточно типична схема, в которой социальный инженер сперва создает какие-либо неполадки в сети, к которой подключен компьютер, после чего звонит жертве и представляется сотрудником техподдержки и утверждает, что для того, чтобы избавиться от неполадок, необходимо скачать и установить программу, которую он предоставит.

Атаки вида *«quid pro quo»* используют *осознание ограниченности благ или взаимность* (в традиционном ее понимании, предложенном Р. Чалдини).

Претекстингу противостоят сложнее, чем другим видам социальной инженерии, поскольку подобная атака может использовать любую из шести черт или же определенные их сочетания.

Характеристика жертвы преступлений, совершенных при помощи социальной инженерии, во многом совпадает с характеристикой жертв мошенничества. Так, например, жертвами и мошенников, и социальных инженеров женщины становятся немного чаще мужчин в связи с тем, что женщины в большинстве своем обладают большей эмпатией, чаще стремятся помочь другим людям, в том числе и незнакомым, и более склонны доверять другим людям. Тем не менее в первую очередь при рассмотрении профиля жертвы социального инженера акцент следует делать на уровне подготовки.

Жертвами социальных инженеров гораздо чаще становятся люди, обладающие лишь минимальными навыками работы с компьютером, плохо понимающие принципы работы информационных систем и недооценивающие значимость сообщаемой ими информации. Высокий уровень компьютерной грамотности, а также осведомленность о видах и методах совершения преступлений с использованием социальной инженерии значительно снижает риск стать жертвой такого рода преступлений.

Следы, возникающие при совершении компьютерных преступлений. В современной криминалистической доктрине существует плюрализм мнений относительно самого понятия «след». Тем не менее большинство авторов единодушны в мнении о том, что основным свойством следа преступления является его информационная значимость¹⁸. Все следы содержат информацию как о них самих, так и о следообразующем объекте, механизме и условиях следообразования и обстоятельствах происшествия. Следы важны именно потому, что информация, которую они несут, важна при решении задач уголовно-процессуального исследования преступления.

Основываясь на этом, предлагалось следующее понятие следов преступления: «след преступления есть часть информации (материальной или идеальной), объективно возникающей в результате преступления и на стадиях его совершения (приготовления, исполнения, сокрытия), применительно к которой имеются научно обоснованные, практически проверенные и допустимые средства, приемы и методы ее обнаружения, извлечения, исследования использования и оценки»¹⁹.

Однако поскольку преступления, совершенные при помощи социальной инженерии, – это преступления, совершаемые в цифровой среде, механизм следо-

образования при совершении преступления при помощи социальной инженерии имеет определенные особенности. Так, основной вид следов, образующихся при совершении данных преступлений, – не материальные или идеальные, а виртуальные. В. А. Мещеряков выделяет следующие особенности виртуальных следов.

1. При использовании цифровой записи фиксируется не сам исходный объект или его полное отражение (например, звуковая волна или электрический сигнал магнитофона), а его математическая модель.

2. При цифровой записи информации на материальном носителе вместо реального объекта со всем многообразием его индивидуальных признаков записывается исключительно последовательность чисел, которая характеризует параметры математической модели. Из этого следуют два важных вывода:

а) для интеллектуальных следов полностью нивелируются понятия «ориги-

нал» и «копия», поскольку последовательность чисел, характеризующая параметры модели, будет оставаться неизменной и полностью идентичной оригиналу вне зависимости от того, какое количество копий будет сделано и на каком носителе эти копии будут записаны;

б) отождествлять цифровые записи с вещественными доказательствами нерезонно, поскольку сам материал носителя информации никакой значимости для расследования дела не имеет, а вся значимая информация содержится в цифровом виде и может полностью и без каких-либо искажений быть перенесена на любой другой материальный носитель²⁰.

Исходя из того, что речь идет об отдельной категории следов, при их обнаружении, исследовании и использовании в процессе доказывания целесообразно применять специальные методики работы с виртуальными следами и носителями компьютерной информации.

¹ См.: *Потанова Е. Н.* Некоторые особенности выявления и раскрытия бесконтактного мошенничества // Вестник Нижегородской академии МВД РОССИИ. 2017. № 4. С. 15–19.

² См.: *Суворова В. В., Суворова Л. А.* Совершение преступлений с использованием социальной инженерии : постановка проблемы // Теория и практика приоритетных научных исследований : сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции (г. Смоленск, 13 августа 2019 г.) / МНИЦ «Науко-сфера». Смоленск, 2019. С. 71–74.

³ См.: Mark Liberman. Phishing. URL: <http://itre.cis.upenn.edu/~myl/languageelog/archives/001477.html> (дата обращения: 22.10.2019).

⁴ См.: What is spear phishing? Microsoft Security At Home. URL: http://www.microsoft.com/canada/athome/security/email/spear_phishing.aspx (дата обращения: 11.09.2019).

⁵ См.: Clone phishing. URL: http://itlaw.wikia.com/wiki/Clone_phishing (дата обращения: 13.10.2019).

⁶ См.: Pretext Law & Legal Definition. URL: <https://definitions.uslegal.com/p/pretext/> (дата обращения: 13.08.2019).

⁷ См.: What is a Road Apple Social Engineering Attack? URL: <https://www.life-wire.com/what-is-a-road-apple-social-engineering-attack-2487194> (дата обращения: 09.08.2019).

⁸ См.: Leyden, John Office workers give away passwords. URL: http://www.theregister.co.uk/2003/04/18/office_workers_give_away_passwords/ (дата обращения: 18.08.2019).

⁹ К одному из первых методических рекомендаций по расследованию мошенничества можно отнести фундаментальную работу Г. Гросса «Руководство для судебных следователей как система криминалистики» (Глава XVIII. О мошенничестве). Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. М., 2002. 1088 с.

¹⁰ См.: Доступ к аккаунту GoDaddy удалось получить с помощью фотошопа. URL: <https://habrahabr.ru/company/webnames/blog/253663/> (дата обращения: 12.08.2019).

¹¹ См.: «Лаборатория Касперского» о шифровальщике «WannaCry». URL: <http://www.kaspersky.ru/about/news/virus/2017/Kaspersky-Lab-about-WannaCry> (дата обращения: 14.05.2019).

¹² См.: Вирус WannaCry затронул ресурсы некоторых банков России – ЦБ. URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/news/2017/05/19/690645-wannacry-resursi-bankov> (дата обращения: 19.05.2019).

¹³ См.: 'Aurora' Attacks Still Under Way, Investigators Closing In On Malware Creators. URL: <http://www.darkreading.com/attacks-breaches/aurora-attacks-still-under-way-investigators-closing-in-on-malware-creators/d/d-id/1132922> (дата обращения: 10.02.2019).

¹⁴ См.: Модный тренд APT-беспечность и как с ней бороться. URL: <https://habrahabr.ru/company/pt/blog/142024/> (дата обращения: 13.04.2019).

¹⁵ См.: EMAIL-WORM.VBS.LOVELETTER | Лаборатория Касперского. URL: <https://threats.kaspersky.com/ru/threat/email-worm.vbs.loveletter> (дата обращения: 18.02.2019).

¹⁶ См.: Чалдини Р. Психология влияния. СПб., 2016. 336 с.

¹⁷ The Autobiography of Benjamin Franklin, page 48. URL: <http://www.ushistory.org/franklin/autobiography/page48.htm> (дата обращения: 18.01.2019)

¹⁸ См.: Яблоков Н. П. Криминалистика : учебник для прикладного бакалавриата. М., 2017. С. 47 ; Белкин Р. С. Криминалистика : учебник для вузов. М., 2006. С. 202.

¹⁹ Суворова Л. А. Идеальные следы в криминалистике. М., 2010. С. 54.

²⁰ См.: Мещеряков В. А. Виртуальные следы» под «скальпелем Оккама» // Информационная безопасность регионов. 2019. № 1. С. 28–33 ; Его же. Преступления в сфере компьютерной информации : основы теории и практики расследования. Воронеж, 2002. С. 287.

Воронежский государственный университет

Суворова Л. А., кандидат юридических наук,
доцент кафедры криминалистики, адвокат
ВОКА АК «Баев и партнеры»

E-mail: maidon@yandex.ru

Тел.: 8-903-851-59-51

Суворова В. В., магистрант кафедры
криминалистики

E-mail: maidon@yandex.ru

Тел.: 8-958-509-80-33

Voronezh State University

Suvorova L. A., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Criminalistics
Department, attorney

E-mail: maidon@yandex.ru

Tel.: 8-903-851-59-51

Suvorova V. V., Master of the Criminalistics
Department

E-mail: maidon@yandex.ru

Tel.: 8-958-509-80-33

Е. В. Чиненов, В. И. Шукин, Е. И. Симоненко

Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина

ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ДОКУМЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА

А н н о т а ц и я: общеизвестно, что процесс раскрытия и расследования преступлений сопровождается назначением и производством различного рода экспертиз. В связи с тем, что сфера преступной деятельности рассматриваемой категории преступлений сопряжена с большим количеством документооборота, большое значение в процессе их раскрытия и расследования имеют технико-криминалистическая экспертиза документов, почерковедческая, автороведческая экспертизы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: технико-криминалистическая экспертиза документов, почерковедческая экспертиза, автороведческая экспертиза, экономические преступления, раскрытие и расследование преступлений, железнодорожный транспорт.

PROBLEMS OF CRIMINAL STUDY OF DOCUMENTS IN THE PROCESS OF DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF ECONOMIC CRIMES IN THE SPHERE OF RAILWAY TRANSPORT

A b s t r a c t: it is well known that the process of disclosing and investigating crimes is accompanied by the appointment and production of various kinds of examinations. Due to the fact that the sphere of criminal activity of the considered category of crimes is associated with a large amount of document circulation, technical and forensic examination of documents, handwriting, author's examination are of great importance in the process of their disclosure and investigation.

Key words: technical and forensic examination of documents, handwriting examination, author's examination, economic crimes, crime detection and investigation, railway transport.

Поступила в редакцию 17 июня 2020 г.

Технико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования экономических преступлений в сфере железнодорожного транспорта направлено на достижение задач наиболее полного и эффективного сбора доказательств по уголовному делу.

В настоящее время число экономических преступлений растет, в связи с чем вопросам разработки новых и совершенствования имеющихся методик расследования различных видов экономических преступлений в науке отводится значительное место. Методика расследования преступлений в целом и экономических преступлений в сфере железнодорожного транспорта в частности направлена на

собираение доказательств. В значительной части этот процесс сопровождается назначением и производством различного рода экспертиз. Это обусловлено тем, что сфера преступной деятельности рассматриваемой категории преступлений сопряжена с изучением большого количества документов. Так, объектами изучения в рамках раскрытия и расследования преступлений являются акты, бланки, договоры, записки, заявления, извещения, кассовые чеки, квитанции, платежные поручения, приходные и расходные кассовые ордера, свидетельства, счета-фактуры, товарные чеки и др. В ходе их изучения могут быть установлены несоответствия между реквизитами в документах, между документами и учетными регистрами, между документами, счетами и отчетностью¹. Дальнейший детальный анализ в рамках экспертного исследования может указывать на признаки и следы преступления.

Эффективность обнаружения и исследования документов в ходе раскрытия и расследования экономических преступлений в сфере железнодорожного транспорта непосредственно связана с его технико-криминалистическим обеспечением. Однако его реализация имеет ряд проблем организационного, кадрового и методического характера. В частности, на сегодняшний день Линейные отделы МВД России на транспорте испытывают дефицит в сотрудниках экспертно-криминалистических подразделений, в связи с чем справиться с объемом работы становится все сложнее. Эксперты экспертных подразделений МВД России на транспорте производят, как правило, «традиционные криминалистические экспертизы», а «нетрадиционные криминалистические экспертизы»² производят эксперты узкого профиля, которые дислоцируются в территориальных органах МВД России. Это обуславливает увели-

чение сроков производства экспертиз и, как следствие, затягивает сроки предварительного расследования преступления.

Следует отметить некоторые особенности производства рассматриваемых видов экспертиз. Методика исследования объектов технико-криминалистической, почерковедческой, автороведческой экспертиз постоянно совершенствуется. Однако для ее реализации необходимы дорогостоящее оборудование и специалисты соответствующего профиля.

Так, основными диагностическими и идентификационными задачами технико-криминалистической экспертизы документов являются установление способа изготовления документов, давности нанесения реквизитов, содержания залитых, замазанных, угасших записей, отождествление конкретных технических средств, использованных для изготовления документов, и т. д.³ В связи с этим содержание экспертной деятельности в данном случае, определение задач исследования зависят от объема доказательственной информации, которая имеется в распоряжении следователя, а также характеристик объектов, передаваемых эксперту.

Эффективность технико-криминалистического обеспечения раскрытия и в целом расследования рассматриваемых преступлений во многом зависит от использования следователем специальных знаний. Это дает возможность формировать его компетентность в вопросах назначения экспертизы и тактически грамотного планирования расследования экономического преступления⁴.

Затрагивая вопросы технико-криминалистического обеспечения экспертной деятельности в целом и криминалистического исследования документов в частности, при раскрытии и расследовании экономических преступлений в сфе-

ре железнодорожного транспорта необходимо отметить вопрос технического оснащения экспертных подразделений. Так, например, в экспертной практике поднимается вопрос об использовании новейшей разработки в сфере цифровой микроскопии – микроскопа Leica DVM6 (производитель Leica Microsystems, Германия). Данный прибор обладает уникальным набором оптических и программных характеристик, которые значительно расширяют возможности технико-криминалистической экспертизы документов и других видов экспертиз. Одним из преимуществ указанного прибора является возможность построения моделей в 3D, что облегчает проведение идентификационных криминалистических исследований.

Недостатком практики использования данного микроскопа является высокая стоимость. По этой причине не все государственные органы могут его приобрести. Вариантом решения указанной проблемы может стать «разработка отечественного аналога, что значительно упростит процедуру их государственных закупок для экспертных целей, а также поможет негосударственным экспертам применять новейшие методы исследования⁵.

Существуют уникальные компактные приборы для оперативного и углубленного исследования защищенных документов, многофункциональное криминалистическое оборудование и специализированные экспертные приборы, полностраничные считыватели документов, удостоверяющих личность, информационно-справочные системы⁶, которые в условиях функционирования железнодорожного транспорта характеризуются широким спектром применения различного рода программных продуктов, автоматизированных систем. Они могут оказать значительную помощь сотрудникам правоохранительных органов

в установлении лиц, совершивших преступление.

К сожалению, не все приборы имеются в распоряжении сотрудников как территориальных органов МВД, так и линейных подразделений. В связи с этим актуальным остается вопрос о пополнении экспертных подразделений современным комплексом аппаратно-технических средств, что положительно скажется на технико-криминалистическом обеспечении субъектов криминалистического исследования документов.

В рамках производства судебных почерковедческих экспертиз, назначаемых по экономическим преступлениям в сфере железнодорожного транспорта, остается проблема широкого применения компьютерной техники. Ее использование позволило бы увеличить число экспертных исследований, графическим объектом которых является подпись.

В последнее время подпись граждан характеризуется упрощенным строением, что не обеспечивает ее юридическую защиту. Вследствие указанного обстоятельства данный объект исследования является малоинформативным объектом судебной почерковедческой экспертизы, что влияет на ее эффективность.

Одной из проблем судебной почерковедческой экспертизы является наличие большого количества вероятных выводов и выводов формы «НПВ» (ответить на вопрос не представляется возможным). Причиной этому служит предоставление недостаточного количества образцов почерка и подписей проверяемых лиц, предоставление несопоставимых образцов, непредставление свободных образцов, представление на исследование копий документов, качество которых не позволяет признать исследуемые объекты пригодными для идентификационного исследования, а также краткость и простота исследуемых объектов.

В связи с изложенным считаем справедливой точку зрения В. А. Мещерякова и А. Л. Пошвина, указывающих на то, что «решение идентификационных задач почерковедческой экспертизы без предварительного проведения технико-криминалистического исследования документа, направленного на экспертизу, не только не целесообразно, но и следует запретить нормативно. Только убедившись в рукописной природе документа и отсутствии признаков полной или частичной подделки, можно будет применять весь арсенал методов и средств почерковедческой экспертизы»⁷.

С учетом повсеместного распространения компьютерной техники считаем необходимым проведение компьютерных экспертиз, которое сопутствует технико-криминалистическому и почерковедческому исследованию. Оно должно включать изучение программного обеспечения и зафиксированных в нем следов преступления. При разрешении частных вопросов, таких как, например, на каком аппаратно-программном комплексе был изготовлен исследуемый документ, целесообразным представляется назначение комплексной экспертизы, включающей изучение программного обеспечения компьютера и следов, оставленных исполнительными элементами печатающего устройства⁸.

Документ как объект криминалистического анализа может быть исследован с его содержательной стороны в рамках автороведческой экспертизы с целью установления автора текста. Конечно, данный вид экспертизы нельзя назвать одним из самых распространенных, однако его актуальность и практическое значение от этого не уменьшаются. Так, сегодня, в условиях всеобщей компьютеризации всех сфер деятельности, на первый план выдвигается интернет-переписка лиц, причастных к совершению престу-

пления, обмен информацией в локальных сетях организаций, документы, содержащие криминалистически значимую информацию об авторе текста и его индивидуально-личностных характеристиках.

В данном случае объектом автороведческого исследования является текст как носитель речи автора, т. е. зафиксированное в тексте использование автором языковых средств в процессе коммуникации. Сроки ее производства обычно длительные и зависят от характеристик исследуемого материала, а также количества объектов. В связи с этим следует уделять должное внимание выбору объектов, предоставляемых на исследование. Так, если в распоряжении инициатора имеется корпус текстов, то из них должна проводиться выборка наиболее представительных текстов, отвечающих требованиям необходимости, достаточности и относимости к преступлению.

В современных условиях, когда технические средства связи получили мощное развитие, одной из актуальных задач автороведческой экспертизы является разработка методических подходов к выявлению признаков синтеза речи и анализу характеристик авторов текстов, создаваемых с использованием специализированных программ.

В качестве перспектив развития технического обеспечения в области криминалистического исследования фонограмм (устной речи) на предмет выявления наличия–отсутствия признаков синтезированной речи можно обозначить потребность в разработке соответствующего аппаратно-программного комплекса⁹.

Изменение в настоящее время характеристик объектов рассматриваемых экспертиз и методических подходов к их исследованию привело к необходимости:

– совершенствования технического оснащения экспертов территориальных

и линейных подразделений полиции, занимающихся производством указанных видов экспертиз, и модернизации аппаратно-программных комплексов, необходимых для их проведения;

- совершенствования методики производства рассматриваемых экспертиз;
- повышения квалификации экспертов соответствующих экспертных специальностей.

Успешное решение задач криминалистического исследования документов в процессе раскрытия и расследования эко-

номических преступлений, совершаемых в сфере железнодорожного транспорта, зависит от эффективного использования специальных знаний. Следовательно в целях оптимизации процесса расследования и его организации необходимо знание методических основ проведения различного вида экспертиз, особенностей ее назначения и проведения. Это формирует его компетентность в вопросах назначения экспертизы и тактически грамотного планирования расследования указанных преступлений.

¹ См.: Чиненов Е. В. Бухгалтерские документы как источник доказательств в уголовном судопроизводстве : учеб. пособие / М-во внутренних дел Российской Федерации, Белгородский юридический ин-т. Белгород, 2010. 35 с.; Чиненов Е. В., Щукин В. И. Следы экономических преступлений, совершаемых на объектах железнодорожного транспорта // Юрист-Правоведъ. 2018. № 3 (86). С. 146–150.

² См.: Аверьянова Т. В. Классификация судебных экспертиз // Актуальные проблемы судебной экспертизы : тр. Академии управления ИВД РФ. М., 1998; Филиппов А. Г. О понятии и классификации криминалистических экспертиз // Актуальные проблемы криминалистического обеспечения расследования преступлений : тр. Академии МВД РФ. М., 1996. С. 133–134; Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М., 2005. С. 139; Эксперт. Руководство для экспертов органов внутренних дел / под ред. Т. В. Аверьяновой и В. Ф. Статкуса. М., 2003. С. 517; Скоморохов О. Н. Симоненко Е. И., Малыгин И. В. Проведение судебных экспертиз в экспертных подразделениях и учреждениях : учеб. пособие. Белгород, 2018. 109 с.

³ См.: Мещеряков В. А., Пошвин А. Л., Цурлуй О. Ю. О некоторых проблемах почерковедческой экспертизы по копиям подписей // Первые Чебоксарские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения, посвященные 100-летию образования экспертно-криминалистической службы в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации : сборник материалов Всероссийской научно-практической видеоконференции. Чебоксары, 2019. С. 185–192.

⁴ См.: Бертовский Л. В., Глазунова И. В. Обеспечение судебной экспертизы по делам об экономических преступлениях как тактическая операция // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2016. № 4. С. 161–165.

⁵ См.: Барбачакова Ю. Ю. Современные возможности при проведении технико-криминалистических экспертиз и исследований документов // Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений : научное электронное издание (16 020 Кб). М., 2019. С. 24–27.

⁶ См.: Бочарова О. С. Новые возможности автоматического считывания и приборной проверки подлинности документов, удостоверяющих личность // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти заслуженного юриста РФ, д-ра юрид. наук, проф. Ю. К. Орлова (19–20 января 2017 г.). М., 2017. С. 63–66.

⁷ *Мещераков В. А., Пошвин А. Л.* Особенности современного экспертного исследования почерковых объектов // Проблемы применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства : сборник материалов Международной научно-практической конференции. Воронеж, 2018. С. 285–287.

⁸ См.: *Пырков М. А., Золотов М. А.* К вопросу об использовании специальных знаний при расследовании преступлений в сфере банкротства организаций // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2018. № 3, т. 1. С. 159–168.

⁹ См.: *Громова А. В., Назарова Т. В.* Актуальность модернизации аппаратно-программных и методических средств для производства фоноскопических, лингвистических и автороведческих экспертиз, обусловленная спецификой речи и текста как объектов исследования // Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений : научное электронное издание (16 020 Кб). М., 2019. С. 24–27.

*Белгородский юридический институт МВД
России имени И. Д. Путилина*

Чиненов Е. В., кандидат экономических наук,
доцент, начальник кафедры
криминалистики

E-mail: chinenovevg@yandex.ru

Щукин В. И., кандидат юридических наук,
доцент, профессор кафедры
криминалистики

E-mail: schukin56@yandex.ru

Симоненко Е. И., кандидат филологических
наук, старший преподаватель кафедры
криминалистики

E-mail: kejt9@mail.ru

*Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal
Affairs of Russia named after I. D. Putilin*

Chinenov E. V., Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor, Head of the Department
of Criminalistics

E-mail: chinenovevg@yandex.ru

Shchukin V. I., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Professor of the Department
of Criminalistics

E-mail: schukin56@yandex.ru

Simonenko E. I., Candidate of Philological
Sciences, Senior Lecturer of the Department
of Criminalistics

E-mail: kejt9@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, НАПРАВЛЯЕМЫМ В РЕДАКЦИОННУЮ КОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1. К публикации принимаются материалы, которые соответствуют предъявляемым требованиям, в том числе тематической направленности журнала. Опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Вопрос о публикации решает редакционная коллегия журнала.

2. Для публикации статьи необходимо представить в редакцию журнала следующие материалы и документы:

2.1. Подписанный автором текст статьи, в который входят:

- индекс УДК;
- название статьи на русском и английском языках;
- инициалы и фамилия автора (соавторов) на русском языке;
- наименование образовательной, научной или иной организации, в которой автор (соавторы) работает или занимает соответствующую должность;
- аннотация и ключевые слова на русском и английском языках;
- дата направления материала в редакцию журнала;
- текст статьи;
- затекстовые библиографические ссылки;
- сведения об авторе (соавторах) на русском и английском языках с полным указанием фамилии, имени, отчества, ученой степени, ученого звания, основного места работы, занимаемой должности, номера телефона (служебного, домашнего или мобильного), адреса электронной почты.

2.2. Электронную версию предоставляемого материала (на USB-флеш-накопителе или оптическом диске).

2.3. Выписку из протокола заседания кафедры (сектора, подразделения); для аспирантов и соискателей – также отзыв научного руководителя о рекомендации пришедшего материала к опубликованию в журнале.

3. Статьи, направляемые в редакцию, подлежат рецензированию, в случае положительной рецензии – научному и контрольному редактированию.

4. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ, НАПРАВЛЯЕМЫХ В РЕДАКЦИОННУЮ КОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ

1. Текст статьи должен быть набран в формате Microsoft Word, шрифт – Times New Roman, размер – 14, через 1,5 интервала; распечатан на белой бумаге с одной стороны листа.

2. Все поля на листе – 2 см.

3. Библиографические ссылки оформляются шрифтом 12 кегля и располагаются в конце статьи. Нумерация ссылок сквозная. Правила оформления ссылок – в соответствии с ГОСТом 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Во избежание ошибок редакционная коллегия рекомендует авторам

самостоятельно не сокращать сноски, всякий раз приводя полные сведения о цитируемом источнике.

4. Объем статьи не должен превышать 16–18 страниц.

5. Названия учреждений, органов государственной власти, международных организаций не сокращаются. Все аббревиатуры и сокращения должны быть расшифрованы при первом упоминании в тексте.

6. Все страницы рукописи следует пронумеровать.

7. Все таблицы и рисунки должны иметь отсылочные упоминания в тексте.

7.1. Таблицы и рисунки должны иметь сплошную порядковую нумерацию (если таблица или рисунок представлены в единственном числе, порядковый номер им не присваивается, и они обозначаются соответственно «Таблица», «Рисунок»). Каждый столбец (колонка) должен иметь короткий заголовок (в нем могут быть использованы сокращения, аббревиатуры). Разъяснения терминов, аббревиатур помещаются в примечании, располагаемом непосредственно после таблицы. Для сноски применяется символ «*». Если используются данные из другого опубликованного или неопубликованного источника, должно быть полностью приведено его название.

7.2. Иллюстрации – схемы, диаграммы, фотографии и др. – должны быть только черно-белыми, иметь порядковую нумерацию. Каждая иллюстрация должна иметь отсылочное упоминание в тексте статьи, размещаться в общем файле непосредственно после упоминания. Электронная версия каждой иллюстрации должна быть представлена в виде отдельного файла в формате tif или jpg с разрешением не менее 300 dpi.

РЕШЕНИЕ О ПУБЛИКАЦИИ И ОТКАЗ В ПУБЛИКАЦИИ

1. Автор, направляя в журнал текст статьи, обязуется до принятия решения о публикации не представлять идентичный материал другим печатным изданиям.

2. В случае если для принятия решения о публикации необходимы познания в узкой области юриспруденции, редакционная коллегия направляет статью для заключения специалистам или экспертам.

3. В отдельных случаях возможна доработка (улучшение качества) статьи автором по рекомендации редакционной коллегии. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде вместе с ее первоначальным вариантом в максимально короткие сроки. К переработанной рукописи автору (соавторам) необходимо приложить письмо, содержащее ответы на сделанные редакцией замечания и пояснение всех произведенных в статье изменений.

4. Отказ в публикации возможен в случаях:

- несоответствия статьи профилю и специфике журнала;
- грубых нарушений, допущенных при цитировании, в том числе при ссылках на нормы права;
- несоответствия статьи критериям научного уровня и практической полезности;
- отрицательного заключения редакционной коллегии;
- опубликования статьи в иных изданиях или представления статьи для опубликования идентичных материалов в другие издания.

5. Рукописи, представленные для публикации, не возвращаются.

THE REQUIREMENTS TO THE MATERIALS DIRECTED TO AN EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL FOR PUBLICATION

GENERAL PROVISIONS

1. Accepted for publication materials which meet the requirements, including the thematic focus of the journal. The published materials as well as materials submitted for publication in other journals will not be accepted. The publication addresses Editorial board.

2. To publish an article must be submitted to the journal the following materials and documents:

2.1. Signed by the author of the article text, which includes:

- UDC;
- title of the article in Russian and English languages;
- initials and surname of the author (coauthors) in Russian;
- name of educational, scientific or other organization, in which the author (coauthors) operates or holds an appropriate position;
- abstract and key words in Russian and English languages;
- the date of the direction of the material to the editors;
- text of the article;
- endnotes bibliographical references;
- information about the author (coauthors) in Russian and English languages with full indication of the surname, name, patronymic, scientific degree, academic status, main place of work, position, telephone number (office, home or mobile), e-mail addresses.

2.2. The electronic version of the material provided (on the USB-flash-drive or optical drive) or e-mail: tanya@law.vsu.ru.

2.3. Extract from the minutes of the meeting of the department (sector unit); for post-graduate students – is also a review of the supervisor of the recommendations sent by the material for publication in the journal.

3. Articles sent to the editor are subject to peer review in the case of a positive review – scientific and controlling editing.

4. The publication of articles is free of charge.

REQUIREMENTS TO ARRANGEMENT OF THE MATERIALS DIRECTED TO AN EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL FOR PUBLICATION

1. The text is printed in a text editor of WinWord, font – Times New Roman, size – 14, interval – 1.5; printed on white paper with one side of the sheet.

2. All of the fields in the sheet – 2 cm.

3. References made out font 12 point size, and are located at the end of the article. Reference numbering sequentially. Rules for reference – in accordance with the state standard specification 7.0.5–2008 «The bibliographic references. General requirements and rules of drawing up». In order to avoid mistakes the editorial board recommends not to reduce references independently, each time pointing out full data on the citing source.

4. The text should not exceed 16–18 pages.

5. Names of institutions, public authorities, international organizations are not reduced. All abbreviations and acronyms should be defined when first mentioned in the text.

6. All manuscripts should be numbered page.

7. All tables and figures should have referential mention in the text.

7.1. Tables and figures should have a continuous serial numbering (if the table or figure presented in the singular, it is not assigned a serial number, and they are denoted by «Table», «Picture»). Each column should have a short heading (it can be used abbreviations and reductions). Explanations of terms, acronyms are placed in a footnote, which is located directly below the table. The symbol «*» is applied for references. If you use data from another published or unpublished source, should be fully incorporated its name.

7.2. Illustration – charts, graphs, pictures, etc. – should only be black and white, have serial numbering. Each illustration should have referential references in the text of the article, placed in the general file immediately after the mentions. The electronic version of each illustration should be submitted as a separate file in format tif or jpg with a resolution of at least 300 dpi.

DECISION ON PUBLICATIONS AND REFUSAL OF PUBLICATION

1. Sending the article to the journal, the author is obliged not to represent identical material to other publishers before decision on the publication is made.

2. The editorial board sends articles for the conclusion to specialists or experts in case if knowledge of narrow area of jurisprudence is necessary to make decision on the publication.

3. In some cases, possible improvements (quality improvement) of the author, on the recommendation of the editorial board. Article directed to the author for revision must be returned in the amended form, together with its original version as soon as possible. By the revised manuscript to the author (co-authors), you must attach a letter containing answers to the comments made by the editorial staff and an explanation of the changes made in the article.

4. Denial of publication is possible in the following cases:

- inconsistencies article profile and specifics of the magazine;
- the rough violations in citing including references to statute rules;
- inconsistencies article criteria of the scientific level and practical utility;
- an unfavorable opinion of the editorial board;
- publication of the article in other publications or article submission for publication of identical materials in other publications.

5. The manuscripts submitted for publication will not be returned.

